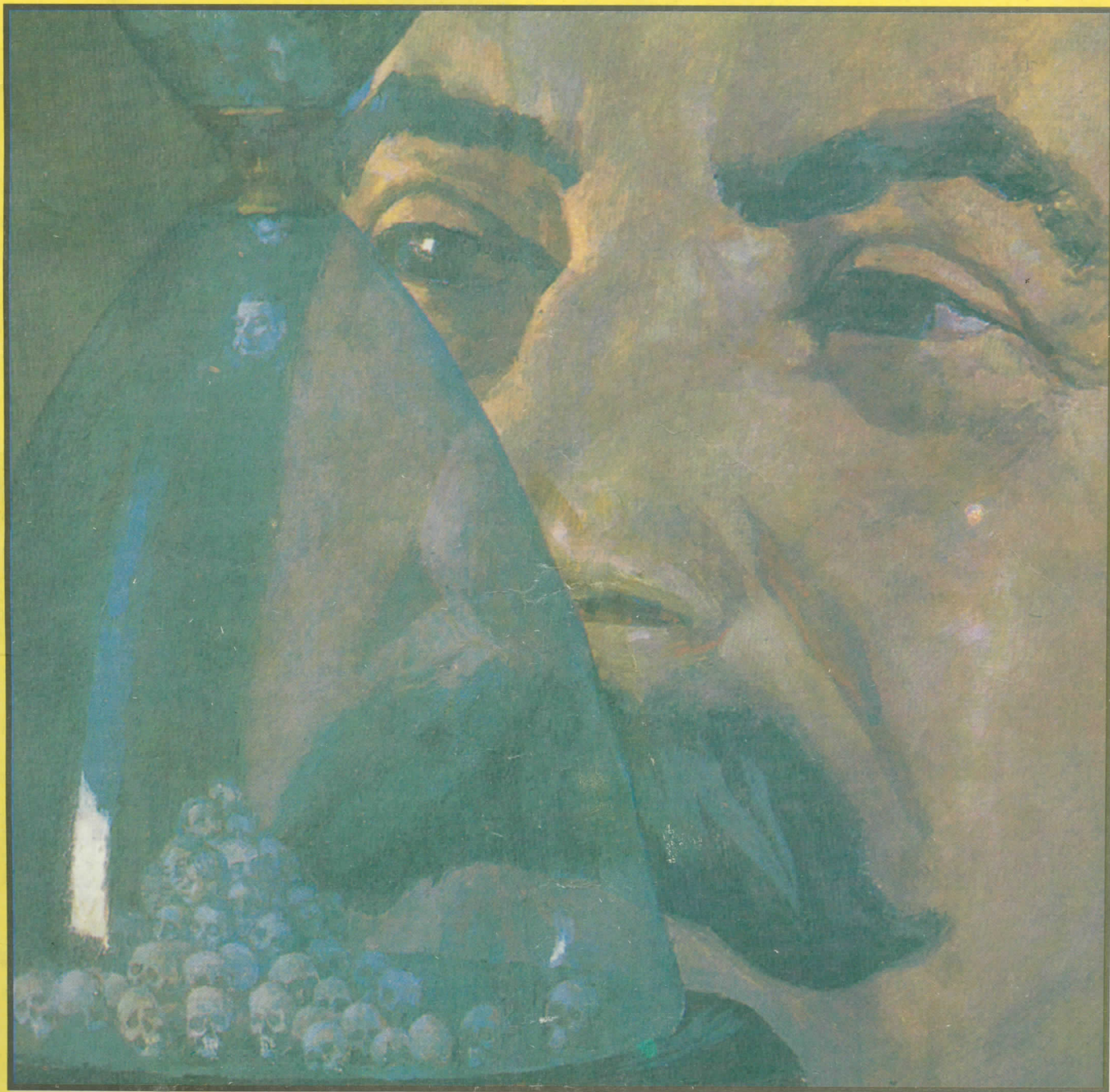

СТОЛИЩА

иллюстрированный еженедельник

№16 (126) 1993г.

ФРОНТ НАЦИОНАЛЬНОГО СПАСЕНИЯ:

«ВРЕМЯ, НАЗАД!»

861-8

страница 6

AMERICA OFFERS THE WORLD A CHOICE

ВПЕРВЫЕ
В РОССИИ
САМЫЕ
ПОПУЛЯРНЫЕ
АМЕРИКАНСКИЕ
СИГАРЕТЫ
1992 ГОДА

Global

20 CLASS A FILTER CIGARETTES

НАКАНУНЕ

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

Вверх по лестнице, ведущей вниз, и все ступеньки этой лестницы сосчитаны, взвешены, измерены

VI съезд народных депутатов — «фальш-старт», первая попытка свалить Гайдара, «ребята растерялись», но ребята не растерялись, и Хасбулатов, тронув пальцем воду, взвизгивает «л-л-ледя-ная!» и оправдывается по ТВ: «Это в отношении там членов правительства. Вот, оказывается, обиделись, оскорбились. Ну, если они оскорбились, так, я, ей-богу, приношу им самые глубокие извинения, вот, перед всей страной, перед всем миром, так, ну, я не хотел никого обидеть, оскорбить».

VII съезд. Эту ступеньку съезду помог переступить (можно сказать, перенес съезд на руках) сам президент. Он рванул рубаху на трибуне, но, не получив поддержки, «опал» — и, в результате, наконец-то «сдал» Гайдара. При этом заключен непонятный «компромисс» между ВС и Ельциным, по типу «кому бублик — кому дырка от бублика».

VIII съезд. Теперь все становится на свои места, теперь уже ясно кому — что. Компромисс, естественно, разорван («бес попутал», в полном соответствии с Конституцией объясняет Хасбулатов), и еще более естественно, в «докомпромиссную эру» никто и не думает вернуться. На VII съезде Ельцин потерял Гайдара, на VIII он, вдобавок к этому, теряет еще и свои полномочия. Получается, что «Зорькин-бес» попутал-то как раз Ельцина! Это подталкивает его второй раз рвануть душащий ворот, второй раз дернуться к народу, объявить об «особом режиме управления» и плебисците. Обращение не пропало бесследно. Ельцин получил даже поддержку Валерии Новодворской, до того не слишком почитавшей президента: «Демократический государственный переворот называется революцией сверху. Именно

этот последний вариант предложил нам Ельцин. И я иду с ним в долину. Мы будем жить долго и счастливо — или умрем в один день. И что мне до легитимности революции!»

Не знаю, вдохновило это признание в любви Бориса Николаевича или нет, но на сей раз он стоит достаточно твердо. Особый режим управления, правда, куда-то исчезает, но плебисцит остается.

С другой стороны, и съезд доволен: «Лезут? Хорошо. Сотрем в порошок».

Итак — на таран. Лобовое столкновение — и чур, не увилывать!

IX съезд. Ельцин попробовал опять «отвернуть». Это был самый опасный для него момент. Если бы «бес № 2» попутал его еще раз и он бы отступил от своей идеи референдума — все, конец. Такого удара моральный авторитет президента не перенес бы. Но, к счастью, ошалелонепримиримая оппозиция никакого компромисса не приняла и тем самым выправила курс Ельцина. На таран, только — на таран! Если на VII съезде впервые сделана попытка свалить правительство, то на IX впервые сделана попытка свалить президента. Очевидно, что или на X съезде это завершится импичментом или X съезд «не будет иметь место быть».

Лестница пройдена до последней ступеньки, за которой — облом. Дальше съезду идти некуда, дальше пропасть референдума. Веревоочка вилась два года — и размоталась до конца. Намоталась на чей-то кулак. Начался великий настоящий дележ бывш. госсобственности.

ЛОГИКА «БЕЛОГО ДОМА»

Однако такое простое решение «или — или», по-моему, маловероятно. Прежде всего у нас на пути встает в высшей степени остротная система определения результатов голосования.

Будем исходить из того, о чем говорят все вопросы: на вопрос «ты меня уважаешь?!» Ельцин услышит радост-

ное (или хмурое...) «да» больше чем от половины тех, кто проголосовал, но меньше чем от половины списочного состава избирателей. На робкое «вы за переизбрание народных депутатов досрочно?» грубо отрубят «да» тоже больше половины неблагодарных граждан, явившихся на референдум, но тоже — меньше половины имеющих право быть услышанными.

Что же из этого следует?

Ельцин однозначно скажет, что он победил, съезд же «размазан». И фактически он, несомненно, будет однозначно прав.

Но съезд столь же однозначно скажет, что съезд победил, а Ельцин проиграл, что Ельцина как раз надо отрешить, а съезд оставить. И юридически тоже будет прав (если только за время между написанием этой статьи и референдумом не будет изменена процедура официального подведения итогов).

Вся хитрость в том, что вопросы о Ельцине и о съезде не только звучат по-разному, но они прямо противоположны. Про Ельцина вопрос сформулирован так, что добиться формальной победы почти невозможно, про съезд — так, что добиться формального поражения почти невозможно.

«Ты меня уважаешь?» — спрашивает Ельцин.

«Ты меня не уважаешь?» — спрашивает съезд.

Если бы Ельцин, со своей стороны, тоже задал вопрос: «Вы не доверяете президенту России?», то при тех же самых фактических результатах голосования он бы считался формально выигравшим. В самом деле, допустим, что на референдум пришли 70% избирателей от общей массы и 70% от их числа сказали Ельцину: да, доверяем, а 30% — нет, не доверяем. Значит, «доверяет» ему 49%, «не доверяет» 21%, знать не знает, ведать не ведает — 30% от общей массы избирателей.

Итог: «доверяет» меньше 50% от общего числа избирателей.

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

В.Воронов:

Выкрик из зала: «Эта вонючая погань, Лужков, создает какие-то свои дружины! Что нам делать?» «Записываться туда», — мгновенно реагирует находчивый нардеп Бабурин.

6

М.Соколов:

Правоведы злы на Зорькина не столько даже за его успехи в закручивании политического кризиса, сколько за то, что в результате его плясок становлению правосознания и правозаконности оказался нанесен серьезный урон.

8

Н.Ермаков:

Через 24 часа после второго тура Эдуард Болладюор был назначен премьер-министром, через 48 часов он представлял состав нового правительства Франции.

12

2 ЭКОНОМИКА

А.Агопов:

Сироты детского дома в Стерлитамакском районе Башкортостана стали акционерами А/О «Каучук»: в обмен на свои ваучеры получили по 40 тысяч рублей каждый.

20

А.Ефимова:

Минимальная потребительская корзина определяет черту бедности. Сегодня она составляет 22 тысячи...

22

А.Илларионов, первый зам. руководителя Рабочего центра экономических реформ при правительстве:

Если Центральный банк раздает кредиты направо-налево, как бесплатную похлебку, а из бюджета на социальные нужды средства черпают словно из бездонной бочки, цены могут быть сколь угодно высокими.

24

3 ЖИЗНЬ

Е.Аверина:

...Многие будущие мамы стали спрашивать у нее, как и чего делать во время родов. Жанна советовала-советовала, пока не стала сама принимать роды.

32

А.Павлов:

Наши спецы с полчаса валялись в припадке — ржали и бились... потом поднялись, отряхнулись и сказали: «Слушай, Вася... Кто тебе вообще внушил, что в армии думать надо? В инструкции написано «жми кнопку»? Так какого же ты...»

36

А.Митрофанов:

Была тут и «гостиница для беженцев». Или «странно-приимный дом». Или бомжатник — дело не в названии. С трапезной, с кухней и всеми обязательными для подобных поселений функциями. Однажды у бомжей протекла бочка кислой капусты. Прямо над мемориальным кабинетом писателя Телешева...

44

4 КУЛЬТУРА

Г.Волчек:

Отношения актер — режиссер, если они длительны, всегда отношения любви — ненависти.

50

Ю.Айзеншпис:

Если раньше на сцену попадали люди неслучайные — с каким-то музыкальным образованием, с опытом работы при филармониях, то сейчас же абсолютно любой человек, мало-мальски талантливый, может выйти на сцену.

56

М.Ардов:

...Владыка с удивлением заметил, что по случаю жаркой погоды батюшка служит в резиновых пляжных тапочках, т.н. «вьетнамках».

60

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г.
Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.
Свидетельство о регистрации № 84
Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону:
923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский
Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни: Александр Касатов
Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина
Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел международной жизни: Консуэло Сегура
Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак
Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 16.04.1993 г.
Тираж 100 000
Цена договорная

Над номером работали:
В.Старчевский, А.Пружинина, Л.Коновалова

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д.7. Зак. 1160

Вывод: не доверяет вам народ, Борис Николаевич!

Теперь представим себе, что вопрос сформулирован «правой рукой через левое ухо»: «Вы не доверяете президенту?».

Результаты — те же. Опять голосует 70% от общей массы, из них 30% не доверяет (т.е. на этот вопрос ответят: да, не доверяем), 70% доверяет (и ответят: нет, доверяем).

Итог: положительно ответили на вопрос (не доверяют) те же 21% избирателей.

Вывод: в целом на вопрос о недоверии народ дал отрицательный ответ, а значит — народ доверяет Вам, Борис Николаевич!

И вот именно такие правила съезд изобрел для себя!

У вас голова не лопнула, пытаетесь понять всю эту абракадабру, пытаетесь рассмотреть этот наизнанку вывернутый мир? Что же делать — вот такую процедуру придумали наши народные «логик-затейники».

Это же надо, мастера — какие правила выдумали, а?

Забег — общий, правила — одинаковые, участников — сто. Ельцин проиграл, если не пришел первым, съезд не проиграл (а, значит, победил), если не пришел самым последним. Ну, орлы...

Больше того. Тут возникает замечательная логическая вилка. Ведь на президента запасено два капкана. Вопрос № 1 — «вы доверяете президенту?». Вопрос № 3 — «вы за досрочные выборы президента?», т.е. фактически «вы не доверяете президенту?». По первому вопросу Ельцин «горит», зато сразу после этого, по третьему, выигрывает! Но — избави меня, Господи, от таких выигрышей, а уж с проигрышами — сам справлюсь.

Ведь фактически это значит, что, с капканом на одной ноге вывалившись из волчьей ямы вопроса N 1, Ельцин тут же вставляет вторую ногу в мертвый капкан вопроса N 3.

По первому вопросу он «проиграл» и, «как честный человек», обязан уйти... предоставив трон генералу Руцкому. А по вопросу N 3 досрочных выборов президента быть не должно! Народ не желает, так сказать... Досрочных выборов — президента... А.В. Руцкого!

«ВЫИГРЫШ — НЕ ВЫИГРЫШ, НО «ПРОИГРЫШ» — ПРОИГРЫШ

Все эти логико-семантические и юридические выкрутасы, конечно, очень смешны и ясно показывают только одно — до какой же степени они не имеют значения, до какой степени на эти «комбинации слов» нельзя опираться в реальной политике. Под юридической паранджой, которую

себе сплел съезд народных депов, не спрячешься от грубой реальности.

«Гамлет: Кажется, ведь пергамент выделывают из бараньей кожи?»

Горадио: Да, принц, а также из телячьей.

Гамлет: Ну, так бараны и телята — те, кто верит в прочность пергамента».

Хоть наши депутаты и пытаются изобразить, что свято верят в прочность ими самими и себе на потребу выделанного «конституционного пергамента», в действительности это, разумеется, не так. Не такие уж они наивные телята, чтобы всерьез верить в преимущества бумаги перед жизнью. Они отлично понимают — если подавляющее большинство проголосует за Ельцина и против ВС, то тут уж «против лома нет приема... окромя другого лома». А поскольку никакого «другого лома» у депутатов нет, их голоса и мнение Конституционного суда — это лишь меньше тысячи голосов, которые не могут перетянуть десятки миллионов голосов, то придется им...

Придется им — что, собственно, делать?

Уходить?

Нет, я думаю, что Ельцину трудно, да и невыгодно будет их «уходить». Он долго ломал голову — как «материализовать» свое моральное преимущество над ВС. И наконец придумал. Достаточно это преимущество просто ясно показать. Тогда в «холодной войне», которую президент ведет с ВС, сразу наступит перелом. Заметим, что ведь и все пирровы победы VI—IX съездов были победами не столько юридическими, сколько моральными. Депутаты показывали свое преимущество, нападая «семеро на одного» в закрытом зале. Но когда они попробовали моральное преимущество «материализовать», провести свой несчастный импичмент, испугались, не вышло. Пришлось им оставаться при «моральной победе» над президентом.

Теперь пришла очередь Ельцина. Он вырвался из клубка висящих на нем депутатов, рывком вышиб дверь и заорал: «ребята — сюда!». И прибежали «его люди» — народ. И встали. Теперь уже очередь депутатов морально сгибаться.

Да, шла — и идет, — к счастью, «холодная», психологическая, моральная, символическая война.

Причем ситуация совсем не симметричная.

Если бы — сохрани Господи! — моральную (по числу голосов) победу (или полупобеду, даже не слишком оглушительное поражение) потерпел наш «антипарламент», то он бы быстро и юридически чисто «материализовал» результат — импичмент не поставил бы себя ждать. Дальше бы все шло именно по той логике, о кото-

рой так проникновенно говорил последнее время Хасбулатов: лучше шумный съезд, чем диктатура, чем удары кованых сапог в дверь ночью. Но выстроится цепочка: президент Руцкой — полный ступор власти — хаос — настоящая диктатура, с «коваными сапогами». В шуме съезда мы и слышим поскрипывание сапог. И зря, между прочим, наш Руслан Имранович Сусанин, который, вертясь вокруг своей оси, черт знает куда заехал и других завел, зря он делает вид, будто не видит связи между «парламентской республикой» и фашизмом. Демократов он такими разговорами на свою сторону все равно не привлечет, а сторонников фашистской диктатуры только зря раздражает своими «вихляниями». Впрочем, как поступают с «сусаниными» после установления диктатуры, более-менее понятно... Итак, победа съезда означала бы конец «холодной войны» и начало войны «горячей» (а в наших условиях, пожалуй, и радиоактивной!).

Победа же Ельцина ничего такого не означает.

Разогнать ВС он и юридически не может, а главное — ни к чему ему это. Зачем ему оставаться со всеми проблемами один на один, без «во всем виноватых» депутатов? Столкнуть их с сияющих высот IX съезда, где новый бонапартемок, Исаков, молодецки выпятив грудь и сцепив на заду руки, бросал вызов Ельцину на смертный бой — столкнуть их опять в низ лестницы, к жалким дням V—VI съездов, когда они только начинали на президента голос поднимать, — вот реальная задача Ельцина. Осатаневшему съезду президент не нужен — а президент совсем не против сохранить этот «античный хор», видимо, считая, что «без них было бы не так смешно жить». И он — прав. За два года президентства Ельцин доказал только одно — диктатором он быть не может и не хочет. И то слава Богу.

Победа Ельцина означает продолжение его «холодной войны» со съездом и временное ослабление этой войны, ввиду внезапного истощения одной стороны. То есть: победа Ельцина не даст великих результатов (разве что будет, наконец, принят Декрет о земле?). Она даст лишь один, самый великий результат — весна 1993 года будет продолжаться спокойно, а не перелетит одним скачком прямо в бешеный июль, а оттуда — в нарымский декабрь.

Победа Ельцина не даст нам великой России.

Победа съезда гарантирует нам великие и абсолютно бессмысленные потрясения.

Так что «поражение от победы» очень можно отличать.

УКРАИНСКИЙ ПОДАРОК РЕФЕРЕНДУМУ

Тот, кто сомневается в искренней щедрости киевских панов, может со стыдом замолкнуть. Ибо меркнет свет от блеска тех «подарунков», кои в предпраздничные (и предреферендумские) дни преподнесли они москалям. И речь, конечно же, идет совсем не о гуманитарной помощи в виде, скажем, сала истощавшим от Великого поста россиянам. Как это стало уже традиционным, Киев преподнес очередную серию военных инициатив, после которых российские военные и дипломаты, сдерживая из последних сил рвущийся сквозь зубы матерок, спешно собирают многочисленные брифинги и пресс-конференции.

Мы уже сообщали о приводе к присяге 46-й воздушной армии — стратегических

бомбардировщиков. На днях к присяге приведена 43-я ракетная армия. Еще раньше обе эти армии де-факто и де-юре были введены в состав вооруженных сил Украины. Среди новых «инициатив» можно отметить и отказ снять полетные задания или отстыковать боеголовки стратегических ракет для последующей переправки их в Россию на уничтожение под международным (в том числе и украинским) контролем.

Есть «новации» и в привычной уже конфронтации вокруг Черноморского флота и его главной базы — Севастополя. Украинское военное командование решило, видимо, поставить на сей проблеме точку. Объявлено о приведении к присяге на верность Украине личного состава флота (в который уже раз!). Мало то-

го, российским военным кораблям предложено покинуть «украинскую» военноморскую базу Севастополь...

Стоит ли об этом писать еще раз? Ведь украинско-российский спор о дележе имущества почившего в бозе СССР начался не вчера и не завтра завершится, а камни преткновения все те же — флот, Крым, ядерное оружие... Но данная инициатива Киева все же заслуживает более пристального внимания. Ведь в большой политике редко бывают случайные совпадения. Они могут быть еще на таджикско-афганской границе, но не в диспуте между Москвой и Киевом. Пристально следящие за российскими внутриполитическими баталиями украинские политики в погонах и без них прекрасно отдают себе отчет в том, как могут аукнуться их слова именно сейчас. Киев прекрасно знает (не раз имел возможность наблюдать), как среагирует на это российский парламент и вся масса державно-центристских партий, кого хлебом не корми, но дай за русский флот порадеть...

Лучшего подарка антиельцинской коалиции перед референдумом и придумать было нельзя!

Думается, что корень зла не в президенте Кравчуке или Кабинете министров. Украинские военные — такая же «вещь в себе», как и их российские коллеги. Порой даже возникает мысль, что они просто-напросто согласовывают между собой все каверзные акции, чтобы под соусом очередного обострения выколачивать у своих правительств новые льготы и поблажки. Трудно говорить определенно, но представляется все-таки, что последние акции Киева инспирированы именно военными кругами Украины, а не политиками. Ну не могут доблестные советские вояки (ведь киевские, как и московские, — все одно) стоять «вне политики», и все! Роль военных в Киеве сегодня даже помощнее, чем в Москве. А за пахальный подарок спасибо — дорого, как говорится, яичко ко Христову дню...

Владимир ВОРОНОВ

На очередном раунде российско-эстонских переговоров эстонская сторона вновь поставила вопрос о передаче ей части приграничной территории России — Печор. Настойчивость эстонской делегации, достойная лучшего применения, вызывает порой недоумение. Кажется, пока только Финляндия не имеет территориальных притязаний на остатки СССР! Постоянно поднимаемые Ригой и Таллинном «территориальные проблемы» являются, похоже, лишь одним из средств внутривнутриполитической борьбы. Но точно так же вопрос, например, о Печорах при определенных обстоятельствах может завести в тупик весь комплекс отношений с Эстонией и стать детонатором, сильнее недавних заявлений о приостановлении вывода войск из Латвии и Эстонии.

Печоры — исконно русская земля. Даже большевистское правительство России, для которого границы и территории имели вторичное

РОССИЙСКИЕ КАРТЫ НЕ РИСУЮТ ТОЛЬКО В РОССИИ

значение, передавая эту землю Эстонии по Тартускому миру 1920 года, считало ее «чисто русской».

Но по сей день у российской делегации на переговорах с Эстонией нет аргументированной позиции относительно так называемого «территориального вопроса». Вроде бы пока закончилась чехарда с назначением главы делегации России на переговорах с маленьким северным соседом.

Прошло уже несколько раундов переговоров с Эстонией, подписан пакет двусторонних соглашений, но раздуваемый эстонцами вопрос о территориях по-прежнему не снят. Свое слово здесь должны сказать и историки. Но сегодня у российской делегации нет на руках документов того мутно-

го периода 1918—1920 гг., на основании которых был произведен территориальный раздел! Хотя хранятся они и в МИДе, и в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), а также в «президентском архиве».

Вроде бы давно пора начать широкую публикацию до сих пор считавшихся секретными ленинских документов. По словам Дмитрия Волкогонова, их более 3 тысяч. Очевидна и необходимость опубликования сборников тайных договоров советского режима, как это в свое время было осуществлено большевиками в отношении тайных договоров царской России. А уже эти публикации документов позволили бы понять ужас того положения, в котором

оказались населяющие российскую землю народы. И уж куда проще было бы тогда изъясняться русским делегациям на переговорах как с эстонцами, так и с латышами.

До сих пор нет ни одной исторически объективной публикации документов по этой проблеме.

Чтобы понять, как это важно, можно привести фрагменты только одного документа.

В преддверии заключения Тартуского мира, 27 декабря 1919 г., Чичерин поставил перед Политбюро ЦК РКП(б) вопрос о том, «можно ли уступить Латвии, в случае заключения мира, Латгалию». Политбюро, рассмотрев этот вопрос, решило его для начала «отложить». Потом он был решен «в рабочем порядке» — обычная большевистская практика.

Этот, по выражению Чичерина, «чисто русский кусочек», перепавший Эстонии — Печоры, — был отдан ради «верховного принципа» — самосохранения цитадели мировой революции.

Алексей СЕРГЕЕВ

ПЕРЕПИСКА

КАНДИДАТ

на должность главы администрации гор. Москвы

КРАСНОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ

123100, Москва, Шмитовский пр. 2

тел. 256-30-21 факс 259-74-76

II.04.93

№ 10

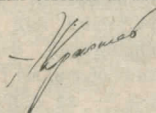
Главному редактору
журнала «Столица»
А. Мальгину

В соответствии с решением Московской окружной избирательной комиссии по выборам главы Московской городской администрации от 31.03.93 (информационное сообщение прилагается), принятым на основании решения Моссовета от 21.12.92, выборы главы Московской городской администрации назначены на 25.04.93.

Решением Московской окружной избирательной комиссии от 27.01.93 (протокол № 4) я был зарегистрирован кандидатом на должность главы администрации города.

В связи с тем, что в мой адрес поступают многочисленные вопросы москвичей по поводу моей предвыборной программы, учитывая большую популярность Вашего журнала в столице, на основании Закона Российской Федерации "О выборах главы администрации" прошу довести до сведения читателей тезисы моей предвыборной программы и дать возможность ответить на интересующие их вопросы. Готов также ответить на любые вопросы Вашей редакции.

С уважением,

А.В.Краснов

КАНДИДАТУ
на должность главы
администрации Москвы
Краснову А.В.

Уважаемый Александр Викторович!

В № 49 «Столицы» было опубликовано пространное интервью с Вами. Поэтому мы не видим оснований еще раз предоставлять Вам место на наших страницах. Кроме того, мы познакомили читателей с высказываниями шести из 34 кандидатов в мэры (№ 14, 1993). Если дать слово всем — в журнале не останется места для более важных тем.

Но даже если не принимать во внимание все вышесказанное, мы не можем пропагандировать в журнале Вашу предвыборную программу, так как политическая позиция журнала и Ваша позиция расходятся. Советуем обратиться в те печатные издания, где работают ваши единомышленники.

С уважением,

А.Мальгин,
главный редактор журнала «Столица»

**ЛУЧШЕ СМЕРТЬ
С ГАЙДАРОМ,
ЧЕМ ЖИЗНЬ
С БАБУРИНЫМ**

К сожалению, интеллигенцию в нашей стране объединяет только общая беда. И об этом говорили известные театральные деятели, собравшиеся в Доме актера, чтобы выразить свое доверие президенту и правительству перед референдумом. «Мы получили хороший урок от наших врагов, хотя горько называть своих соотечественников врагами, — сказала в своем выступлении известная исполнительница песен зам. министра культуры Татьяна Никитина. — Они-то умеют прощать друг другу все и быть вместе. И нам надо помнить, что сегодня не время предъявлять друг другу счеты, мы просто обязаны быть вместе. Потом уже мы будем по-тонкому разбираться в причинах и следствиях. Мне кажется, что сегодня любовь поможет нам объединиться и выстоять».

На собрание пришли люди разных поколений, с несхожими порой социальными и

политическими установками. Здесь были актеры, фотографии и пластинки которых собирали наши бабушки, были и кумиры сегодняшней молодежи. У многих из них, возможно, есть свои претензии и к президенту, и к правительству России. «Актеры — люди эмоциональные, — сказала директор Дома актера Маргарита Эскина, — тонкие, они обладают интуицией. Они верят в президента и доверяют правительству. Сегодня они здесь собрались, чтобы отстаивать свое право жить не по лжи».

До поздней ночи продолжалась эта встреча, в которой участвовали Е.Гайдар, В.Шумейко, министры.

«Я предпочел бы умереть с вами, чем победить с бабуриными и хасбулатовыми», — сказал присутствующим Юрий Карякин.

**Алла НЕПОМНЯЩАЯ,
Элла ЛАВРОВА**

Фото Ю.Владимирова

Владимир ВОРОНОВ

ВСЕ ДЛЯ «ФРОНТА», ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ?

— Никола, ты шо ж клумбу маслом поливаешь? Цветы же завянут!
— Нехай, зато пулемет не заржавеет.

Украинский фольклор

**Вот шел я тут как-то... Вдруг...
Ба-а, знакомые все лица!
Из притормозившей «Волги»
с мигалкой выпархивают всемирно
известные деятели: народные
депутаты Сергей Бабурин и
Николай Павлов — и шмыг в дверь
Свердловского райсовета.**

Проскакиваю за ними мимо не успевшего среагировать вахтера: «Я с вами, с депутатами, на встречу». А из залычика уже рванул шквал радостных аплодисментов. Полный зал мест на сто пятьдесят, на сцене — президиум. Там уже Бабурин и Павлов. Зал продолжает рукоплескать.

— Товарищи члены комитета, предоставим слово Александру Николаевичу — он пришел раньше наших уважаемых депутатов, дольше ждет...

На трибуне... генерал Стерлигов, в штатском, правда. Ну, совсем «теплая» компания! Послушаем!

А сообщил русский национальный соборный чекист собравшимся, что сам лично, с «группой товарищей» только что раскрыл страшную провокацию: спецгруппа сотрудников МБ, подготовленная министром Баранниковым, должна была в дни отшумевшего IX съезда ворваться в «Белый дом» и от имени «патриотов» потребовать, чтобы... демократы покинули «Белый дом», съезд и Кремль... И уж тогда на «патриотов» обрушились бы не только пресса и телевидение, но и вся мощь ударных подразделений армии, госбезопасности вкупе с МВД. «Но мы вовремя сорвали эту гнусную провокацию банды дерьмократов», — успокоил отставной чекист бушевавший от ярости зал.

Дальнейшая речь Стерлигова была о других врагах (референдуме 25 апреля, лично Ельцине), о методах борьбы с ними. В речи его постоянно звенело: «вооруженная борьба», «вооруженное восстание». После третьего или четвертого упоминания о «вооруженной борьбе» в зале смело можно было производить раздачу патронов и надевание орденов.

Впрочем, как выяснилось, я уже был на фронте, в передовом эшелоне действующей армии, — это было обычное еженедельное рабочее заседание городского комитета Фронта национального спасе-

ния... А основной костяк собравшихся — руководители, представители и организаторы районных подразделений ФНС.

— Неблагоприятный исход событий заставил бы нас перейти к вооруженной борьбе, — шквал аплодисментов, восторженный рев доведенных до оргазма фронтовиков: — Давно пора!!! — Многозначительно выдержав паузу, Александр Николаевич продолжил: — Исход голосования в пользу Ельцина непременно приведет к гражданской войне... Выкрики из зала: «Ну тут мы им покажем!!!» Опять пауза, холодная улыбка, твердый взгляд: — В самый разгар обострения событий мы должны быть готовы немедленно обратиться к народу с призывом... «К оружию! К восстанию!» — взвизгивает нервный малый лет сорока. Затаив дыхание, я ждал, что сейчас прозвучит знаменитая ленинская инструкция: почта, телеграф, телефон, банки, мосты и вокзалы... Обошлось. Но сугубо деловая и рабочая обстановка совещания, где почти все знали друг друга, искренняя реакция публики — все говорило о том, что генерал не заговаривается, а высказывает сокровенные мысли всех присутствующих. Все свои, чего таиться?

— Мы знаем, что делается в армии, — успокаивал разошедшихся лидер Русского национального Собора. После многозначительной паузы генерал с улыбкой сфинкса завершил фразу: — У нас есть свои люди везде — в армейском командовании, в Генштабе, в аппарате Министерства безопасности, в президентском аппарате, в правительстве... Мы знаем абсолютно все о том, что там делается, обладаем абсолютно всей информацией, в том числе и сверхсекретной...

Завершив спич страстным призывом не

упустить из вида и подготовку к выборам мэра Москвы («Победа в Москве дала бы немедленную нашу победу по всей России, выборы в Москве дают нам решающий шанс»), прозрачно намекнув — что-то, а власть он взять готов всегда и с радостью, один из тридцати четырех кандидатов в мэры покинул трибуну. А по логике генерал должен был бы скомандовать: «Пли!»

Собойти стороной скользкие моменты и избежать излишнего употребления таких непарламентских выражений, как «восстание», «вооруженная борьба». Все же депутат как-никак, не генерал, словарный запас побогаче. Подчеркнув, что бойкотировать референдум нецелесообразно, посетовав на то, что не удалось сбросить на съезде... Хасбулатова, Бабурин нервно крикнул: «Сохранение Хасбулатова — это сохранение Ельцина! Наша фракция единственная стояла за уход этой проельцинской марионетки Хасбулатова и проводила соответствующую работу». «Пристрелить его и конец!» — прошептала мрачного вида тетка в соседнем ряду.

Дальше пошла депутатская инструкция, как участвовать в референдуме, чтобы если не сорвать его совсем, то получить необходимый результат или хотя бы поставить под вопрос правильность его проведения. «Надо убеждать всех идти голосовать, но голосовать именно в конце дня — за полчаса до закрытия избирательных участков. На все, абсолютно на все действия членов комиссии немедленно составлять протоколы, акты — под сомнение сразу ставятся результаты голосования...» Чихнул — акт, моргнул — подрывная пропаганда, протокол! Похоже, что лидер оппозиции абсолютно уверен в отрицательных для себя результатах референдума, иначе зачем заранее готовиться к опротестованию его результатов? Кивнув с полупоклоном в сторону генерала Стерлигова, депутат радостно напомнил, что Конституционный суд (да здравствует великий Зорькин!) отменил все решения президента по структуре управления Москвой: «Расчищен путь на Москву — дорога к выборам главы администрации города свободна... Надо сконцентрироваться на выборах нашего кандидата...»

Выкрик из зала: «Эта вонючая погань, Лужков, создает какие-то свои дружины! Что нам делать?!» «Записываться туда», — мгновенно реагирует находчивый нардеп. Зал радостно хохочет.

Диссонанс вносит поднимающийся на трибуну старичок-боровичок, по виду — из отставных, крепкий, седоватый, с суровым взглядом:

— Рано радуется, плохо работу проводите на местах. Учителя, например, не с нами! Они только что получили прибавку к зарплате, теперь у них по тридцать тысяч в месяц — и довольны! Им наплевать, что детей растлевают порнографией, насилием и бизнесом! Нужно завалить все районы, все дома, все почтовые ящики лис-

товками! Но на них деньги нужны! А как их достать?!

— Успокойтесь, Иван Иванович (или Михаил Михайлович?). Будут листовки, будут деньги, все будет! Все на подходе, — утешает старичка ведущий.

А вот выступление вслед за Бабуриным депутата Николая Павлова показалось мне самым четким и деловым:

— Мы вступаем в борьбу не с издыхающей «ДемРоссией», мы вступаем в жестокую схватку с новой административной системой, с небольшой по численности, но набравшей большую силу группой наших сограждан... — Это уже что-то новое, впервые слышу признание, что противником Фронта являются не мифические агенты мирового империализма и сионизма, а такие же граждане своей страны, как и собравшиеся. Но сидящие в зале на «сограждан» реагируют мрачно: «Кол им в глотку! Какие еще там «наши граждане», агенты, жиidy!»

— Оппозиция не сумела создать и продемонстрировать людям свой положительный образ, — самокритично констатирует Павлов, — большинство людей не хочет возврата к старому, а оппозиция у них служит символом именно возврата к прошлому! Теперь мы должны быть умнее! Лейтмотивом нашей работы должна быть линия: много было плохого, но хорошего — больше. Отыскивайте привлекательные стороны в прошлом, работайте теперь только на позитиве! — аплодисменты зала были хлипкие.

Правда, оппозиционный депутат совсем не исключил и использования «черной пропаганды», но только по-умному: «Оставьте в покое «твердолобые» — мы их не переубедим, стройте всю нашу работу на обработке колеблющихся...».

Дальше шла вполне знакомая мне по застоюно-перестройным годам инструкция по контрпропаганде и «разложению войск противника», закончившаяся анализом ситуации и событий, связанных с IX съездом: на Васильевском спуске, мол, демократы платили всем за час стояния по 1000 рублей. Генерал Стерлигов морщился и поглядывал на часы: действовать надо, господа-товарищи, действовать... Посему сразу после того, как Павлов умолк, он быстрым и энергичным шагом покинул аудиторию. Решив выразить сочувствие ему, «что, мол, можно взять с этих штатских, да еще и депутатов», я выскочил вслед за ним. Увы, генерал резко свернул за угол и вместе с телохранителями впрыгнул... в тачанку? Нет, в темно-синий джип.

Неужели все? Но с уходом «больших людей» происходит нечто, напоминающее известный анекдот: помните, «появился поручик Ржевский и начались безобразия»? Видно, штатский вид народных избранников сковывал боевой пыл и задор отставных вояк (а, судя по всему, именно они составляли основной контингент собравшихся). Речи бывшего чекиста явно пользовались в этой аудитории большим уважением.

Кстати говоря, дабы на меня не слыш-

ком пялились разгоряченные «подпольщики», приходилось не жалеть ладони и одобрительными междометиями вносить свою лепту в общий хор.

Впрочем, почему «подпольщики»? Ведь теперь ФНС вполне достойная и законно зарегистрированная организация! Но заседание горкома ФНС все же напоминало именно сходку подпольщиков-партизан времен подготовки вооруженного восстания.

Ведя деловитый разговор-инструкцию о методах противодействия разлагающей пропаганде «демофашистов», председательствующий, отставной политработник, время от времени срывался на истощенный крик: «Мы тотчас же ответим террором на возможность силовых акций со стороны демподонков! Террором на террор! Если хоть один волосок упадет с головы любого нашего человека, любого активиста и пропагандиста, мы развернем террор! На кровь ответим кровью!.. (Зал просто взрывался ревом восторга.) Листовки врага — срывать! Создать спецгруппы для ликвидации агитации противника! Если демократы попробуют противостоять — в выборе средств не стесняться, в морду их, в морду! Особенно старайтесь уделить этих, как их там, всех этих мерзопакостных поганых кригермигер-фигеров и прочих там боксеров-салье! Мы с этой сволочью еще поговорим по-нашенски!»

Успокоившись, ведущий перешел, так сказать, к текучке: «Во все районные избирательные комиссии внедряем наших людей — что-нибудь из этого выйдет полезное для нашего дела».

Технология инфильтрации, оказывается, проста как мычание: достаточно принести в избирательную комиссию справку с данными — фамилия, имя, отчество, год рождения — и ты на законных основаниях состоишь в качестве наблюдателя. Бумажку можно заверить любой печатью — хоть совета ветеранов, хоть клуба лесбиянок — неважно! Собравшиеся радостно порешили снабдить всех наблюдателей Фронта справками и печатями обществ... инвалидов и ветеранских организаций. Так что не удивляйтесь, уважаемые члены избирательных комиссий, обилию наблюдателей «инвалидов» и «ветеранов».

Представитель одного из райсоветов заверил собравшихся, что нет необходимости «внедряться» нелегально — приходите, всех вас приму, обогреть...

Другой выступающий пригласил всех «нуждающихся» в ксиве с печатью в Дзержинский райсовет: там на втором этаже кадеты Астафьева сидят — всем дают, «нашим», естественно.

Вырисовывается интересная картина разветвленной структуры Фронта — от групп в воинских частях, по месту жительства до районных организаций и «комитетов защиты Конституции», от массы связанных с ФНС чиновников исполнительных структур до депутатов всех уровней.

Само собой, имеются и информаторы-осведомители в милиции, прокуратуре,

госбезопасности, в воинских частях (в зале сидело и несколько человек ФНС в майорских и полковничьих погонах), аппарате президента... А уж судить, насколько это законно-незаконно, — увольте, на то прокуратуры и судьи имеются, может, в этом же Фронте и состоящие. Вообще, сильная спайка, прямо-таки боевое братство, между «фронтниками» и советской властью настолько бросалась в глаза, что задаешься вопросом: зачем им власть-то брать, она и так у них — от дейско-прокурорской до райсоветовской?! Чем не партия «нового типа»? С разведкой, службой безопасности, «народными дружинами»...

Кстати, о дружинах. Придя без обсуждения к выводу, что «нам дружины надо готовить серьезно и упорно», дали телефон: «На базе Пролетарского райсовета мы формируем дружину, присылайте надежных и крепких людей... Первомайский райсовет для подготовки дружинников готов предоставить спортивный зал. Вы учтите, референдумом все не кончится, нам еще пригодятся подготовленные люди...» Жажущим сотрудничать с аналитической группой ФНС давали координаты некоего «сверханалитика» Владислава Рожанова. В общем, прямо клуб по интересам: хочешь — клей листовки, хочешь — веди работу по «разложению войск противника», хочешь — в дружину, бить морду «демшизе»... Последнее вызвало неподдельный энтузиазм подавляющей части присутствующих: бить морду — это навсегда!

Откройте ленинские томики 1917-го — там все написано. Между прочим, хоть буквально за день до сего «благородного собрания» Министерство юстиции и зарегистрировало Фронт национального спасения, но никто, по-моему, не отменял запрета на деятельность военизированных формирований любого типа. Никто не отменял запрета на деятельность организаций, разжигающих социальную, национальную и религиозную рознь, господа конституционные судьи и министерские юристы! Посетите пару-тройку подобных совещаний Фронта... А потом обменяемся мнениями о конституционности «комитетов защиты Конституции»...

На выходе получил листовку: «РУССКИЕ ИДУТ! ...Русские идут по своей земле, чтобы возродить и укрепить ее. Мы идем за опальным генералом АЛЕКСАНДРОМ СТЕРЛИГОВЫМ, с ним утверждая ЗАКОН, ПОРЯДОК, БЕЗОПАСНОСТЬ!»

P.S. А на днях все у того же здания наблюдал уже иную картину: у входа плавно притормаживает новехонький зеленый ГАЗ-66... с красной свастикой (!) на борту и с частным номерным знаком. И крепкие ребята быстро стали выгружать из него кипы пятнистых униформ, утаскивая их в Свердловский райсовет... Интересно, а патроны уже завезли?

Максим СОКОЛОВ

ЗАТРАВЛЕННЫЙ

Когда «Правда», «Советская Россия», председатель ВС РФ Р.И.Хасбулатов и председатель КС РФ В.Д.Зорькин решительно требуют пресечь травлю Конституционного суда и его председателя, автор этих строк, как один из активных участников травли, считает своим долгом изъяснить ее природу и причины.

Хотя авторское тщеславие склоняло бы к указанию на то, что пишущий эти строки в некотором роде предвосхитил своих коллег, открыв травлю (в частности, и на страницах данного журнала) еще в мирном январе, любовь к истине требует отдать пальму первенства в травле французскому дворянину Алексису де Токвилю, который еще в 1835 году указывал злополучному председателю КС, куда тот лезет ровно кур в ощи: «Власть этих судей огромна, однако она находится в постоянной зависимости от общественного мнения. Судьи всемогущи до тех пор, пока народ готов повиноваться закону, но они становятся бессильными, как только это повиновение прекращается... Федеральные судьи должны быть не только добропорядочными гражданами, людьми просвещенными и честными — эти качества необходимы любому должностному лицу, — они должны быть также и государственными деятелями, способными понимать дух своего времени; бороться с препятствиями, которые можно преодолеть, и уклоняться от стремительного течения в тех случаях, когда поток грозит как снести верховную власть Союза, так и нарушить должное повиновение его законам. Президент может ошибиться, и при этом государство несколько не пострадает, потому что президент обладает лишь ограниченной властью. Конгресс в состоянии совершить ошибку, но Союз от этого не погибнет, потому что над конгрессом существует избирательный корпус, который может изменить атмосферу в конгрессе, поменяв его членов. Если же Верховный суд когда-нибудь окажется

сформированным из людей неосторожных, либо продажных, то федерации следует опасаться либо анархии, либо гражданской войны («О демократии в Америке», ч. 1, гл. VIII)».

Строго рассуждая, у нас, конечно, не совсем Америка и совсем не демократия, однако, поскольку проф. В.Д.Зорькин упорно настаивает на своем праве говорить от имени судебной власти в качестве ее верховного главы (что может иметь смысл лишь в рамках североамериканской конституционно-правовой модели), вероятно, он искренно вдохновляется классическим трудом де Токвиля, отчего его негодование по поводу газетной травли представляется не вполне последовательным.

Природа травли, естественно, многообразна, поскольку сам штатский хам-журналист многоипостасен: он и рядовой обыватель, он и член профессионального цеха, ему не чужды и гражданственные чувства, наконец, он может увлекаться дилетантскими (впрочем, не более дилетантскими, чем суждения некоторых членов КС) экскурсами в увлекательную область правоведения. В результате же получается совершенно плачевная картина: шелковую мантию проф. Зорькина рвет и кусает весьма многочисленная свора многоголовых церберов, причем если проф. Зорькин непонятно зачем украшен нашейной цепью, то на церберах (вопреки всем правилам выгула церберов) нет и следа ошейника. Тем не менее, прежде чем присоединиться к требованию проф. Зорькина снабдить хама-журналиста парфорсным ошейником, имеет смысл вкратце обозреть претензии подлежащего укрощению.

Чувства обывателя, с которых автор начинает обзор, — они нутряные и потому трудно формализуемы, а мирный обыватель не слишком разбирается в тонкостях публичного права — тем более столь запутанного, как нынешнее отечественное. Тем не менее, подобно тому, как исторически публичное (т. е. регулирующее отношения гражданина и государства, а равно взаимоотношения различных государственных институтов) право вырастает из права частного (регулирующего правоотношения частных лиц), так и в нынешней России базисом бытового правосознания является именно частное право, т. е. представление о необходимости держать слово, соблюдая таким образом договор, — и более зрелое общественное правосознание, если и укрепится, то, конечно, лишь на этом простодушном фундаменте.

Естественно, что, хотя люди простого звания могут и не знать формулы *pacta sunt servanda*, деятельность председателя КС, то освящающего своей подписью «декабрьский арбитраж», то спустя малое время объявляющего, что соблюдать данное соглашение было бы «нецелесообразно», то смиренно наблюдающего, как на VIII съезде депутаты рвут это соглашение в клочья, то потом объявляющего, что президент именно после того, как его таким образом «кинули», будет первостатейным «российским Рузвельтом», то с пеной у рта обличающего неконституционность президентского выступления от 20 марта, то спустя несколько дней объясняющего неконституционность собственных действий опять же «целесообразностью» (которой, очевидно, с полным правом может руководствоваться Зорькин, но отнюдь и никогда не Ельцин), — все эти пляски вызывают в памяти народной простой термин «кидала».

Опять же не нужно читать Мольера и быть великим знатоком комедии «Тартюф», чтобы, наблюдая, как все эти маневры приправляются лошадиными дозами лампадного масла,

Рис. В. Сысова

испытать чисто эстетическую брезгливость: насилуя правозаконность, зачем же еще изрыгать мегатонны плоского лицемерия, ругаясь таким образом над элементарным религиозно-нравственным чувством.

Довольно было бы уже и этого, но простонародное правосознание идет несколько далее. Смотри на вещи здраво, надо признать, что на одной шестой части света никакая конституция не соблюдалась еще в те времена, когда одна шестая именовалась СССР, и тем менее соблюдается сегодня. Различие между землями (Россия, Украина, Казахстан), где жить как-то можно, и землями, ставшими средоточием ужаса (Таджикистан, Грузия), не в том, что в одних необычайно чтут конституцию, а в других не чтут. Чтут везде одинаково, то есть очень плохо, но в мирных землях как-то чтут договорное право (и в результате поезда отчего-то ходят, электричество отчего-то светит, на улицах средь бела дня отчего-то не режут и т.д.). В землях ужаса отказали частнопрововые договорные механизмы, даже механизмы элементарной коррупции, — и именно потому там воцарился первобытный лес, где сильный режет и грабит слабого.

Инстинктивно ощущая, в чем секрет

отнюдь не процветания, но хотя бы относительного мира и спокойствия и где начинается дорога в Таджикистан, обыватель внутренне холодеет, когда видит, как человек, именуемый себя судьей, откровенно и нагло ругается над договорами, ибо возникает вопрос: «Что же в таком случае станут делать крепкие молодые люди, облаченные не в шелковые мантии, а в адидасовские спортивные костюмы?». И то, что для обывательского носа от елейных проповедей проф. Зорькина начинает сильно припахивать трупным запахом Таджикистана, — один из сильнейших мотивов газетной травли КС.

С другой стороны, газетчик — член профессиональной корпорации, имеющей свои интересы и своих врагов. Интересы корпорации склонна отстаивать, врагов — травить. На нынешнем этапе существования российской корпорации журналистов она склонна до известной степени связывать свои интересы с президентом и правительством, а травить ВС и КС. Смысл такого предпочтения объясняется различно. Можно, конечно, гражданственно отметить, что президент и министры при всех своих изъянах все же с грехом пополам делают дело России, тог-

да как про Р.И.Хасбулатова, В.Д.Зорькина, Н.Т.Рябова это сказать труднее. Но точнее было бы указать на другое, весьма важное именно для журналиста различие между ветвями власти.

Реакция многолетних членов ЦК КПСС Б.Н.Ельцина, В.С.Черномырдина, а также подчиненных им министров и аппаратчиков на газетную ругань бывает трех видов. Во-первых и чаще всего — никакая, во-вторых, формально-стилистическая — «ну, вы уж совсем удержу не знаете, ну, нельзя же так», в-третьих, бывают попытки оспаривать по существу неверные, с точки зрения исполнительной власти, суждения и сообщения прессы.

По справедливости приходится признать, что робкие попытки призвать прессу к соблюдению: а) формальной логики; б) фактической точности; в) формальных приличий — не противоречат общепринятым представлениям о способах ведения полемики. Именно поэтому журналисты, возможно, отнюдь не пребывающие в восторге от того, как президент с премьером ведут собственно государственные дела, в то же время не могут не видеть, что исполнительная власть нормально и уважительно признает право прессы на точку зрения, то есть не подвергает сомнению статус журналиста как субъекта в диалоге.

Существенно иначе подходят к проблеме видные носители демократических начал Р.И.Хасбулатов и В.Д.Зорькин. Председатель ВС уже год с лишним как объясняет прессе, что все нападки на парламент и его председателя организованы «неоталитарными силами» (Г.Э.Бурбулисом, С.М.Шахраем, В.В.Костиковым, Б.Н.Ельциным, М.Н.Полтораниным etc.). Тем самым председатель никак не допускает, что конкретному (возможно, добросовестно заблуждающемуся) журналисту могут быть лично несимпатичны манеры, политическая принципиальность, стиль полемики, политические воззрения и т.д. Хасбулатова и что, обзрев деятельность возглавляемого председателем органа, он может путем рассуждений прийти к выводу (возможно, абсолютно неверному) о бесполезности и даже вредности такого.

Сблизившись на почве общей борьбы за конституционность, Р.И.Хасбулатов и В.Д.Зорькин сблизились и в части отрицания журналистской правосубъектности. Когда утомленная духовно-нравственными проповедями председателя КС прессы громко взлаяла (начало марта с.г.), журналистам «Московских новостей» в суде объяснили, что лай организован лично М.Н.Полтораниным.

Затем в обращении к IX съезду председатель сам потребовал прекратить травлю себя — поскольку предложение входило в некоторый более обширный пакет мер по урегулированию ситуации. Очевидно, предполагалось, что травля имеет дирижера, полномочного не только запустить ее, но и дать отмашку.

Сточки зрения психологической теория науськивания понятна. Мифопоэтическое воззрение на причинность не допускает, чтобы какое-то событие было сложным сцеплением индивидуальных стремлений, страстей, убеждений и заблуждений, и для большего удобства предпочитает видеть в нем результат сознательного заговора. Поскольку не в пример прозападным ставленникам компрадорской буржуазии Б.Н.Ельцину и В.С.Черномырдину Р.И.Хасбулатов и В.Д.Зорькин предпочитают отстаивать исконно-посконные начала, их приверженность мифопоэтическому взгляду на природу и общество естественна и разумна.

С точки зрения политической данная теория вызывает менее приятные ассоциации.

Как уверяет нас известный антисоветчик В.К.Буковский, «человек, по партийным понятиям, ни до чего не может додуматься просто так, сам. Тут должно быть чье-то «влияние»: или буржуазной пропаганды (выяснить, как проникла!), или какого-нибудь антисоветски настроенного типа (выявить и взять на заметку!). В крайнем случае следствию приходится констатировать недостаток воспитательной работы». Станным образом к таким суждениям В.К.Буковского склонилась та же самая журналистика: в конце 50-х годов десятиклассники издали литературный журнал с элементами «ехидной пародии», дело завертелось и дошло до МКГ КПСС, где беседа В.К.Буковского с коммунистами до боли напомнила сетования Р.И.Хасбулатова и В.Д.Зорькина на газетную травлю: «И вообще — кто меня научил написать вот эту... вот это... это вот?.. Тут самый главный боров, сидевший во главе стола, двумя пальцами приподнял за угол наш многострадальный журнал.

— А почему, собственно говоря, меня кто-то должен был учить? — удивился я.

— Ну как же! — опять задвигался зверинец. — Откуда у вас могут взяться эти мысли?»

Но кроме того, что все рассуждения столпов российской демократии об «организаторах газетной травли» до боли напоминают то ли заседание парткома, то ли душевную беседу на ту же тему с похожим на серенькую мышку бесфамильным Николаем

Ивановичем или Владимиром Петровичем из органов — что соответствующим образом говорит о привычках и наклонностях столпов, — с юридической точки зрения все эти речи суть не что иное, как попытка объективного вменения. Рассудив, что текст журналиста объективно отвечает интересам, допустим, того же М.Н.Полторанина, представители высокого юридического собрания полагают, что тем самым вопрос о субъективной стороне деяния — имел ли журналист сознательный умысел услужить М.Н.Полторанину или же это само собой случайно получилось? — решается с несомненностью в пользу умышленности. Короче, коли ты объективно пособил врагу, стало быть, ты состоишь с ним в сознательном сговоре. Когда такой логикой руководствуется лицо, претендующее на роль главного законника страны, нетрудно понять, что остается от авторитета возглавляемой им инстанции.

К тому же это и нечестно. Далеко не все журналисты прибегают к объективному вменению (т. е. утверждали, что председатель ВС и председатель КС вступили в сговор) — будучи тверды в своем правосознании, некоторые работники пера усматривали в деятельности председателя КС лишь преступную неосторожность, а некоторые — прискорбную невменяемость. Те, кто столь щепетильно оценивали субъективную сторону действий В.Д.Зорькина, могли рассчитывать на взаимную щепетильность — и горько просчитались.

Впрочем, все это уже дела давно минувших дней, интересные разве в том смысле, что проф. Зорькин страдал типичными болезнями советского правосознания, и в этом смысле его пример — другим наука. Что не только печально, но и крайне актуально во всей этой грустной истории — то, что оказалась скомпрометирована, и, возможно, надолго, сама идея установления режима правозаконности в России через создание элитарной правовой коллегии, влияние которой неуклонно бы шло сверху вниз. Как ни странно, именно здесь вершущее реформаторство имело неплохие шансы на успех, и правоведы так злы на Зорькина не столько даже за его успехи в закручивании политического кризиса, сколько за то, что в результате его плясок становлению правосознания и правозаконности оказался нанесен серьезный урон.

Надежды правоведов покоились на трех основаниях.

Во-первых, в эпоху выпускника юрфака МГУ М.С.Горбачева — хотя сам он был юрист просто никакой —

правоведческая элита получила доступ к печати и телевидению, и выяснился неожиданный факт: публике все это и нравится и интересно. Юристы сделались телевизорами не хуже экономистов. Существенно, что интерес не сводился к восхищению новой этикеткой, на которой написано «правовое государство», — интерес вызывал сам пропагандируемый правоведами юридический склад мысли, позволяющий как-то рационализировать темную и загадочную отечественную действительность.

Жажда самоориентации неистребима в человеке, и когда он получает возможность вместо привычного восклицания козявки перед лицом «холодного чудовища» (т. е. государства) «Как это я дошел до жизни такой и что это вы, господа, со мною делаете?» анализировать свое положение с помощью правоведа в четких терминах права — это дает неслезанное облегчение. Доселе «улица корчилась безъязыкая», и внедряемый в публику язык права как бы удовлетворял важнейшую потребность человека — не быть бессловесным скотом. Для чего необходим хотя бы прообраз членораздельной речи. В нашем случае — речи юридической.

Во-вторых, правоприменительная практика, в ходе которой закон, собственно, и делается законом, а не клочком бумаги, по природе своей иерархична. В случае судебной практики, например, это целая пирамида от районного суда до верховного. При том сама система прохождения дел по инстанциям такова, что переустройство верхушки пирамиды в духе правозаконности неизбежно и достаточно эффективно отзывается на нижних звеньях. Грубо говоря, всякий судья знает, что если он дает вышестоящим судам слишком много поводов для кассации его решений по причине их совершенной юридической неудовлетворительности, то ничем хорошим для него лично это не кончится, а потому идущий сверху правовой импульс довольно быстро пронизывает всю толщу пирамиды. Такова была логика всех действий всех просвещенных монархий, начинавших преобразования именно с суда, и символом такого подхода стала знаменитая фраза: «У короля есть суд в Берлине». Имеется в виду легенда о том, как Фридрих Великий, будучи на охоте, инкогнито, как положено королю в легендах, беседовал с крестьянином, который тягался как раз с королем о спорном земельном участке, и поинтересовался, не боится ли его собеседник спорить с верховным властителем. Крестьянин отвечал, что не боится, потому что знает: у ко-

роля есть суд в Берлине — то есть суд высшей инстанции, который в конце концов обязательно восстановит справедливость. Элитная правовая коллегия имела все возможности оказаться как раз таким «судом в Берлине».

В-третьих, острейшая для других областей деятельности проблема «кадров реформы» как раз в данном случае стояла менее остро. Если экономистов-реформаторов нужно готовить практически с нуля за полной непригодностью бывших столпов перестроенной экономической беллетристики, то, напротив, в стране и была, и есть сильная правоведческая корпорация. СССР имел очень сильную филологическую или, допустим, математическую школу, далеко превосходящую практические потребности государства, что объяснялось определенным эскапизмом людей, стремившихся реализовать себя в чистой науке, подалее от родного государства и его идеологии. Поскольку абстрактно-формальный элемент весьма силен и в правоведении, для многих эта наука также была полем бегства от советской реальности. Определенную роль сыграли и надобности государства, желавшего прикрыть свой не всегда приглядный облик и нуждавшегося в людях, умеющих возводить особо изощренные юридические конструкции. Наконец, полная невразумительность правовой системы особо изощряла ум адвокатов и юрисконсультов — ведь чем запутаннее дебри законодательства, тем больше профессиональной чести тому, кто умеет в них ориентироваться.

Что еще очень важно, к юридической корпорации оказалась вполне применима фраза К.П. Победоносцева, сказанная им при решении вопроса о кандидатуре на высший государственный пост, — «правоведы держатся друг за дружку, как жиды в кагале». Хотя обер-прокурор св. Синода имел в виду всего лишь выпускников привилегированного училища правоведения, к нынешней правоведческой корпорации его суждение также вполне применимо. С одной стороны, в ней можно наблюдать достаточно высокий дух корпоративной солидарности, с другой — безжалостность по отношению к отступникам.

Что значит этот дух, можно пояснить на двух примерах. С одной стороны, и в ВС СССР, и в ВС РФ мы наблюдаем такое явление: парламент и его председатель все увлеченнее погружаются в пучину беспредела, но с какого-то момента председатель Комитета по законодательству (Ю.Х.Калмыков в Союзе, М.А.Митюков в

России) начинает жаться, кряхтеть и отмазываться от ретивого председателя парламента. С другой стороны, когда председатель КС начинает куролесить совсем невообразимым образом, ряд членов суда, в том числе и люди, далекие от политики и демократов, начинают все резче и резче отмежевываться от «совести нации», как пирожки печь особые мнения и т.д. Причина одна и та же: дальнейшее следование линии председателя, будучи уже совершенно явным издевательством над правом, порочит корпорацию как таковую и означает позорное изгнание из нее.

Скажем, на примере КС мы видим, что верные адъютанты Зорькина Б.С.Эбзеев и Г.А.Гаджиев не боятся изгнания из корпорации и поэтому несут на публике Бог весть что, потому что их и так на пушечный выстрел не подпустили бы к правоведческому кагалу. Но благонамеренно консервативный заместитель председателя проф. Н.В.Витрук ведет себя иначе — именно потому, что он как раз к кагалу принадлежит и, очевидно, хотел бы принадлежать и далее. Точно так же практически все юристы-депутаты из упраздненного ВС СССР оказались при деле — за исключением слишком круто бравшего и совсем уж охамевшего Ю.В.Голика, которому не нашлось места нигде, кроме столь почтенной организации, как Фронт национального спасения. Нравы кагала жестоки.

Но они же дают необходимую гаран-

тию профессиональной честности юриста: человек знает, что воздаянием за «смелые гражданские поступки» в стиле зорькинских его ждет профессиональная смерть, и ведет себя соответственно. И нетрудно понять, что если бы элитная правовая коллегия была сформирована по корпоративному принципу, т.е. с учетом мнения цеха правоведов, страна могла бы иметь сильный, авторитетный и застрахованный от срамных историй орган конституционного контроля. Съезд решил формировать элиту по квотам от собственных фракций, и в лице КС мы имеем то, что имеем: каков съезд, такова и элита.

Но поскольку велико убеждение в неистребимости народной тяги к нормальному правосознанию и народной мечте о том, чтобы «у короля был суд в Берлине», то, с точки зрения правоведов, деятельность Зорькина особенно предосудительна. Ибо, ругаясь не только над законом, но и над этой верой, он — несколько вопреки словам Евангелия — вместо хлеба дает камень и вместо рыбы змею. Журналисты же только пытаются объяснить, что правосознание и правозащитность насущно необходимы нашей бедной России, и тот, кто грубой профанацией прививает к этим превосходным понятиям инстинктивное отвращение, заслуживает глубокого презрения или — если это угодно так называть — неистовой газетной травли.

ФИРМА «АЕС ТРИПЛЕКС»

официальный дилер «LAND ROVER»
предлагает автомобили повышенной проходимости
следующих моделей:

DEFENDER, DISCOVERY, RANGE ROVER

Обеспечиваем фирменную гарантию, сервисное
обслуживание

Вы можете сделать предварительный заказ с
комплектацией по Вашему выбору

AES TRIPLEX Ltd.
Rushen Motors Limited

RUSSIA, 115533, Moscow, 4 Sadovniki st.

Tel: +7 (095) 118-8765

Fax: +7 (095) 118-8901

Никита ЕРМАКОВ

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ БЫЛО ПРЕДСКАЗАНО

*Франция до, во время
и после выборов*

Предвыборная кампания прошла вяло, избиратели не расталкивали друг друга, стремясь опустить в урну свой бюллетень, политики после подведения итогов голосования вели себя весьма скромно. Однако редко когда во Франции выборы в Национальное собрание, а не главные — президентские — имели такое значение для политической жизни.

Но давайте по порядку. Итак, 21 и 28 марта в ходе двух туров голосования были избраны новые 577 депутатов нижней, наиболее важной палаты французского парламента. Сюрпризов никаких не было: как и ожидалось, абсолютное большинство завоевал блок правых партий в составе неоголлистского Объединения в поддержку республики (ОПР) и либерального Союза за французскую демократию (СФД), в свою очередь состоящего из ряда более мелких партий, движений и политических клубов. Опросы населения, по количеству которых на душу населения и по точности Франция держит первое место в мире, предсказывали именно такой исход, к которому все были готовы.

Однако ожидание — одно, а конкретный результат — другое. Для того чтобы найти во французской истории прецедент, когда одна политическая сила получила на выборах такое превосходство над другими, приходится оглядываться на 1919 и даже на 1815 годы! В конце марта ОПР и СФД вместе с правыми беспартийными завоевали в Национальном собрании 484 места! Примеров, когда правящая во Франции партия потерпела

бы поражение такого масштаба, как сейчас социалисты, я найти не смог. Всего 54 депутата (60 вместе с партнерами из движения левых радикалов да плюс 10 левых беспартийных) насчитывают теперь в нижней палате социалисты. Многие лидеры партии и ведущие министры не смогли добиться избрания. Еле-еле ФСП обеспечила себе количество депутатов, которое позволит подавать в Конституционный совет прошение о рассмотрении того или иного закона на предмет его соответствия конституции или вносить в Национальном собрании резолюцию о недоверии правительству. При этом, разумеется, даже речи не может идти о том, чтобы это правительство свалить. Словом, социалисты и левые силы в целом не будут представлять собой достаточно сильную оппозицию, оказывать через парламент сколь-нибудь существенное влияние на управление страной.

Почему так получилось? Естественно, масштабы победы ОПР и СФД были увеличены действующей во Франции мажоритарной избирательной системой в два тура. Коротко напомню ее суть. В первом туре выставляется любое количество кан-

Новый кабинет министров
Фото из газеты «АБС» (Испания)

всего имеется в виду «Национальный фронт») лучше иметь в парламенте, где они контролируемы, нежели на улице, где царят свои законы. При другой системе выборов состав депутатов точнее отражал настроения народа, но принципиальных изменений не произошло бы. Причины и, возможно, последствия происшедшего политического землетрясения лежат гораздо глубже.

Прежде всего следует отметить вслед за проведенными опросами, что на выборах не столько победили правые, сколько проиграла социалисты. Блок ОНР—СФД получил примерно то количество голосов, которое имеет обычно. При этом его противники, прежде всего социалисты, потеряли чуть ли не половину своих сторонников. Часть из них проголосовала за экологов, которые только на этих выборах стали реально претендовать на участие в политической игре в национальном масштабе, многие вообще бойкотировали выборы, некоторые переметнулись к правым и к коммунистам. Французы левых взглядов решили наказать бывшую правящую партию, продемонстрировали свое разочарование ею. Почему?

Главная причина — рост безработицы, которая по состоянию на конец марта перевалила за 3-миллионную отметку. Придя к власти в 1981 году, ФСП обещала справиться с этим социальным злом, продолжала предпринимать усилия все время пребывания у власти (а это 10 лет с двухгодичным перерывом), но этот показатель удвоился. Страх остаться без работы стал главным в коллективном сознании страны. Конечно, рост безработицы — это не чисто французское, а мировое явление, объясняемое как нынешней неблагоприятной конъюнктурой, так и очередным технологическим рывком, к которому социальная сфера, организация производства никак не успевают приспособиться. И у многих соседей Франции дела обстоят еще хуже. Но кто здесь будет на это смотреть, когда каждый француз как минимум имеет одного безработного среди родственников или знакомых? Можно бросить социалистам и запоздалый упрек: мол, не следовало обещать. Но можно ответить на это: «А кто же знал, что так выйдет».

Однако не в одной безработице дело. Дискредитация ФСП проходила на фоне скандалов, в которых она оказывалась замешанной, ее внутренних противоречий, борьбы кланов за власть в партии, потери перспектив, идеалов традиционного благородства и донкихотства, которыми так славилась французские левые.

дидатов, избиратели голосуют за кого хотят. Чтобы быть избранным в первом туре, надо собрать абсолютное большинство голосов. В прошлом голосовании это удалось сделать восьми десяткам кандидатов правых. Во второй тур допускаются только те, кто в первом собрал 12,5 процента голосов от количества зарегистрированных избирателей данного округа. Тут для победы достаточно большинства относительного. На практике за десятилетия выработан механизм, при котором правые партии оставляли во втором туре одного кандидата (того, кто пришел первым из числа правых в первом туре), левые поступали аналогичным образом. Избиратели соответственно голосовали за того политика, который ближе им, или часто просто голосуя не «за», а «против».

Этот механизм вынуждал к созданию предвыборных блоков (ибо в одиночку пробиться через два тура практически невозможно), отсекал от активной политической жизни более мелкие течения, обеспечивал избрание прочного большинства. Такая система выборов гарантировала политическую стабильность Франции — великое достоинство, которому часто

завидовали соседи, например, итальянцы, — однако делала невозможным представительство всего спектра имеющихся в стране политических сил.

Конечно, правые победили бы на последних выборах с большим отрывом при любой системе голосования, однако без такого подавляющего превосходства. В самом деле: кандидаты ОНР, СФД и правые беспартийные получили 21 марта примерно 45 процентов голосов, а 28 марта имели более 80 процентов депутатских мандатов. Зато ультраправый «Национальный фронт», собравший почти 13 процентов голосов, вовсе не представлен в нижней палате, поскольку умеренные правые отказываются с ним блокироваться. Блок двух партий «зеленые» и «Поколение экология», завоевав симпатии 8 процентов избирателей, также лишен парламентского представительства. Но компартия, которая по традиции провела перед вторым туром взаимное снятие кандидатур с социалистами, при 9 процентах голосов сохранила 23 депутата.

Как считают парижские политические «гуру», представительные, хотя и неприятные течения (прежде

Сегодня партия в развалинах. На повестке дня — полное переосмысление политики, перспектив, стратегии, идей и организации всего левого лагеря. Удастся это сделать — появятся шансы на успех на президентских выборах 1995 года. А пока Францией будут править правые.

Передача власти произошла стремительно: через 24 часа после второго тура один из лидеров ОНР, Эдуард Балладюр, был назначен премьер-министром, через 48 часов он представлял состав нового правительства.

Несмотря на полное господство правых практически на всех уровнях власти, перед этой командой стоит сложная задача, а возможности ее решения ограничены двухлетним сроком. Президентские выборы станут тем временным пределом, в рамках которого будут судить об успехе или неудаче правого большинства, что может оказаться решающим фактором в гонке за пост главы государства — основной во Французской Республике.

Задачи эти целиком лежат сегодня в социально-экономической сфере, первая из них — безработица. Добиться радикальных изменений здесь практически невозможно. Подсчитано, например, что новые рабочие места во Франции будут создаваться лишь при годовых темпах роста, превышающих 3,5 процента, а еще лучше — 6 процентов. В 1993 году производства больше 2 процентов не следует ожидать, а авторитетный экономический журнал «Экспансьон» обещает вовсе нулевой прирост.

Остальные экономические цели также труднодостижимы одними усилиями Франции: экономика слишком интернационализирована. Достаточно сказать, что во Франции цена кредита (а она сейчас здесь настолько высока, что душит малый и средний бизнес, составляющий основу экономики) зависит не столько от Парижа, сколько от решений... Немецкого банка. Объяснять этот механизм долго и скучно, но это — непременный факт. Поэтому развитие деловой активности в мире или отсутствие такового прямо скажется на французской экономике. Много ожидают от возобновления экономического роста США, но это пока никак не сказалось на западноевропейских партнерах Вашингтона.

Можно до бесконечности разбирать отдельные экономические и социальные проблемы, которые стоят сегодня перед правительством Эдуарда Балладюра, анализировать предлагаемые им рецепты, но это не позволит в настоя-

Эдуард Балладюр

Шарж из газеты «АБС» (Испания)

щий момент утверждать, правильны они или нет, приведут или не приведут к успеху. Здесь надо отметить другое: новая команда с первых дней демонстрирует решимость сделать все возможное для успеха. С ходу принята серия символических и принципиальных решений, начиная от сокращения расходов на содержание министров и министерств и 20-миллиардной экономии государственных расходов в течение года и кончая определением первоочередных сфер деятельности: проблемы иммиграции, обеспечения личной безопасности граждан, реформа кодекса гражданства, переговоры по мировой торговле в рамках «Уругвайского раунда» ГАТТ, финансирование дефицита касс социального страхования и так далее. Правительство приступило к работе, у него всего два года.

Но и этим не ограничиваются ожидающие правых трудности. Во-первых, правительство не будет иметь всю полноту власти, поскольку в Елисейском дворце остается президент-социалист Франсуа Миттеран, который по конституции обладает широким кругом полномочий и прав, в первую очередь в области внешней и военной политики. Это будет для него уже вторым опытом сосуществования с правым большинством — схожая ситуация сложилась в 1986—1988 годах. Правда, тогда соцпартия оставалась влиятельной и организованной силой, обладая в Национальном собрании самой крупной партийной фракцией, а сам Франсуа Миттеран, явный лидер левых, был готов вновь выставить свою кандидатуру на очередных президентских выборах. Правые же были излишне идеологизированы и переполнены иллюзиями относительно рейгано-тэтчеровского либерализма. Это делало позиции левого лагеря куда более прочными, чем сейчас. Справедливости ради надо отметить, что и экономическая ситуация была в то время гораздо луч-

ше сегодняшней.

Ныне президент начинает сосуществование в условиях слабости, хотя пространство для маневра его соперников, не забывших уроков прежнего периода, ограничено общим, а не только французским экономическим кризисом.

К тому же правый лагерь отнюдь не един, хотя к выборам в Национальное собрание он пришел, демонстративно пригласив внутренние разногласия, касающиеся как личного соперничества, так и принципиальных политических позиций.

С личным соперничеством все ясно: в новом большинстве нет явного лидера. Это открывает перспективу острой борьбы по мере приближения 1995 года. Но есть среди правых и политические разногласия, касающиеся как тактических, так и стратегических аспектов.

К первым можно причислить, например, давнюю дискуссии о том, следует ли продолжать политику сохранения твердого франка или ослабить жесткий контроль над ним ради стимулирования экономического роста. На данном этапе этот спор выглядит решенным: все экономические министры выступают за твердый франк.

Различия же стратегического порядка серьезные и принципиальные. Речь идет об оценках целесообразности продолжения европейской интеграции в рамках ЕС на основе Маастрихтских соглашений, предусматривающих создание «двенадцатью» валютно-экономического и политического союзов. В более широком плане — о постепенной федерализации Сообщества, о росте наднациональности, о постепенном растворении суверенитета стран, входящих в ЕС. Прошлой осенью референдум о ратификации Маастрихтских соглашений расколол страну. Хотя эти соглашения и были ратифицированы, разлом в обществе остался и, вполне вероятно, будет многое определять во французской жизни.

Но это — дело будущего. Пока на правительственном уровне этот вопрос решен — кабинет состоит из «европеистов». Сегодня победители без раскачки принялись за дело, а побежденные зализывают раны. Политика не допускает пауз, каждая взятая высота — всего лишь путь к следующей.

Париж

ПО ДОМАМ, ГОСПОДА!

Закончился наконец очередной национальный позор — чрезвычайный съезд народных депутатов, а оскомина, если не сказать душевная тошнота, так и не проходит. Все звучит в ушах голос председательствующего, совсем не по-академически и вовсе не поджигитски срывающийся на визг, да малограмотные речи народных избранников. Все не дает покоя сердцу и разуму их чудовищная демагогия, откровенная ложь и, что особенно противно, — прямо-таки рептильная ненависть к президенту и его команде.

Каждому, кто внимательно слушал выступления на высоком форуме, совершенно ясно: определенная часть депутатов, вдохновляемая и ведомая спикером, хочет властвовать безраздельно и, главное, безнаказанно. В случае если народ все-таки захочет призвать их к ответу, попробуй разберись, кто из почти тысячи человек виноват больше, кто меньше. И тактику борьбы они, к сожалению, выбрали беспроигрышную, как в детской игре «крестики-нолики». Президент, скажем, ставит крестик, а съезд в соседнюю клеточку сразу рисует нолик. И некуда деваться, и полная безнадега.

Вся история нашего государства говорит о том, что не можем мы сразу перескочить из тоталитаризма в парламентскую демократию. Это противостоит, так же как пытаться прошмыгнуть мимо очередной исторической формации. Нужна, нужна нашему народу пока твердая рука, никуда от этого не деться. Уж на что французы народ свободолюбивый — одних революций было чуть не пять, а не побоялись пойти под твердую руку генерала де Голля и ничуть об этом не жалеют. Нам тоже нужна президентская республика, а не плохая пародия на новгородское вече.

С президента хоть спросить можно будет и за ошибки, и за просчеты. И за зажим демократии тоже можно будет спросить. А сейчас как спросишь, например, с Руслана Имановича, который давно уже мысленно облачился в горностаевую мантию и принародно ведет себя как самодержец: и того он сегодня снимет, и этого вышвырнет, и газеты приструнит, и телевидению рот заткнет?

Все наши — и простые, и необычайные — съезды похожи на какую-то мрачную пьесу бездарного автора. Но пьеса, как бы плоха она ни была, рано или поздно кончается. А нашему спектаклю, похоже, ни конца ни края не видать. Матрос Железняков был, конечно, трагически не прав, разогнав Учредительное собрание. Но в нашем случае, я горячо надеюсь, народ сам скажет своим избранникам: «По домам, господа!»

ВЛУГОВОЙ

Санкт-Петербург

ОПТИМИЗМ ИЛИ ШИЗОФРЕНИЯ?

Самое главное в жизни — оптимизм. Мне скоро шестьдесят стукнет. Чего только в жизни не было! И война, и голод, школа и институт во время послевоенной разрухи, полуголодная жизнь на востоке страны. И все с оптимизмом!

Сейчас опять черная полоса — пенсионерка... Муж — инвалид II группы. Два года назад внесли четыре тысячи за садовый участок. Где-то далеко, ехать с двумя пересадками на электричках. Но вот читаю в газетах: «15 тысяч обманутых пенсионеров». Это значит — и я там? Радио Москвы: во всем виновато правительство Подмоскovie. Мне опять не легче. Деньги у меня кто брал? Государство? Думаю, что да. Квитанции официальные есть со всеми печатями и штампами. Где моя земля? (Я имею в виду не 2 метра, а 10 соток.)

Идем дальше. Добавляют, пересчитывают пенсию. Муж отнес все необходимые документы. Жду месяц, два, три, четыре. Звоню, а мне в ответ: «Я все пересчитала, это бухгалтерия виновата». Да мне плевать, кто виноват! Где моя денежка?

Два месяца караулили мы с мужем ветерана, который инвалидные книжки выдает на получение «заказов». Он как капризная девица: «Не буду работать, как раньше. Теперь только два раза в месяц (!) и по два часа в день (!!). Поймали все-таки. Получили книжечку. В магазин допускаемся только по четвергам и только с 11 до 13. Пошла пала в первый же четверг. В «заказе»: вермишель — раз, вермишель — два, вермишель — три, мука, 300 граммов конфет. Все это лежит в магазине для покупателей «с улицы» и по той же цене. Во збота!

Бесплатный транспорт для пенсионеров? А мы не ездим никуда. Я раз в неделю ноги из дому выношу, и то с трудом. Я — рядышком и пешком.

А жить хочется.

«Вы за кого? — спрашивают меня. Отвечаю: «За Ельцина и Лужкова». Оптимизм в характере, что ли? А может, шизофрения?»

С.ДОЛГОВА

Москва

СКОРБНЫЙ СПИСОК МОСКОВСКИХ ПРОБЛЕМ

Наблюдая повседневную жизнь нашего города, невольно спрашиваешь себя: чем занимаются его, так сказать, «отцы» — мэры и Моссовет? Кроме, конечно, выяснения животрепещущего вопроса, кто из них главнее. Но для нас, москвичей, вопрос главенства не важен. Нам надо, чтобы в городе был по-

рядок. А его-то и нет. Давно уже. С тех пор, как столица с легкой руки товарища Гришина стала именоваться «образцовым коммунистическим городом». Тогда, помнится, было запрещено критиковать в печати городское хозяйство Москвы. И тут же как по мановению волшебной палочки перестали убирать снег и лед даже в центре Москвы.

Дальше — больше. Годы идут. Прошли гришинские времена, потом ельцинские, поповские... А городское хозяйство тем временем пришло в окончательный упадок.

Зато нам широко вещают о приобретении зарубежной техники, например, для очистки улиц. Не так давно на проспекте Мира я наблюдал, как один экземпляр такой техники ездил туда и обратно по тротуару, покрытому ледяными торосами, и поглаживал (другого слова не подберу) эти торосы проволочными щетками, которые никакого вреда ледяному покрытию не приносили, но зато сметали остатки песка. Когда я попытался сказать водителю этого чуда техники, чего, мол, ты едешь — толку-то никакого, он меня, естественно, послал. С другой стороны, его понять можно: задание как бы выполняется, горючее расходуется, зарплата капает.

Эх, если бы только в очистке улиц было дело. А то ведь куда ни глянь — то же самое. Наземный транспорт работает так, что и слов цензурных не подберешь. Мне, например, доподлинно известен случай, когда водитель 187-го маршрута автобуса в рабочее время возил на вверенной ему машине свою любимую девушку с улицы Дружбы к бабушке в Измайлово.

Почта настолько переутомилась выполнением своих прямых обязанностей, что кроме двух выходных завоевала себе право приносить утренние газеты в середине дня, да и то не всегда.

В продовольственных магазинах к мяснику стоят две очереди: одна — у прилавка, другая — в кулуарах. Именно там, в кулуарах, можно купить кусок хорошего мяса. Но с определенной наценкой и если вы знакомы с мясником. Вы скажете: это и раньше так было. Да, было, но во времена застоя, а сейчас-то у нас вроде как рыночная экономика.

Скорбный список можно продолжать до бесконечности: куда ни ткнишь — везде одно и то же. Поэтому возвращаюсь к тому, с чего начал: когда, наконец, руководство «Солици» приступит к выполнению своих прямых обязанностей, тех, за которые им зарплату платят, а «кто главнее» будет выяснять в нерабочее время?

П.САМОЙЛОВ

Москва

ДВЕ КАРЬЕРЫ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Недавно в коммерческих киосках появилось множество различных американских сигарет: "Конгресс", "Магна", "Реал", "Парламент", о которых в Америке ничего не знают. Ничего о них не знает и Лерри ХАСИН, преуспевающий американский бизнесмен. До 1978 года господин ХАСИН был нашим соотечественником, и его называли Валерием Александровичем. Его уважали коллеги по работе и считались с его мнением. А сейчас к нему прислушиваются как к человеку, сумевшему реализовать "американскую мечту", сделав потрясающую карьеру. Лерри ХАСИН — заместитель директора, совладелец компании "Global Shipping Corporation".

— Господин ХАСИН, расскажите о вашей работе в Советском Союзе.

— По образованию я инженер-механик. Окончил институт инженеров морского флота в Одессе. Как полагается, отработал три года по распределению на судоремонтном заводе имени Парижской коммуны в Баку, потом ушел на "строительство коммунизма", как это тогда называлось. Но, работая в тресте по городскому устройству, со строительством коммунизма временно покончил, так как там все больше думали о себе, о своем благополучии, нежели о деле. Уезжал в Америку будучи на должности заместителя управляющего Стройбанком Баку.

— На что вы рассчитывали, уезжая в Америку?

— Только на себя. Языка я не знал. Сначала я с семьей приехал в Детройт, где жила моя сестра, эмигрировавшая на два года раньше. После первого же интервью-собеседования по поводу работы — получил работу инженера-механика в одной из фирм, работающих на "Крайслер", одну из крупнейших автомобильных компаний США. Работал там год. И довольно успешно, так как в течение этого года я

получил прибавку к зарплате 3 доллара в час, что составило 6000 годовых. Но вскоре мне пришлось переехать в Лос-Анджелес, потому что в то время сильно болела теща, а детройтский климат больше похож на сибирский, нежели на климат Баку, к которому мы привыкли.

В Лос-Анджелесе я тоже очень легко нашел работу — видимо, мне просто везло или я был действительно неплохим инженером. В Америке достаточно тяжелая налоговая система, и через пару лет я понял, что, работая только на предприятие и ничего не имея своего, быстро стать на ноги довольно сложно. Поэтому после трех с половиной лет пребывания в Америке я открыл свой собственный бизнес. Это был автоцентр, где производился ремонт и продавались подержанные автомобили. На те деньги, которые я собрал за это время, я арендовал помещение, купил оборудование, нанял рабочих.

— А свой дом у вас к этому времени был?

— Нет, я снимал квартиру. Через полтора года я открыл еще одно такое предприятие. А через год еще один автоцентр. К этому времени у меня уже работало 19 человек. В

течение последующих пяти лет я продал эти предприятия, купил дом и все "остальное". Тяжелое становление в Америке у меня заняло 5 лет. В те годы я работал по 72 часа в неделю... После автомобильного бизнеса я занялся торговлей — производством и продажей бытового электрооборудования: кондиционеров, холодильников. Это был сложный, трудоемкий бизнес, но все затраты умственного и физического труда оправдывались. В то время, в 1986-88 годы, Америка была на подъеме.

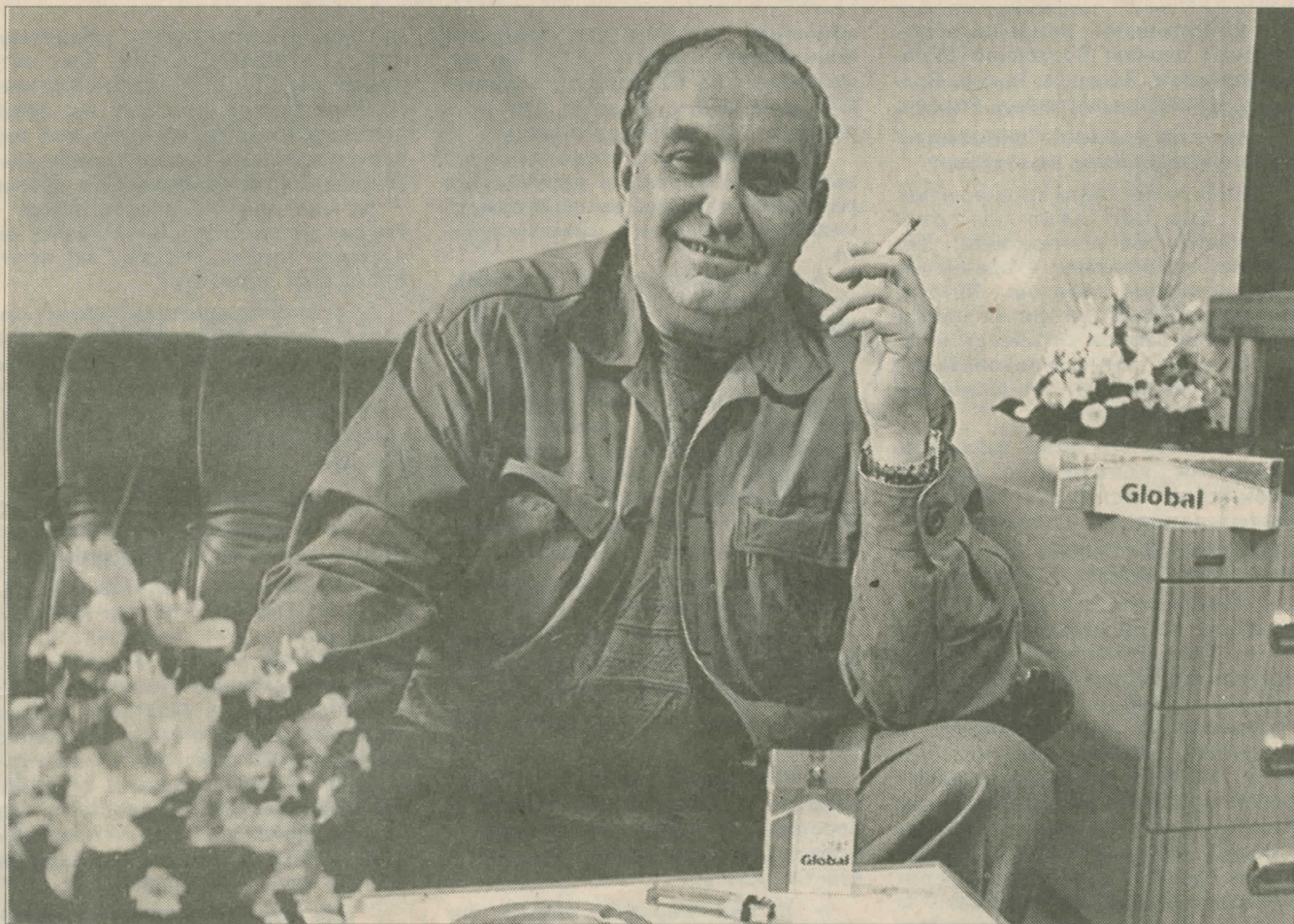
Последние два года я занимаюсь выпуском своих собственных сигарет. Они называются "Global", потому что компания, в которой я являюсь "senior vice president", или, по-русски плохо звучит, самым главным заместителем директора, называется "Global Shipping Corporation".

— Почему вы выбрали сигареты предметом бизнеса, ведь, насколько я знаю, Америка бросает курить?

— Я сам курю. А потом совершенно не обязательно продавать сигареты в Америке, тем более для этого нужно специальное разрешение. Его получить не трудно, но налоги на продажу сигарет в Америке столь велики, что в конечном счете, когда американские сигареты, обложенные налогами, доходят до американского потребителя, то заработка остается столько же, сколько и при экспортной продаже, а головной боли значительно больше, так как приходится вступать в конкуренцию с такими компаниями, как "Philip Morris" или "R. J. Reynolds".

— Откуда у вас появился рецепт, или, как это правильней сказать, технология изготовления сигарет?

— Я и два моих партнера заядлые курильщики. Я курю около 35 лет, и, думаю, разбираюсь в табаке. Специальная лаборатория предложила нам различные варианты табака и так далее, и мы выбрали то, чтобы в наших сигаретах не было много никотина, смол. Так как бросить курить мы уже не

Лерри ХАСИН — заместитель директора, совладелец компании "Global Shipping Corporation".

можем, мы пытались сделать сигареты такими, чтобы они наносили как можно меньше вреда организму. Это во-первых. Во-вторых, мы, не ухудшая качества сигарет, добились их относительной дешевизны. Сигареты "Marlboro" действительно хорошие, но очень дорогие, и поэтому их не каждый может купить.

— Как вы смогли их "удешевить", особенно в условиях жесткой конкуренции?

— Любой бизнес убивают накладные расходы. Чем больше разрастается корпорация, тем больше возникает различных наслоений. Возрастает число руководителей, объем зарплаты. Допустим, объем зарплаты нашей лаборатории, которая занимается табаком, составом сигарет, составляет порядка 150 тысячи долларов в год, в то время как у "Philip Morris" — 25–30 миллионов долларов. Когда компания вырастает в сверхгигантскую, она начинает терять деньги.

Это бич любого бизнеса: американского, французского или будущего русского. Если вы проследите, что произошло с двумя крупнейшими американскими авиакомпаниями "Pan American" и "Trans World Airline", то поймете мою мысль. Они росли настолько быстро и, с моей точки зрения, неправильно, что старейшей авиакомпании больше не существует, а "Trans World Airline" второй год находится в состоянии банкротства. Они росли быстрее, чем зарабатывали деньги. У нас нет этих "дурных расходов", поэтому мы можем спокойно конкурировать с "Philip Morris" и "R. J. Reynolds".

Мы постараемся и в будущем не расширяться. Как правило, создатели бизнеса это выдерживают, а их последователи, как говорится, "идут гулять по буфету", начиная нанимать ненужных людей, занимаясь ненужными делами. С тех пор наша тройка курит только сигареты "Global". Не для рекламы, а потому что они нам нравятся. Так что,

выбирая "Global", вы курите хорошие сигареты.

— Чтобы читатели поняли ваш вкус, ибо рассуждать о прелестях сигаретного дыма мне трудно, скажите, что вы курили в то время, когда были уже ужасно богатым, но своих сигарет еще не придумали?

— "Marlboro lights". Потому что другие сигареты этой марки достаточно жесткие и вызывают кашель. В принципе табак во всех сигаретах один и тот же. Все зависит от фильтра. Если вы курите ментоловые сигареты, то это не значит, что в них ментоловый табак. Просто бумага, в которую он обернут, пропитана ментолом.

— Сколько времени у вас прошло от возникновения идеи выпуска сигарет до первой изготовленной пачки?

— Порядка шести месяцев.

— Вы уже успели найти рынки сбыта?

— Естественно. Наши сигареты покупают страны Восточной Европы: Болгария, Венгрия, Чехия, Словакия, Македония и теперь Россия.

— Как вам удалось "завоевать" табачную державу Болгарию?

— Болгарский табак хорошо известен. Его не надо ни рекламировать, ни критиковать. Он, конечно, не вступает в сравнение с вирджинским табаком. Кстати, во всех хороших сигаретах обязательно содержится китайский и турецкий табак. Лично я европейские сигареты не люблю. Слишком они уж ароматизированы.

— Говорят, что ваши сигареты заслужили наивысшую оценку российских экспертов табачной промышленности. С кем вы контактируете в России по поводу реализации ваших сигарет?

— Наш эксклюзивный представитель на российском рынке — фирма "Астра-Глобал". Ее руководители не только мои партнеры, но и давнишние друзья. Вести дела с друзьями не закономерность, а счастливая случайность. Конечно лучше, когда с друзьями завязываются деловые отношения, чем когда "бизнес рилейшнз" переходит в дружбу. Фирма "Астра-Глобал" успешно решает все вопросы, связанные с продажей сигарет. И поэтому цель моего нынешнего приезда — не сигаретный бизнес. Я хочу посмотреть, чем можно помочь России, что можно экспортировать из России, чтобы она была известна как поставщик чего-либо. Может быть, это будут ткани. Я не интересуюсь нефтью, золотом, бриллиантами, черной икрой, так как это Россия успешно экспортирует на протяжении веков без моей помощи. Меня интересуют производства, которые могут выпускать какой-либо законченный продукт. Ведь сейчас Россия во всем мире известна своим дешевым трудом. А именно труд когда-то "поднял" Тайвань и сейчас поднимает "красный" Китай.

— В те времена тайваньцы и китайцы в пересчете получали по 10—15 долларов в месяц. А в России зарплата рабочих на рентабельных производствах стабильно держится на уровне 50—100 долларов в месяц. И сейчас в Москве достаточно восточных иностранцев занято в производстве.

— Но 100 долларов — это очень дешевый труд. В Америке минимальная зарплата сейчас составляет 4,25 доллара в час. Это

минимум, который при наиме хозьяин обязан платить. Если вы умножите его на 40 часов, то получите 170 долларов в неделю, то есть порядка 700 долларов в месяц.

Так что выходит, что труд самого высокооплачиваемого российского рабочего в семь раз дешевле самого низкооплачиваемого американского.

А вообще сейчас не то время, когда можно "ломать копыта", кто получает больше или меньше. Сейчас важно, чтобы все были заняты. И это самый главный для России вопрос. Людей нужно вернуть на фабрики, заводы, землю. И заставить их производить, а не перепродавать. То, что сейчас произошло с бывшими Калининским проспектом и улицей Горького, больше похоже на какую-то толкучку.

— Среди тех торговцев довольно мало москвичей.

— Тем хуже для них. В Москве должны быть москвичи, в Рязани — рязанцы, в Баку — бакинцы.

— А если они не хотят там жить?

— Что значит не хотят? Самое простое — убежать от плохого в хорошее. А самое правильное — оставаться при своем плохом и что-то делать.

— А как вернуть людей на места, не нарушая их прав?

— Дать им работу.

— Но многие предприятия сейчас закрываются или сокращают производство. В том числе интересные вас текстильные комбинаты резко сокращают производство из-за недопоставок сырья.

— Я сочувствую, если вам уже не из чего производить. С такой ситуацией я столкнулся пару лет назад в Болгарии. Там начали резко сокращать производство на фабрике, производившей по мировым стандартам очень приличную обувь. Через полтора года фабрика, сумевшая не только не уволить ни одного сотрудника, даже несколько расширила производство. Она покупает кожи в Турции и Туркменистане, в Италии — кожу для подошвы и сейчас выпускает очень хорошую обувь. На мне сейчас туфли, изготовленные на этой фабрике, а поверьте, у меня есть возможность носить самую лучшую обувь.

Так что это очень плохо сокращать и закрывать производство. Но еще хуже постоянно менять руководство. С кем работать? Я знаю

многих американских бизнесменов, которые хотели бы сотрудничать с российскими предприятиями, и я мог бы представлять их интересы. Но все они боятся завязывать долговременные отношения. А одноразовые сделки — ты мне деньги, я тебе товар — России не помогут. Лично я мог бы и хотел помочь России, но опять же: с кем работать?

— У нас появилось так много торговцев и перекупщиков еще и потому, что многие импортные товары гораздо дешевле отечественных, а по случаю их "импортности" заработать на них можно больше.

— Здесь что-то не то...

— Но в Америке американские товары дороже аналогичных...

— Китайских, японских, корейских. Потому что они сделаны с помощью американских инвестиций. Это означает, что американцы теряют рабочие места, но на экономике Америки это не отражается, потому что больше прибыли США получают от капитала, вложенного в других странах. Как американский бизнесмен, где бы я ни производил или ни продавал свой товар, я все равно должен платить налоги Америке.

— Вы планируете у нас организовать какое-либо производство?

— Если не можешь стопроцентно контролировать бизнес, то лучше в дело не вступать. У меня много дел и там. Мы ведем переговоры с Колумбией, чтобы выпустить кофе под нашей маркой, с Аргентиной, чтобы выпускать расфасованное мясо. Мы передали все представительские права в России фирме "Астра-Глобал", и все наши отношения с Россией мы строим через нее. Так что, если она за что-либо возьмется, считайте, что этим будет заниматься и моя фирма.

Валерия НЕМЦОВА
Фото Ивана НАСЕДИКИНА

"Астра-Глобал"
121165, Москва,
ул. Дунаевского, 14а
Тел.: 240-72-79
Факс: 240-72-59

Осип ДЫМОВ

ХО и КО

Рассказ молодого турка

Рис. А. Пантелеева

Однажды в главном городе нашего турецкого государства случилась конституция, а через некоторое время — холера.

Ученые других стран заинтересовались нашей страной и время от времени нас посещали. Один такой ученый, немец, достался мне, и моей обязанностью было познакомиться с ним со столицей.

Я водил его по городу и объяснял. Объяснял долго и обстоятельно, потому что он был немец и плохо понимал, что делается в этой иноземной стране. Я старался быть очень добросовестным, но он вечно что-то путал и не вылезал из трясины своих недоумений.

— Это что? — спрашивал он, тыкая в плакат.

— Я уже вам несколько раз говорил, mein Herr. «Не...»

— Не употреблять сырой идеи! Знаю.

— Не идеи, а воды. Сырой воды не употреблять.

Он моргал глазами и вынимал карандаш.

— Мне для моей книги нужно. Меня командировали, — объяснял он, записывая.

— Это началось, кажется, с октября? — невинно спрашивал он.

Я горячился:

— Mein Herr, вы путаете. Конституция началась с октября, а не холера. Холера только недавно. Холера потом.

Он опять кивал головой и моргал глазами.

— Главным образом, — говорил он, — она поражает рабочий класс?

— Да, — радовался я тому, что он выходит на настоящую дорогу, — теснота, скверные условия жизни, вода...

— Сырая?

— Ну да, сырая...

— Да. Помню, — перебивал он, — пролетариат!

— Какой пролетариат? — кричал я.

— Ну, пролетариат... Вот... первый пошел...

— Пошел! Пошел! Куда пошел?

— Ведь вы сами мне говорили: он потребовал холеры.

— Не холеры! Не холеры! Конституции, а не холеры.

— Ах да, извините, — бормотал он, сконфуженный. — То было раньше.

— То-то раньше...

Всюду ему мерещились бараки. Семибашенный замок он принимал за барак, обыкновенную городскую тюрьму — тоже, театр — тоже.

— Лечат, — хмыкал он, тыкая пальцем в эти учреждения.

— Ну да, — соглашался я.

— Изоляция?

— Да.

— Квартира, стол...

— Ну да.

— Теплые набрюшники, — продолжал он, ободренный.

Тут я начинал понимать, что мой немец опять заврался.

— От чего лечат? — ставил я ребром вопрос, пытливо и злобно глядя ему в очки.

— От... от... — лепетал он.

— Ну?

— От холе... то есть, от конституции, — поправлялся он.

Но я видел, что он нетверд.

Я объяснял:

— Поймите вы, упрямый человек: при холере нужен теплый набрюшник,

а при конституции — нет. Таким образом это легко различить. При хо — да, при ко — нет.

Для экономии времени я сокращал, и ему это нравилось; он сделал отметку в своей книжке.

— «При хо — набрюшники, при ко — нет». Теперь я буду знать, — уверенно и бодро сказал он.

— Барак, — говорил он, указывая на больницу.

— Да.

— Бара... Это тоже барак? — спросил он вдруг, остановившись перед зданием парламента.

Признаюсь, этим вопросом он поставил меня в очень неприятное положение. Но, не теряя тона уверенности, я ответил:

— Это... Нет, не барак. То есть не для хо.

— Для ко?

— Пожалуй. Во всяком случае, — строго заключил я, чтобы он чего-либо не подумал, — это очень почтенное учреждение.

Немец записал и успокоился.

Два дня я его не видел. Рано утром он явился.

— Ослабевает! — радостно сказал он, указывая на газету. — Кризис миновал.

— Сколько? — спросил я, обрадованный.

— Всего только семнадцать, — ответил он, сияющий.

Мне понравилось, что вот немец, чужой, а радуется за Турцию.

— Доброе сердце! — подумал я. — Немного путает, но сердце хорошее.

Однако я усомнился.

— Странно, на днях было 65, а сегодня уже 17. Неужели такое сильное падение?

Немец даже обиделся.

— Да вот, читайте сами, — он протянул мне газету. — Здесь даже перечислено подробно: в Константинополе — 7, в Смирне — 3, в Дамаске — 2, в Яффе...

— Сумасшедший человек! — вскричал я. — Вы спутали хо и ко. Ведь это от ко в Константинополе 7 и в Смирне 3 — итого погибло семнадцать, а от хо... от хо... (я перевернул лист и отыскал) от хо вон сколько — 48.

Немец был очень сконфужен. Он вертел в руках газету и бормотал:

— Но почему же газеты пишут так туманно, что чужестранцу легко запутаться? Нет, это очень сложно.

— Но теперь вы будете знать? — спросил я.

Мой немец долго молчал и, наконец, полный недоумения, проговорил:

— Скажите, пожалуйста, почему они у вас одновременно — и ко и хо? Разве недостаточно было бы каждой из них отдельно?

Из сборника «Веселая печаль»

Осип ДЫМОВ — псевдоним Осипа Исидоровича Перельмана. Родился 4 (16) февраля 1878 г. в г. Белостоке. Окончил Петербургский лесной институт. С 1908 по 1913 год, пока не уехал в США, сотрудничал в журнале «Сатирикон». Автор книг: «Веселая печаль», нескольких сборников, изданных в библиотеке «Сатирикона», романа «Томление духа», драматических произведений. Умер в Нью-Йорке в 1959 г. В советское время не переиздавался.

ВСЕ НА ПРОДАЖУ!

Пускай нам общим памятником будет построенный в боях капитализм, да прости меня Маяковский. Стремление запечатлеть эпоху с помощью наглядной агитации, видимо, неистребимо.

Коллективно-долевое предприятие, названное (не падайте!) «Заветы Ильича», построило на Вологодчине новое село и объявило конкурс на его название. Местные жители за словом в карман не полезли и хором предлагали: «Ваучер! Ваучер!» И чуть было не состоялись эти географические новости с рыночным уклоном, да победили менее пьющие прагматики. Они, сообщая ИТАР—ТАСС, предложили выбирать между «Придорожным», «Отрадным» и «Черемушками». Так что видовые признаки новой социально-экономической формации на карту пока не пробилась. Может, оно и хорошо. А то в бурные послереволюционные дни один лапша назвал дочку Даздрапермой. Она, поди, сейчас на пенсии и социализма вроде бы нет, а попробуй объясни, что неблагозвучное имя это — вполне пролетарское: сокращенный лозунг

«Да здравствует Первое мая!».

Нет, приватизационный чек надо использовать по назначению, предварительно проверив, не фальшивый ли. С первым (то есть с использованием) все в порядке, например, у сирот детского дома в Стерлитамакском районе Башкортостана. Все они стали акционерами АО «Каучук», получив в обмен на свои ваучеры по (не угадаете!) 40 тысяч рублей каждый. Пока юные годы бегут, дивиденды капают. Глядишь, вместе с аттестатом зрелости и выдадут приличный капитал. Со вторым (с подлинностью ваучеров) сложнее. Ваучеры стали востребованы, что с пустыми бумагами, как известно, не производят. Поэтому МВД предупреждает: притупление бдительности опасно для вашего кармана. И не зря Госкомимущество закупило недавно тьму специальных ультрафиоле-

товых ламп. Фальшивые чеки испускают в их лучах невинное голубое сияние, а настоящие отдают зеленым и красным. Тем, кто не запасся ультрафиолетом, МВД советует пробовать бумажки на ощупь, а также изучать их визуально. Качество фальшивок лучше, чем подлинников. Бумага более плотная, и надпись «Россия» читается легко, а у настоящих ваучеров только при шестикратном увеличении.

Вкладывайте ваучеры, становитесь частниками. Ей-богу, новая жизнь хоть и хлопотная, но более достойная, чем существование под надзором любимой партии и органов, ее защищающих. Ну мыслимое ли в прежние времена дело: в аэропорту Мурманска у пассажира берут подозрительно тяжелый чемодан, раскрывают его, обнаруживают 42 килограмма денежных купюр, однако не тащат владельца в кутузку, а, помахав ручкой, разрешают отбыть вместе с чемоданом и его содержимым в родную Вятку. Оказывается, вятский бизнесмен скупил у местных старушек знаменитые истобенские соленые огурчики и наводнил ими столовые и рестораны далекого заполярного города, не забыв оформить акт купли—продажи. Отсюда и доход.

Да что огурчики! Владивостокское авиапредприятие приступило к распродаже в частные руки знаменитых «Аннушек». Первые покупатели, оценившие все преимущества владения самолетом, готовы выложить за него два миллиона рублей, уверяет ИТАР—ТАСС. Сумма, согласитесь, смехотворная. Правда, приплатив еще, можно попросить переоборудовать салон по варианту «люкс». Нет, что ни говори, авиаторы всегда шли в авангарде прогресса. Ульяновские пилоты авиакомпании «Волга—Днепр» слетали на «Руслане» в Сан-Диего (США) и привезли оттуда в Хабаровск 50 легковых автомобилей. Преимущества автомобилизации через океан очевидны: нет проблем с правым рулем, и рэкетирам труднее осваивать новое поле деятельности.

Все на продажу! В России с молотка пошло более 300 объектов незавершенного строительства. Государство, избавившись от головной боли, получило 2,6 милли-

арда рублей, а мы — надежду, что ушлые собственники быстро допоят неспетую песню госстроителей и население получит сотни заводов, домов, магазинов и т.д.

В хвост авиаторам и в спину строителям пристроились моряки. «Постфактум» уверяет, что получил данные: крупнейшее военное радиоразведывательное судно Камчатской флотилии «Чажма» может отдрейфовать в Объединенные Арабские Эмираты.

Экспортировать, как известно, можно все, даже потрясения, чем мы успешно и занимались много лет. И, поди ж ты, берedit душу ностальгия. В московском музее революции, сообщает тот же «Постфактум», решили помочь Северной Корее и устроили выставку-распродажу, приуроченную ко дню рождения великого вождя и учителя Ким Ир Сена. Деньги, полученные за вышивку и другие корейские товары, отправят прямехонько в Пхеньян, где их немедленно пустят на укрепление обороны от врагов, которых не существует в природе... Восток — дело тонкое. Вон китайцы, в отличие от своих соседей, более рациональны. Открывают во Владивостоке первую бартерную выставку. Облюбовал товар — и заказывай его в сопредельном государстве хоть тоннами.

Тщательней надо, товарищи, как говорил сатирик. И раскованнее, добавлю. Приятно заметить, что жизнь и власть существуют как бы параллельно. Руководство Башкортостана, к примеру, борется за независимость — неизвестно с кем и неясно почему. А уфимская компания «Даянов и сын» покупает футбольную команду и называет ее «Самрау». Теперь автономная республика будет представлена на российской футбольной арене частным коллективом, который заменит мастеров кожаного мяча из «Гастелло». Хватит воевать. Нам действительно не хватает хлеба и зрелищ.

Александр АГОПОВ

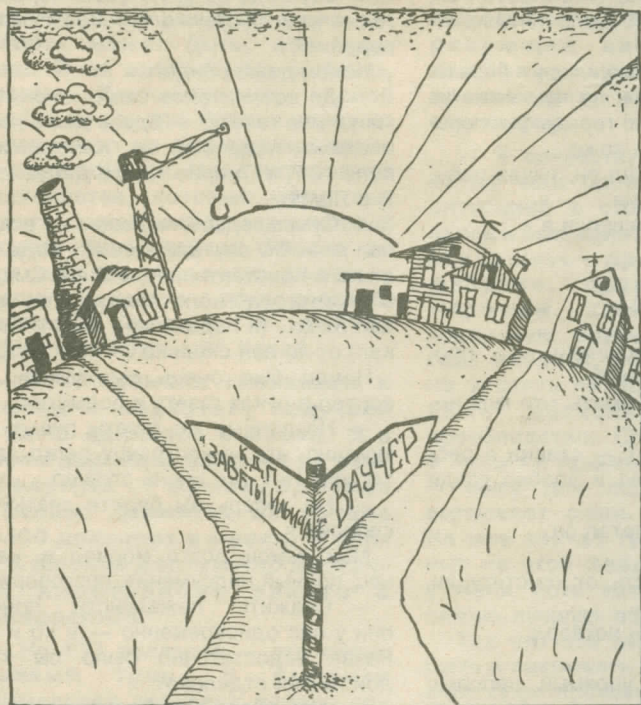

Рис. А.Зайца

ПРОСТАБИЛИЗИРУЕМ ЕЩЕ РАЗ. ДОПОЛНИТЕЛЬНО

Наше сельское колхозно-совхозное хозяйство отличается от аграрного сектора любой другой страны тем, что его уже более 70 лет постоянно стабилизируют. Сначала стабилизация заключалась в отборе у крестьян права на свободу и заточении их в колхозы. Затем колхозникам вместо денег стали платить «палочками» в ведомостях. Это позволяло удерживать нереально низкие цены на продовольствие, но почему-то отбило у крестьян желание вкалывать. Пришлось признать, что держать кормильцев страны голодными нехорошо, и начать новую стабилизацию сельского хозяйства, которая продолжается до сих пор и заключается в бесконечных денежных вливаниях.

Конечно, стабилизировать можно было бы по-другому — раз и навсегда сделать крестьянина хозяином своей земли, а там пусть сам решает: в одиночку или общиной эту землю обрабатывать. Но куда при этом денутся председатели колхозов, директора совхозов и парламентская фракция «Аграрный союз»? Ведь никакие «перестройки», реформы и т.п. аппетитов этой команды не уменьшают. Наплевав на законные требования провести референдум о земле, аграрное лобби выбирает себе уже не миллиардные, а триллионные субсидии. «Сломали» правительство Гайдара, теперь — кабинет Черномырдина. Только что премьер

подписал постановление о, естественно, «дополнительных мерах по стабилизации» агропромышленного производства, где к ранее предусмотренным астрономическим суммам нашим славным колхозам и совхозам предполагается выделить еще минимум триллион рублей.

Значительная часть этих денег пойдет на дотацию сельской продукции. То есть с нас соберут налоги и отдадут председателям, чтобы они нам же свой товар продавали подешевле. Последнее выглядит сомнительным, потому что проедать дотации безо всяких последствий в виде обильных урожаев и удаев сельские командиры умеют

прекрасно. Тем более что и обещанных сумм им уже сейчас мало.

«Мало! Мало!» — с таким рефреном прошло в апреле «предреферендумное» расширенное заседание парламентской фракции «Аграрный союз». Обругав президента, правительство и отдельных министров, аграрные депутаты пообещали с удвоенной энергией выбивать себе новые льготы и деньги. В чем их горячо поддержал Руслан Хасбулатов и сказал, что пора президента отзывать. Видимо, это и есть ключ к очередной стабилизации сельского хозяйства России.

Известный теоретик агропроблем вице-президент Александр Руцкой тоже с полным пониманием отнесся к стенаниям и угрозам нардепов. Напомнил, что выход он давно нашел и изложил его в своей программе реформ на селе, но правительство эту программу злодейски игнорирует.

Как бы там ни было, а пока все программы сводятся к самому существенному: «Вот вам еще триллионы». Тем временем фермеры и прочая сельская мелюзга каждый рубль кредита выбивают в банках с великим трудом. Известное дело — кулаки, оторвались от коллектива. В коллективе-то как хорошо: сблизись во фракцию, взяли за горло и — пожалуйте.

Главное, потом всегда можно хором крикнуть: «Мало дали!» А раз мало, то и спрашивать за зерно или мясо нечего. Стабилизировать надо, стабилизировать!

В.С.

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ЗАКЛЮЧЕННЫМ ДОЛЛАРЫ, ОХРАНЕ — КУКИШ

Канадским заключенным повышают зарплату. Новая тарифная сетка заменит старую, в соответствии с которой эски в далекой стране Кленового листа получали за свой труд до 15 процентов от установленного Оттавой минимального уровня зарплаты. Раньше тем, кто проводит за решеткой далеко не лучшие годы, отстегивали в день по 6 долларов 90 центов. Теперь накинут почти что доллар. Поможьте 7,5 доллара на рабочие дни, переведите по курсу в рубли, и ваш калькулятор зашкалит, перевалив за 100 тысяч рублей. Газета «Стар», сообщившая об этом акте гуманизма, добавила, что служащим федеральных тюрем правительство зарплату заморозило.

ИДЕТ ОХОТА НА ВОЛКОВ

Нехватка горючего ставит на прикол транспорт. Дороговизна боеприпасов нарушает экологический баланс. Экономические тяготы благодатно сказались на волках. Поскольку охота, облавы и засады — дело дорогостоящее, волк, почуяв это, совсем обнаглел. В большинстве районов Поволжья от серых спасу нет. В Костромской области хозяева крупного и мелкого рогатого скота взмолились и призвали к ружью волчатников. Увеличен и гонорар удачливых стрелков. За каждого уложенного волка-самца им теперь причитается 2 тысячи рублей, за волчицу — вдвое больше, за каждого волчонка — по 500 рублей.

КЕНГУРУ? ПЛАТИ ШТРАФ!

В подмосковных электричках стали взимать штраф за неоплаченный провоз багажа. Контролеры-ревизоры зорко высматривают в вагонах «кенгуру» — так зовут на железнодорожном жаргоне тех, кто берет с собой в электричку груза больше чем 36 килограммов, положенных для бесплатного провоза. Мешочки в пригородных поездах — знамение времени. Людьями овладела охота к перемене мест и товаров. Теперь 50 килограммов продуктов или шмоток сверх нормативного веса оплачиваются, а «кенгуру» штрафуются аж на 225 рублей.

ЛИЧНЫМ ПРИМЕРОМ

В Казани состоялся семинар с длинным и многообещающим названием — «Как добиться прибыли и успеха, участвуя в ярмарках и выставках, используя рекламу». Курс лекций бизнесмену прочел прибывший на берега Волги из Великобритании Брайан Монтгомери. Каждому их тех, кто внимал гостю с туманного Альбиона, пришлось заплатить по 40 тысяч рублей. Что ж, за знания надо платить — таковы законы бизнеса. Гость, похоже, усвоил их лучше, чем аборигены, поскольку в полном соответствии с темой семинара привез в Казань собственную выставку живописных работ, сообщает «Постфактум».

Аэлига ЕФИМОВА

МАЛО ДЕНЕГ. И НИЧЕГО — ЖИВЕМ

Корзинка бывает кусачей

КОРЗИНКА-КАРТИНКА

Инфляцию каждый примеряет на себя. Когда осенью прошлого года в вечерних телевизионных новостях нам сообщили, что стоимость потребительской корзины на одного москвичка равна 14 тысячам рублей, народ ахнул. Для большинства «корзинка» оказалась «кусачей». А ученые-специалисты в последовавших комментариях опять упрекнули журналистов за любовь к хлестким цифрам и непроверенным данным. Потребительская корзина была в то время в два раза меньше этой шокирующей цифры. Однако путаницу в головы обывателей внесли не журналисты. Специалисты сами между собой спорят: какую модель корзины брать за эталон для своих макро- и просто экономических расчетов. Научно-исследовательский институт цен, например, не признает рекомендаций коллег из Министерства труда России и считает предложенные министерством нормы потребления слишком углеводистыми, в отличие от белково-витаминных норм Академии медицинских наук. Разумеется, необходимые для «воспроизводства рабочей силы» нормы должны отличаться от пайки заключенного. Но если эта корзина становится недостижимой для большинства, значит, большинство не... воспроизводит?

Размеры минимального потребительского бюджета Институт цен определяет исходя из запросов усредненного мужчины в возрасте 30—59 лет. Мужчина этот пользуется всеми социальными благами и услугами, а также ведет скромную цивилизованную, в отечественном понимании, жизнь. В месяц съедает 4,6 кг мяса (или колбасы и сосисок), выпивает 4,5 литра молока, поглощает 21 яйцо, 9 кг картошки, 5,5 кг белого хлеба и почти столько же фруктов и ягод. Катается на лыжах — приобретает 0,16 штуки в год. Покупает, оказывается, чугунные сковородки (0,111 штуки в год), бидоны для молока (0,1667), гусьтницы (0,0667)... Даже газеты читает: в год — по одному экземпляру «Комсомольской правды» и просто «Правды». Ездит на общественном транспорте (не «зайцем»), платит за квартиру, 25 раз в год смотрит кино и один раз бывает в драмтеатре. Умывается, бреется, стирает, болеет и лечится (12 кусков банного мыла в год, 5 рулонов туалетной бумаги, 3 пачки стирального порошка и один нафтизин). Потребляет в год две пары трусов, два носовых платка и полпижамы. Шикует до такой степени, что носит белье в прачечную — 57 раз в год! Двенадцать раз стрижется в парикмахерской, причем — с филировкой волос ножницами!

Разве можно после этого удивляться, что корзина для одинокого мужчины первой (самой легкой) категории труда стоила в феврале более 19 тысяч рублей. Поясним, к первой категории Министерство труда причисляет — водителей трамваев,

троллейбусов, медсестер, санитарок, работников умственного труда, научных работников. Многие ли учителя и терапевты могут похвастаться 19-тысячной потребительской корзиной? Вопрос, разумеется, риторический...

Поскольку дети — наше будущее, они нуждаются в большем количестве витаминов. Поэтому продуктовая корзина для ребенка 7—8 лет, проживающего в Москве, в феврале оценивалась в одиннадцать с половиной тысяч, минимальный продовольственный набор для дитя повзрослее составил почти 10 тысяч, для пенсионера — свыше восьми тысяч. Лучше не сравнивать эти суммы с минимальной зарплатой, пенсией и пособием на ребенка...

Если продолжается инфляция и растут цены — что происходит с потреблением? В стоимостном выражении потребительская корзина, конечно, тоже растет. Это показано в первой таблице.

С трех с половиной тысяч в начале прошлого лета «корзинка» к нынешней весне раздулась до 22 с половиной тысяч рублей. При нынешней средней зарплате — шестнадцать с половиной тысяч — граница минимального потребительского бюджета доступна очень немногим. Поэтому данную корзину можно, пожалуй, продемонстрировать на выставке достижений народного хозяйства, но отнюдь не использовать в экономическом обиходе.

ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ ЖИВ ЧЕЛОВЕК

Итак, минимальная потребительская корзина определяет черту, бедности и составляет сегодня 22 с лишним тысячи рублей. Ниже черты жи-

СВОДНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА 1992—1993 ГГ.

	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март
1. Стоимость потребительской корзины	3635,51	3711,67	4265,90	5449,59	7840,86	8684,90	11 605,65	14 606,29	19 049,19	22 596,93
В том числе										
2. Стоимость минимального продовольственного набора	1775,61	1833,37	1983,62	2209,47	2888,61	3956,82	5211,07	6972,17	8893,07	10 741,64
3. Стоимость минимального непродовольственного набора	1859,90	1878,30	2282,28	3355,12	4952,25	4728,08	6394,58	7634,12	10 156,12	11 855,29
4. Доля продовольствия в корзине в %	48,84	49,39	46,50	38,43	36,84	45,56	44,90	47,73	46,68	47,54
5. Доля непродовольственных товаров в корзине в %	51,16	50,61	53,50	61,57	63,16	54,44	55,10	52,27	53,32	52,46

вет 90 процентов российского населения. Для этой части россиян существует другой показатель — условно говоря, черта нищеты. Та сумма доходов, которая необходима для элементарного выживания в нынешних условиях. В январе прошлого года Министерство труда установило прожиточный минимум на уровне 550—650 рублей. Теперь он колеблется в диапазоне от 8 до 11 тысяч.

Между прочим, не так просто было рассчитать, а затем опубликовать этот минимум. Институт питания Академии медицинских наук, который традиционно разрабатывает продуктовый набор для минимальной «корзинки», ответственность брать на себя не решился. В 70-х годах Институт питания определял рациональ-

ности» — на основе их разрабатываются все пособия.

Известный американский диетолог Барри Попкин с единомышленником одиночкой из российского Института питания Александром Батуриным определили корзину, которая, наконец, приблизилась к «житейской истине». Мяса в ней на среднестатистического человека приходится меньше 27 кг в год (чуть больше двух кг в месяц), картошки — 124 кг, молока — 122 кг, яиц — 151 штука (13 в месяц). Минимум предметов гигиены — и никакого культурно-оздоровительного баловства.

Конечно, данный минимум — не норма для семейного потребления, не совет — как жить. Это все-таки уровень нищеты. Который, правда, позволяет не умереть с голоду.

квартиру, начинают ездить бесплатно в общественном транспорте, словом, попадают в маргиналы. Для тех людей, которые раньше считали себя полноценными членами общества, такое падение сродни глобальной катастрофе... По данным Госкомстата, в течение 1992 года на одну треть снизилось потребление мяса. Бедные семьи как бы сжались в своих потребностях: расходы их возросли, но есть и пить они стали намного меньше...

Минимальная зарплата, даже новая «первоапрельская» (4,275 тысячи рублей), до прожиточного минимума не дотягивает. Говорят, это привилегия богатых стран — гарантировать всему населению жизнь на уровне выживания. В Бразилии, к примеру, которая, как известно, была сказочной мечтой наше-

ТЕМПЫ РОСТА СРЕДНИХ ЦЕН В Г. МОСКВЕ ПО ГРУППАМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ

№№ п/п	Наименование группы	в процентах к предыдущему месяцу				
		октябрь 92-го	ноябрь 92-го	декабрь 92-го	январь 93-го	февраль 93-го
1	мясные изделия	131,7	123,3	126,0	168,8	128,6
2	молочные изделия	141,5	140,1	133,7	137,8	139,5
3	бакалея	181,5	140,4	124,3	116,6	108,9
4	овощи	124,8	117,7	108,7	107,2	109,6
5	хлеб	186,6	108,4	106,0	99,7	104,2
6	рыба	134,8	137,6	149,0	109,7	123,8
7	яйцо куриное	157,0	112,7	152,6	152,7	100,6

ную норму потребления мяса в год — 90 кг на человека. Потом, в 80-х, когда пищевая промышленность вместе со всем производством пошла на спад, институт снизил норму до 70 кг: начались разговоры о вреде мяса и одновременно пропаганда здорового вегетарианства. Однако «обрезать» кусок мяса почти до самой косточки — это уж слишком. Поэтому Министерству труда пришлось обратиться за помощью в США, где накоплен большой опыт работы с минимальными «кор-

Почти треть населения страны не имеет даже такой корзинки. В семьях с минимальным бюджетом резко возрастает доля расходов на питание. В США, например, считается: если семья тратит на продукты более трети всех денег — она принадлежит к бедному классу. Советская наука посчитала неимущей семью с 50-процентными расходами на еду. Теперь же некоторые семьи тратят на хлеб насущный свыше 80 процентов бюджета. Зачастую эти люди перестают платить за

го Остапа Бендера, 60 процентов населения существует за гранью бедности.

Однако у нас, с нашей привычкой если не одеваться хорошо, то хотя бы есть нормально, долго продолжаться жизнь «за гранью» не может. Более двух-трех лет человек не способен протянуть на старых запасах. Кризис кризисом, инфляция инфляцией, но ведь не хлебом же единым жить человеку...

Наш собеседник —
**Андрей Николаевич
 ИЛЛАРИОНОВ**, первый
 заместитель
 руководителя Рабочего
 центра экономических
 реформ при
 правительстве России.
 Профессиональный
 экономист, закончил
 Ленинградский
 университет, защитил
 кандидатскую
 диссертацию.

МНОГО ДЕНЕГ ИЗ НИЧЕГО

В росте инфляции правительство виновато лишь на треть

— Андрей Николаевич! Подводя итоги 1992 года, экономисты сообщили: инфляция достигла рекордного за последнее время уровня и составила три тысячи процентов. Цифра, конечно, впечатляет, но все-таки требует пояснений. А что было бы, скажем, если б инфляция равнялась пяти тысячам или десяти? Существует ли предел, после которого деньги теряют смысл и правительство их отменяет? Мы далеки от этого момента?

— Прежде чем говорить о последней стадии инфляции — отмене денег, — давайте сначала разберемся, а что означают для рядового гражданина эти три тысячи процентов. Инфляция, данная нам в ощущениях, — это рост цен буквально на глазах. Как по анекдоту — вчера что-то было по три, сегодня — по пять. Тысяч или рублей — не важно. Статистики высчитывают уровень инфляции более точно — раз в неделю фиксируют цены на 70 видов продовольственных товаров, на 28 — промышленных и расценки на 16 видов услуг. Расходы на каждый продукт, товар или услугу занимают определенную долю в общем объеме покупок семьи. Через неделю опять отмечают цены того же самого ассортимента и определяют индекс цен. Он-то и является показателем недельной инфляции.

— А в других странах как определяют инфляцию?

— Методика аналогичная, только там нет нужды вести наблюдение за ценами каждую неделю. Там их фиксируют ежемесячно. Если проанализировать инфляцию с момента начала реформ, то картина получится следующая: январская либерализация цен вызвала «ценовой взрыв», после которого темпы постепенно снижались. Особенно инфляция замедлилась летом, когда она не превышала одного-двух процентов в неделю. В сентябре началась новая инфляционная волна, не затухающая по сей день.

— Насколько достоверны подобные измерения? Ведь в разных городах теперь цены разные, растут тоже не везде одинаково.

— Наблюдатели работают в 132 городах России. Это прежде всего административные центры, крупные промышленные города. Выявлена вполне очевидная, на мой взгляд, закономерность: чем крупнее город, тем быстрее все в нем дорожает.

— Давайте вернемся к инфляционным волнам — мне нравится, что вы так красиво называете вздорожание...

— Первый взлет цен в январе—марте 1992 года связан с либерализацией. Перед этим цены, как известно, сдерживались административно, а разница между ценой спроса и установленной покрывалась дотациями из бюджета. Спрос был таким, что свободная торговля превратилась в распределение. Вспомните — практически все продавалось по талонам, карточкам, приглашениям, спискам... Нереализованный денежный спрос накапливался, и как только цены отпустили, денежная масса вырвалась на рынок. Либерализация привела к четырехкратному увеличению цен. Затем в феврале—марте темпы роста цен снизились. В нашей недавней истории реформ был даже короткий период, когда цены падали. Это случилось в феврале прошлого года. Тогда начала меняться психология потребления и люди прекратили покупать продукты и товары впрок. Мы начали переходить на мировые стандарты потребления, по которым, кстати, жили в конце 60-х.

— Иначе говоря, после первых месяцев либерализации цены должны были замедлить рост?

— Теоретически — да. В нормальной рыночной экономике уровень цен зависит прежде всего от кредитно-денежной политики Центрального банка и финансовой политики правительства. Цены ведь не берутся из

воздуха, и даже производитель-монополист не в состоянии устанавливать бесконечно высокие расценки на свою продукцию. Он может «задирать» их до тех пор, пока на товар есть денежный спрос.

— Но монополисту даже выгоднее произвести товаров поменьше, а продать их подороже. Разве в этом случае рост цен связан с кредитной или еще с какой-нибудь политикой?

— Уменьшить резко выпуск продукции, представьте, тоже накладно и невозможно — надо сокращать рабочие места, производственные площади, изменять структуру поставок...

— ...именно так в промышленности и происходит...

— На самом же деле существует верхняя планка платежеспособности покупателей. В каждый конкретный момент у населения в кошельках или на банковских счетах находится определенное количество денег. Больше этого количества ни люди, ни предприятия не в состоянии истратить. И производитель-монополист вынужден назначать цену, исходя из этих условий, а производители-конкуренты и торговцы, наоборот, вынуждены даже снижать цены, предлагать покупателям возможные скидки и льготы, чтобы, повторяю, при постоянном количестве денег продать побольше товаров. Если же Центральный банк раздает кредиты направо-налево, как бесплатную похлебку, а правительство черпает средства из бюджета на социальные нужды, словно из бездонной бочки, цены растут в точной пропорции с разбухающей денежной массой.

— Итак, экономику накачали кредитами, цены поползли вверх... Это происходило намеренно или из-за непрофессионализма главы Центробанка, членов кабинета?

— Главную роль сыграл Центральный банк, причем взрыв эмиссионной

активности начался еще при Матюхине, хотя, конечно, Геращенко побил все рекорды. Однако и правительство тоже не поскупилось. Под давлением апрельского съезда депутатов, под напором промышленников, аграрников, всевозможных лоббистов правительство открыло бутылку и выпустило джин кредитной эмиссии. А потом, когда ситуация изменилась, у правительства уже не было сил загнать этого джина обратно.

— Почему?

— Это уже из области политико-экономических причин. Экономическое соображение очевидно — дескать, любой ценой (или любыми потребительскими ценами?) надо подержать производство. А политическая причина... Не знаю, как бы поделкатнее ее высказать... Видите ли, Виктор Геращенко очень профессиональный банкир, он прекрасно понимал последствия столь «щедрой» денежной эмиссии. И у меня сложилось впечатление, что ему было не очень уютно с тем правительством, которое возглавлял Е.Гайдар. И поскольку в массовом сознании (включая сознание депутатов со своими претензиями к экс-главе кабинета) политика правительства не отделяется от политики Центробанка, Виктор Владимирович внес свою, весьма изящную лепту в замену главы кабинета. Повторяю — это мое сугубо личное мнение.

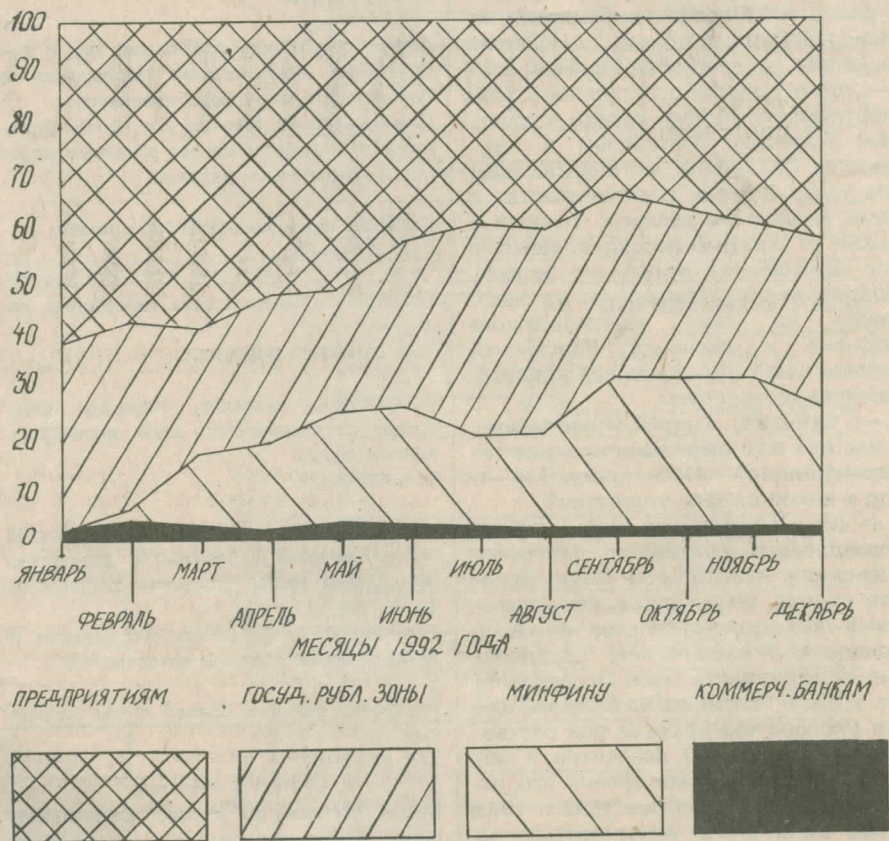
— Если следовать вашей логике, то после ухода Гайдара Центробанк должен был изменить кредитную политику — ужесточить ее, например. Так оно и произошло?

— Кредитная политика действительно начала ужесточаться. Постепенно и аккуратно Геращенко начал зажимать денежную массу. Статистика зафиксировала снижение темпов роста цен, курс рубля по отношению к доллару стал падать не так стремительно. Даже закрыв глаза на все финансовые махинации, происходящие на валютной бирже, стоит отметить ради справедливости — скачки доллара на пятьдесят, сорок пунктов стали редкостью. Другой признак стабилизации потребительского рынка — его насыщенность товарами и продуктами. И тут можно заметить положительные тенденции.

— Итак, источник инфляции в любой стране и в нашей в частности — избыток денег. А их бывает слишком много из-за неразумной кредитной политики. Все это понимают, но ничего поделать не могут?

— И у нас, и во всем мире кредиты выдает одна организация — Центральный банк. Названия, правда, могут быть разные. В США, например — это Федеральная резервная система.

СТРУКТУРА КРЕДИТНЫХ ВЛОЖЕНИЙ

— Но ведь кредиты выдают и частные банки, и любые другие?!

— Они лишь распределяют под определенный процент те деньги, которые вносят их вкладчики. Другой вопрос — куда идут кредиты? Во всем мире (и мы не исключение) львиная доля выделяемых Центробанком кредитов покрывает дефицит государственного бюджета. И эти кредиты, повторяю, являются одной из основных причин инфляции. По размерам дефицита государственного бюджета можно прогнозировать денежную эмиссию и достаточно точно составить прогноз — как будут расти цены в течение года. Второе направление, по которому уходят кредиты из Центробанка, — это рефинансирование под определенный процент коммерческих банков. Те в свою очередь кредитуют своих клиентов. Схема известна и хорошо работает в стабильной экономике.

— Значит, цены примерно на треть растут из-за кредитования дефицита бюджета и в этом виновато правительство. Еще процентов на сорок их рост провоцирует раздача средств в виде кредитов коммерческим банкам. А кто повинен во всем остальном?

— Центральный банк России полагает, что он несет ответственность за

финансовое состояние республик бывшего СССР — государств рублевой зоны и выдает кредиты им тоже. В прошлом году эта ответственность обошлась в полтора триллиона рублей.

— Мы их подарили?

— А как это еще назвать? В принципе, в предоставлении кредитов другим странам нет ничего дурного. США нам тоже дают деньги в долг. Но процедура обставляется огромным количеством условий: под какой процент брать, на что тратить, когда возвращать. Просто так, без процентов никто никому ничего в долг не дает. Исключение, видимо, в мире составляет теперь только Россия, которая дарит огромные «кредиты» практически бесплатно.

— Полтора триллиона — это очень много? С чем можно сравнить?

— Если сравнить с валовым внутренним продуктом страны (все, что произведено за год), то получится, что десятая часть уходит «на подарки».

— Щедрые мы люди, однако.

— Окажись мы чуть прижимистее, сегодня бы цены в России на все товары были на четверть ниже. Сравните — самый высокий процент помощи развивающимся государствам, который могут себе позволить самые развитые страны, равняется максимум (!) одному проценту от валового нацио-

нального продукта. Америка помогает в размере 0,7 процента. Лидируют же скандинавские страны. Норвегия выделяет, в частности, больше всех — где-то около 1,1 процента. Мы жертвуем, повторяю, десять процентов! Вдобавок поставляем в государства СНГ нефть, металл, газ, другие товары, а они расплачиваются с нами нашими же рублями. Товаров и сырья от этого в России становится все меньше, а рублей — больше. Создается впечатление, что мы находимся на пике экономического подъема и являемся богатейшей страной мира. Даже условий кредитования не оговариваем.

— Скажите, Андрей Николаевич, у нас все еще инфляция или уже гиперинфляция? 3000 процентов в год к какой стадии относятся?

— Из учебников мы знаем, что гиперинфляцией называют состояние экономики, при котором шесть месяцев подряд темпы роста цен превышают пятьдесят процентов в месяц. Довольно искусственное определение, но экономисты мира его разделяют. У нас в России на протяжении шести месяцев темпы роста цен составляли около 25—30 процентов в месяц. С бытовой точки зрения это гиперинфляция. На рубеже 1992 и 1993 годов цены стали увеличиваться на десять и более процентов в неделю — то есть ситуация стала соответствовать классическому определению гиперинфляции. Мы пересекли этот рубеж и доказали техническую возможность такого перехода в гиперинфляцию. Затем темпы роста снизились, и мы опять отделились от опасной черты. Но надо признать — мы ведь не первые на планете, попадающие в гиперинфляцию. Десятки стран испытали и продолжают испытывать это явление. В Германии, Австрии цены после первой мировой войны увеличивались на 400 процентов в месяц! После революции в России была гиперинфляция — зарплату получали дважды в день (утром и вечером) и спешили в магазин их истратить, потому что цены к вечеру уже успевали вырасти. Разумеется, никто не работал — была одна забота, как поскорее избавиться от бумажных купюр. Вот тогда деньги отмирают и начинается натуральный обмен — зарплату выплачивают курами, яйцами, телевизорами, вводят карточки... Сегодня мы далеки от такого положения.

— Утешили напоследок.

— Более того, события последних недель свидетельствуют о нарастающей стабилизационных тенденций и внушают некоторую надежду на то, что финансовая стабилизация в России возможна.

Елена ЭРИКСЕН

ПРЕДЛАГАЮ

Фирма «Альбатрос» приглашает лиц с физическими недостатками обращаться в благотворительное бюро знакомств. Пишите: 109443, Москва, а/я 15 «Z». Вкладывайте конверт с вашим обратным адресом и наклеенными марками.

Грузовые перевозки. ЗИЛ-130 с тентом. Тел. 276-04-56.

Избавлю от лишнего веса, гипертонии, аллергии. Тел.: 319-68-72, 909-43-42.

Фольклорный ансамбль «Карагод» предлагает сотрудничество всем заинтересованным лицам. Тел. 438-31-87.

Имеем для реализации мелкооптовые партии женских украшений с финифтью. Предлагаем эмали Дулевской фабрики № 13, 16, 100, 127. Тел. 393-08-58. С 7.00 до 9.00, Михаил. В дневное время работает автоответчик.

Настройка пианино, роялей. Цены умеренные. Тел. 438-31-87.

Курсы росписи по дереву. Окончившим предоставляется работа. Тел. 482-90-66.

ЗП, визы. Тел. 194-19-26.

Кабинет биоэпиляции. Тел. 190-29-71.

Лингфонный курс англ. яз. Срок обучения — 2 месяца. Гарантируется овладение навыками разговорной речи. Тел.: 208-15-54. Звонить с 9.00 до 15.00.

Поможем людям любого возраста в создании семьи. Гарантируем внимательное отношение ко всем обратившимся к нам. Вт., четв. с 16.00 до 19.00
Субб. с 12.00 до 18.00
Тел. 945-65-60, Виктор, Наташа

Соционика для Вас. Тел. 123-25-39.

Выездная фотосъемка произведений искусства. Тел. 264-52-41.

Срочный перевод с/на английский деловой и личной переписки, документации, контрактов, договоров и т. п. При желании возможны оформление и перепечатка. Цены умеренные. Тел. 229-51-97, Александр Борисович, звонить вечером.

Быстрое чтение, тренировка памяти, раз-

витие внимания. Центр, рядом с метро. Тел. 272-09-85, Андрей Георгиевич.

Ваша реклама на световом табло в Центре Москвы — гарантия успеха. Тел. 946-26-70.

ПРОДАЮ

Продаю хинкалин — импортный биостимулятор. Тел. 928-83-40.

Продаются перспективные щенки добермана. Уникальные крови ведущих питомников Западной Европы. Отец — чемпион, Лучший Представитель породы, 2-кратный Победитель, сын чемпиона мира, крови ФРГ. Мать — чемпион Москвы, 3-кратный Лучший Представитель породы, 5-кратная Лучшая сука, 12-кратный Победитель Дорого. Тел. 447-39-38.

Продам, сдам 2-комнатную квартиру. Тел. 465-74-77.

Продаются холодильники «Ока-6-М», пылесосы «Циклон-М» с доставкой на дом. Тел. 254-81-24.

Продам, сдам 1-комнатную квартиру. Тел. 168-67-92.

КУПЛЮ

Куплю, сниму 1-комнатную квартиру. Тел. 215-20-88.

Куплю, сниму хорошую однокомнатную квартиру. Тел. 169-62-41.

Куплю серебряные монеты. Тел. 212-47-81.

МЕНЯЮ

Меняю однокомнатную приватизированную квартиру в Москве (Бабушкинский р-он), комн. 19 кв.м, кухня 8,4 кв.м, с/у совмещенный, прихожая, балкон, паркет, 14-ый этаж 17-этажного дома, и двухкомнатную квартиру в Одессе, 35 кв.м(21+14); кухня 7 кв.м, без ванны, на первом этаже каменного 2-этажного дома в районе Молдаванки. Имеются палисадник и сарай. Нужна двухкомнатная приватизированная квартира в Москве от 35 кв. метров, кухня от 9 кв. метров. Одесса, ул.Индустриальная, 21, кв. 4, Куликова М.В. Москва, тел. 470-56-86.

Просит помощи ради Пасхи Христовой инвалид (сердце, почти слепой). Прошу помочь деньгами, продуктами, очень нужна электробритва. 169417, Коми, г. Ухта, пос. Ярега, ул. Нефтяников, д. 6, кв. 34. Грачев Геннадий Федорович

**Открыта
подписка
на журнал
«Столица»
на 2-е полугодие
1993 года!**

Стоимость подписки, объявленная редакцией: на один месяц — 196 рублей, на три месяца — 588 рублей, на шесть месяцев — 1176 рублей.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку. Так, в Москве стоимость подписки на «Столицу» с учетом местной надбавки составляет: на месяц — 370 рублей, на три месяца — 740 рублей, на шесть месяцев — 1480 рублей.

При попытках взять с подписчиков больше указанной суммы просим обращаться в редакцию.

Телефон: 928-27-69.

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на газету **73746**
на журнал **73746**
«Столица» (индекс издания)

(наименование издания) Количество комплектов:

на 19 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ _____ место _____ лп-тер _____ на газету **73746**
на журнал **73746**
«Столица» (индекс издания)

(наименование издания)

Стан- мость	подписки	_____ руб.	_____ коп.	Количество комплек- тов:
	пере- адресовки	_____ руб.	_____ коп.	

на 19 ____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

По традиции
для подписчиков
«Столицы»
редакция проводит
лотерею.
Главный приз —
поездка в Париж
за счет редакции.

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка на «Столицу» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона.
В № 27 «Столицы» за 1993 год
будет опубликован список победителей.

**ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!**

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати

Вырежьте купон, правильно заполните его, наклейте на открытку или почтовую карточку и вышлите на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании, то есть с 15 марта по 15 мая включительно.

**Уважаемые
московские
читатели
«Столицы»!**

*Если Вы имеете
возможность
приезжать за нашим
журналом в редакцию,
мы подпишем Вас
на второе полугодие
1993 года
по льготной цене:
780 рублей
(на полгода)
или 390 рублей
(на квартал)*

*Подписку можно
оформить в редакции
по адресу:
Петровка, 22
(вход с Рахмановского
переулка),
комната № 410.*

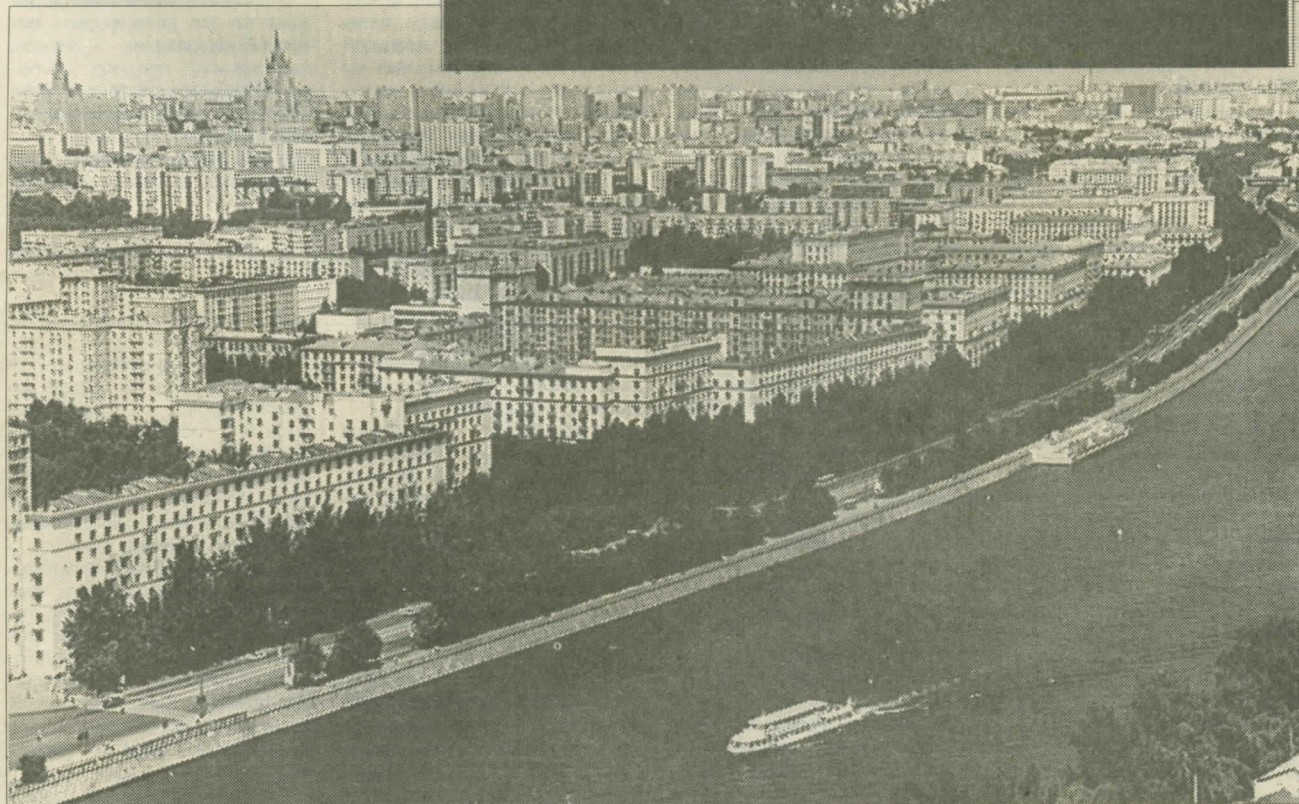
*Справки по телефону:
928-27-69*

ОРГАНИЗАЦИЯ

**ПРОДАЕТ
ЗЕМЕЛЬНЫЕ
УЧАСТКИ**

*по различным
направлениям
до 100 км
от МКАД*

☎ 921-44-91

ОРГАНИЗАЦИЯ

ПОКУПАЕТ И ПРОДАЕТ КВАРТИРЫ

Оплата в любой удобной для Вас форме

☎ 292-56-16

ВЕСНА. НА АРБАТЕ ЗАЗЕЛЕНЕЛИ ДРАКОНЫ

— А ну, лови, лови его!
— Под стол ушел! Кис-кис-кис. Хороший, хороший... Царапается, зверь.

Котенка извлекли из-под стола и начали — в шесть рук — гладить. Мне тоже разрешили. Шерсть у него была шелковистая на ощупь, бежевая с черными пятнышками — как у юного леопарда. Он открывал пасть, показывая хорошие зубы — зубы не домашнего животного. Потом не в меру разыгравшееся существо отправили обратно в клетку, где он сел на декоративную корягу и стал умиляться (совсем как обычный кот) к большой радости посетителей с детьми:

— Как же он у вас называется?

— Это бенгальский котенок.

— А вот у вас бегают такие, с хвостиками...

— Банановые белки. Они из Вьетнама.

— Банановые? Ну, Коленька, давай вернемся, еще посмотрим...

Трудно разместить зоопарк в пяти комнатах обыкновенного московского дома. Трудно, но возможно. Все

здесь миниатюрное, почти игрушечное, как в японском саду. И подбор животных — соответствующий. Тигров, львов, носорогов нет и не предвидится. Животный мир представлен «малыми формами». Кохинхинский дракон — динозавр, только сильно уменьшенный — может поместиться на ладони. В полу устроен причудливой формы бассейн, с корягами, декоративными растениями. Алые длинные рыбы скользят под водой. Варан тащит по песку тяжелый серый хвост, пронзительно кричат попугаи. Из всех развлечений, которые предлагает пьяная, злобная улица под названием Арбат,

— это самое, пожалуй, доступное и безобидное.

— У нас нет возможности покупать животных, — рассказывает Андрей Зубрицкий, двадцатилетний директор заведения, только что ловивший бенгальского котенка, — достать их легко, из-за границы сейчас привозят много, но это нам не по средствам. Поэтому экспозиция постоянно меняется. Часть «экспонатов» берем на время. У нас хорошие связи с людьми, которые разводят всяких экзотических существ. Сидит у него дома лишнее что-то — он нам дает. Но чаще всего приносят животных те, кто хочет их про-

дать. Нас, таким образом, используют как «комиссионку». Посетители, соответственно, могут купить то, что им понравится. Хотя большая часть публики приходит просто посмотреть.

— И сколько билетов продаете за день?

— Около сотни. Значит, приходит человек двести. Потому что почти все с детьми, а детей мы пускаем бесплатно.

— Кто ваши покупатели? Кто сейчас в Москве тратит деньги на обезьян и варанов?

— Иногда — просто любители, которые, чтобы приобрести животное, долго откладывают деньги. Но в основном наши клиенты — богатые люди. Сейчас модно держать дома экзотических зверей.

— И каких же предпочитают?

— Таких... серьезных. Если змея, то это должен быть питон. Если хищник — рысь, пантера.

— Неужели они уютно себя чувствуют, имея в доме пантеру?

— Не знаю. Наверное, в их жизни это не самый большой риск.

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

ДЕТИ — ЦВЕТЫ ЖИЗНИ. К ПРАЗДНИКУ

Страстная, видимо, любовь к прекрасному полу будила дирекцию Госстраха города Тавда Свердловской области к необычному решению: наградить всех женщин города, которые родят ребенка в день восьмого марта текущего года. Родить получилось только у одной. И счастливая мама получила пять тысяч рублей.

Олег ДУЛЕНИН

НАЕМНИК ПОПИСЫВАЕТ, ЧТО БУДЕТ ПОСТРЕЛИВАТЬ

Четверо жителей Челябинска получили анонимные письма. Суть посланий была

такова: неизвестный «доброжелатель» представлялся наемным убийцей и сообщал о том, что ему поступил заказ на уничтожение того, кому он писал. Но тут же сообщал об изменившихся обстоятельствах — мол, долго наблюдал за адресатом, пришел к выводу, что тот — порядочный человек. Далее «доброжелатель» предлагал жертве откупиться, а за это обещал «уладить» вопрос. Попросту говоря, уничтожить самого «заказчика».

Во втором, третьем и четвертом письмах наемник уже ссылаясь на свое благородство, давая понять: я должен убить вас, но не все еще потеряно. Предыдущим жертвам я спас жизнь. Естественно, за вознаграждение. Вознаграждение определялось в триста тысяч рублей.

Судя по всему, «наемник» отправлял письма без определенной системы. Случайно в поле его деятельности попала семья бывшего высоко-

копоставленного партийного работника. Тут-то «доброжелатель» и засыпался...

Задержанный оказался жителем города Невьянска Свердловской области, 1971 года рождения. В Челябинске проживал у дяди. Свои «веселые» послания он объясняет тем, что ему необходимы были деньги для покупки квартиры. Убивать же он, конечно, никого не собирался.

Виктор ЗОЛОТУХИН

§1. НАЧАЛЬНИК ВСЕГДА ПРАВ. §2. ЕСЛИ НАЧАЛЬНИК НЕ ПРАВ, СМ. §1

Напуганная распространением педикулеза (вшей), городская администрация Челябинска постановила: всем

гражданам, проживающим в общежитиях — от детей до пенсионеров, — надлежит пройти обработку через санпропускники походного образца. Фронтвики, впрочем, сетуют: должного эффекта эти допотопные установки не дают.

А в городе Амурске забота властей проявилась по несколько другому поводу, но тоже — с выдумкой. Там решили, что дети будут ездить в автобусах бесплатно, но предложили ребятам обзавестись удостоверениями, подтверждающими их детство.

Впрочем, на второй взгляд это не такая глупость, как на первый, а почти государственное решение: и дети недели две при деле — документы выправляют, у фотоателье и типографии опять же прибыль будет...

Сергей ТЕПЛЯКОВ

ДУША ОБЯЗАНА ПОСТИТЬСЯ

Далеко не все христиане полагают, что временное воздержание от некоторых видов пищи и буйных увеселений — великий духовный подвиг. Конечно, без еды трудно, но пользу разгрузочные дни приносят скорее телу, чем душе. Душе и ее обладателю лучше воздержаться от нецензурных мыслей, слов и всяческих гадостей. А в понимании новоапостольских христиан гадость — все, способное обидеть или ранить окружающих: резкие слова, насмешки, циничные замечания, поклеп, ложь и непримиримые намеки.

Познакомиться с членами новоапостольской общины, недавно основанной в Москве, просто. Достаточно явиться с утра в любое из воскресений в театр «Эрмитаж» — и вы окажетесь на богослужении, представляющем нечто среднее между хорошим концертом и семейными посиделками.

В храмах новоапостольских христиан на Западе сде-

лано все для уюта и комфорта. Обязательны не только мягкие скамьи, но и разделки, туалеты, ваннные комнаты и звукоизолированные помещения для матерей с детьми и (отдельно) для больных — чтобы плач и кашель не мешал общаться с Богом.

В общении с Всевышним новоапостольцы всего мира — а их общины существуют в 178 странах — решили отказаться от посредников. Священники не отличаются одеждой от обычных прихожан и чаще всего не имеют специального образования, а также не получают зарплаты. Поборы в храмах вообще не приняты. Икон, изображений святых и статуй не держат, полагая все это атрибутами язычества. Первыми апостолами этой скромной церкви были англичане и шотландцы, представлявшие интеллектуальную элиту прошлого века, которым роскошь была безразлична.

Новоапостольская церковь — очень мирная, однако учение ее почему-то принималось остальными христианами с откровенной

враждебностью. Например, апостольский евангелист Уильям Уайт, явившийся к императору Николаю II с предложениями о сотрудничестве, был изгнан не только из дворца, но и из России. Неприятие привело к тому, что новоапостольцы отделились и основали самостоятельную ветвь христианства.

На их счету, пожалуй, еще только одна ссора, о которой, впрочем, новоапостольские христиане не жалеют, — с советской властью. До революции в России было восемь крупных общин — их ликвидировали большевики. Теперь деятельность НЦ в России возобновилась. Обязанности первоапостола исполняет швейцарец Рихард Фер. В Швейцарии расположен и высший духовный орган церкви — Международный союз апостолов, который собирается порадовать о том, чтобы новоапостольские богослужения транслировались по системам спутниковой связи в Москву.

Андрей ЗАХАРИН

КАШПИРОВСКИЙ ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ. ИЗ ПОЛИЭТИЛЕНА

Поклонников нужно лелеять. Особенно если они не наши, а зарубежные. На этот случай Анатолий Кашпировский заказал казанской рекламной фирме «Принт-экспресс» при хоккейно-спортивном клубе «Итиль» сто тысяч полиэтиленовых пакетов, которые он планирует дарить своим поклонникам в Польше и США. На днях выпущена опытная партия фирменного изделия. На ней Анатолий Михайлович с плотной сжатыми губами, как всегда в черном, на фоне пылающего огня бурлит своим загадочно-зловещим взглядом. Возможно, психотерапевт желает, чтобы зрители хранили эти пакетики как память, а не использовали по прямому назначению.

Элла РЫЛОВА

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Жить здесь нельзя. Жить здесь вредно. Умереть тоже нельзя. Говорят, большие проблемы с гробами. Но — ВЕСЕЛО существовать тут можно. Главное: ничего не хотеть, ничему плохому не удивляться. Кажется, так учил мудрый Декарт.

К тебе вовремя пришли на встречу — подарок судьбы, не обманул лучший друг — чудеса в решетке, не «облаяли» матом в общественном транспорте — фантастика. А уж если кто-то сдержал слово... Или вернул вовремя долг...

Для радости можно найти и другие причины. Например: приходишь домой после работы и — в ванну. Лежишь, мечтаешь. Что характерно, совершенно бесплатно (а вот, например, в хваленной Америке платишь буквально

Евгений СТЕПАНОВ

ГЛАВНОЕ НИЧЕГО НЕ ХОТЕТЬ

за каждую капельку). Вышел из ванны — можно позвонить какому-нибудь не совсем противному человеку, потрещаться от души. И опять-таки нет грустной необходимости опасливо смотреть на часы — поминутно-то не платишь...

Еще очень приятно просто валяться на диване и ни о чем не думать, удивляясь только тому, что душа еще не на небесах (в аду).

Замечательно, что есть элементарная крыша над головой. А ведь могло бы и не быть. У меня, кстати, случались моменты, когда ночевать было негде. Очень это нехорошие, плохие были моменты.

Еще очень радует, что каморка моя находится не в центре города, а далеко-далеко на окраине. Ведь в Центре, говорят, уже все хорошие дома скупил запад-

ные и отечественные воротилы — жильцов в любой момент могут попросить «подвинуться»... А у меня — почти деревня. Никто не позарится.

Прекрасно и то, что нет денег. Не отнимут.

И вот лежу я на диване, кайфую. Конечно, было бы совсем хорошо, если бы рядом еще кто-то прилег. Но вот, допустим, кто-то приляжет рядом. Светлые волосы разметаются на подушке и все такое... Здорово, конечно. Но теснее. К тому же, как с этими блондинками обращаться? Ну скажу я ей: «Рыбка, киска...» А дальше? Я уже и позабыл...

В общем, все нормально. Главное: не унывать. Все будет хорошо, лишь бы не воспринимать себя всерьез, не обольщаться глупой надеждой, что ты здесь ЖИВЕШЬ...

РОДЫ ПРИ СВЕЧАХ. И ИКОНЕ

Почти каждый день Жанне звонит какая-нибудь беременная и говорит: «Ой, рожаю!» Тогда Жанна бросает на мужа своих четверых детей и едет к ней домой. Но часто оказывается, что никто никого не рождает: просто показалось. На следующий день ложный вызов обычно повторяется... А на третий раз Жанне приходится принимать роды. Жанна — повитуха, и бабушка ее была повитухой, и прабабушка. Кроме того, все женщины в их древнем казацком роду были знахарками и лечили своих посеченных в битвах мужей. А прабабушка вообще была деревенской ясновидящей.

Лет с четырех Жанну, как и всех деревенских девочек, стали приучать к хозяйству. А когда ведешь хозяйство, волей-неволей увидишь, как рождается всякая живность. И что в этом нет ничего страшного. Потом Жанна выросла, закончила педучилище, и муж увез ее в Москву. А поскольку она была уже многодетной мамой, многие будущие мамы стали спрашивать у нее, как и чего делать во время родов. Жанна советовала-советовала, пока не стала принимать роды сама. И с ее помощью появилось на свет уже больше ста младенцев.

— Жанна, а как рожают с повитухой?

— Ну вот мы с помощницей приезжаем, наводим порядок, переодеваемся, достаем икону, свечи, крапим святой водой роженицу и все вокруг, молитвы особые читаем. Начинаем рожать. Кстати, рожать помогает будущий отец. Он играет роль гинекологического кресла или роль упора. Мы его очень рационально используем.

— Он от увиденного в обморок не падает?

— Знаете, когда мужчина при деле, ему некогда раздумывать над тем, что происходит. Главное — не дать ему занять наблюдательную позицию. Впрочем, бывают и слабонервные папы. В обморок они падают, когда все самое тяжелое позади. Падают отцы обычно прямо на меня, пока я обрабатываю роженицу.

— А куда вы девааете плаценту?

— По народной традиции ее надо похоронить на третий день там, где не ходит нога человека.

— И где же она не ходит?

— Под корнями дерева или, если есть дача, — под домом. Плацента считается двойником ребенка и должна быть похоронена как покойник. Мы делаем для нее саван и кладем в него то, что покойнику надо взять с собой — кусок хлеба и яйцо... Так вот, родился ребеночек. Рожаться ему было нелегко, и поэтому мы даем ему отдохнуть. Он отлежится, проплюется, прочихается, прокричится. И мама к тому времени немного успокоится. Кладем ребенка маме на живот, а она ощупывает его тельце,

ручки-ножки, вылизывает и прикладывает его к груди. Мы перевязываем пуповину льняной ниткой с волосами матери — чтобы у нее с ребенком оставалась связь на всю жизнь. Перевязываем обычно на иконе или на Библии. Потом заворачиваем новорожденного в отцовскую рубашку и кладем отдельно. Он после того, как мама его ощупала, обычно сразу засыпает.

— А если нет ни отца, ни отцовской рубашки?

— Тогда заворачиваем в мамскую рубашку. Ребенок должен чувствовать, что он не один... Тем временем выходит плацента. Потом мы осматриваем женщину — есть ли травмы, убираем все, стелим чистое. Кстати, обычно никаких травм нет.

— Как же это получается?

— А вот можно сделать так, чтобы женщина не «порвалась»... Уметь надо... Вот. Первые три дня у младенчика с мамой должен быть полный контакт, и ребенка лучше не пеленать. А потом, до сорокового дня, надо туго пеленать, создавать для ребенка комфортную среду — чтобы он себя чувствовал со всех сторон защищенным. Первые сорок дней вообще — самое опасное время. Дело в том, что рождение ребенка здесь — это чья-то смерть в потустороннем мире (и наоборот). Это возвращается какой-то умерший предок. До сорокового дня ребенок еще считается умершим. Ему надо осознать, что он родился, а родителям — сделать так, чтобы ему на этом свете понравилось. А то он может передумать и уйти...

— Что вы думаете об абортax?

— «Случайных» абортov делается мало. Если женщина идет на аборт — значит, так надо существу, которое она носит в себе. Сейчас объясню. Каждая душа попадает на землю с определенной задачей. У кого-то эта задача большая, у кого-то совсем маленькая. Вот произошло зачатие, возникло существо — и с этого момента начинает осуществляться его задача. И если в его «планы» входило прожить только несколько недель — оно так и делает. Так что не мама принимает решение убить еще не рожденного ребенка, а ребенок подталкивает ее к этому. И очень редко случается наоборот. Их сила несопоставима. Если существо собирается прожить дольше, чем до дня аборта, то произойдет масса случайностей, в результате чего женщина в больницу не попадет и ребенок у нее останется. Ну а если душе во что бы то ни стало надо уйти, то, как ни оберегай беременную, у нее все равно случится выкидыш. Кстати, душа, будущий младенец, сам выбирает себе мать, еще до зачатия.

— Выходит, если женщина бесплодна — значит, душа не хочет «поселиться» в ней?

— Примерно так. Одна женщина не могла родить, так мы с ней долго, очень долго просили Богородицу дать ей душу. Все закончилось хорошо, женщина та родила ребеночка. Причем даже до того, как она забеременела, было понятно, что рядом с ней — душа: у нее лицо изменилось, это было лицо беременной женщины.

— А вы можете по лицу опреде-

Фото В. Христоророва и ИТАР-ТАСС

лить, беременна женщина или нет?

— Могу. У беременных, даже на самых ранних сроках, лица не такие, как у всех. А что вы улыбаетесь?

— Просто представляю, как вы едете в транспорте и думаете: «О! Вот беременная, а вот еще одна...»

— Нет, в транспорте я отключаюсь, там слишком большой поток информации. Может быть, вас что-то удивляет, просто повивальное искусство основано на религиозном представлении об устройстве мира. И настоящая повитуха должна знать, как устроен мир, как приходит и уходит душа, как она растет. Рождение — это смерть в потустороннем мире, а смерть — рождение. Это переход души. И то, насколько благоприятны условия, в которых она переходит, зависит от человека, который присутствует при родах.

— Простите, а это дорогое удовольствие — благоприятные условия для перехода души?

— Это не очень дорогое удовольствие. Мы берем в два раза меньше, чем стоит обычное родовспоможение на дому. Сначала мы с помощницей вообще занимались, так сказать, благотворительностью. Приезжали бесплатно. Но, знаете ли, хочется кушать. И нам, и нашим детям... Да, раньше у повитухи с этим не было проблем: ей всей деревней несли поесть, заботились о ней — ведь от повитухи зависело продолжение рода.

— Расскажите, пожалуйста, про какие-нибудь приметы: что надо делать беременной женщине, чтобы все обошлось хорошо?

— Не буду я про это рассказывать. Беременные — они же, простите, дурные: все поймут буквально. А к каждой примете нужен большой комментарий. Скажу только, что самое верное в этом деле — скрывать, насколько это возможно, беременность. И роды. И чем дольше женщина не будет рассказывать об этом направо и налево — тем лучше. Только три человека не могут повредить беременной тем, что знают о ее положении, — мама, муж и повитуха. Кстати, и беременная не может повредить им. Недаром ведь раньше от беременных старались держаться подальше. Потому что, если уж она пожелает кому-нибудь плохого, скорее всего это сбудется. Так что беременных надо задабривать и делать им только хорошее.

Ну хотя бы уступать место в транспорте.

Елена АВЕРИНА

Эдуард ДОРОЖКИН

БДИ!

На камеры забытых вещей надейся, а сам — не плошай.

Русская народная пословица времен перехода к рынку

Первое чувство, охватывающее потерявшего какой-либо предмет (о чести и достоинстве в наше время говорить не приходится) человека, — неизменно отчаяние. Человек, даже если вещичка была из числа мельчайших, ничтожнейших, готов рвать волосы на себе и на своих ближних. Потеря — уже трагедия, удар. Между тем не стоит терять надежды. Ибо прославленные «застойными» бытописаниями камеры забытых вещей, несмотря на все общественные пертурбации, все еще существуют. Так что, подавив вполне законное небрежение, отбросив на время вредную ассоциацию с другим словосочетанием — «камера предварительного заключения», можно пройтись туда, теща себя какой-никакой, а все-таки надеждой. «Ищите и обрящете» — как говорит Евангелие. Нужно только чуть-чуть везения. И еще — твердо знать «особые приметы» потерянной вещи.

Впрочем, если речь идет о такси — оставь надежду всяк туда садящийся. Камера забытых вещей при таксомоторных парках столицы упразднена: то ли за ненужностью, то ли из-за

начальственной вредности. Для большей части граждан потеря эта, однако, едва ли ощутима. Мы все больше на общественном транспорте передвигаемся, что называется, «без затей». И тут — не эта ли мысль должна быть утешением? — оказываемся в более привилегированном положении, чем несчастные пассажиры такси, богатые, но бесправные.

Склад забытых в вагонах Московского ордена Ленина метрополитена вещей находится на станции «Университет» бывшей Кировско-Фрунзенской ли-

нии. На втором этаже (ведет туда, естественно, донельзя обшарпанная лестница) — обитая жестью дверь с кнопкой звонка — «Вызов кладовщицы». Клад, значит, пришли получать. Камера существует уже много-много лет и, по словам бывавших там во времена оны людей, внешне не слишком за последние годы изменилась.

Внутри же, на бесчисленных стеллажах, произошли серьезные и — главное — наглядные изменения, вполне отразившие мораль конструируемой в России «рыночной экономики». В

результате активного внедрения в умы людей буржуазных постулатов количество поступающих в камеру вещей уменьшилось на порядок. Или вот частная закономерность: как только цена на кожаные изделия, с позволения сказать, «взлетела», забываемые во множестве москвичами и гостями столицы перчатки и кошельки вообще перестали доходить до нежных рук кладовщиц. Люди быстренько припомнили поговорку: «Что с воза упало, то пропало» — и либо активно занялись присвоением найденного,

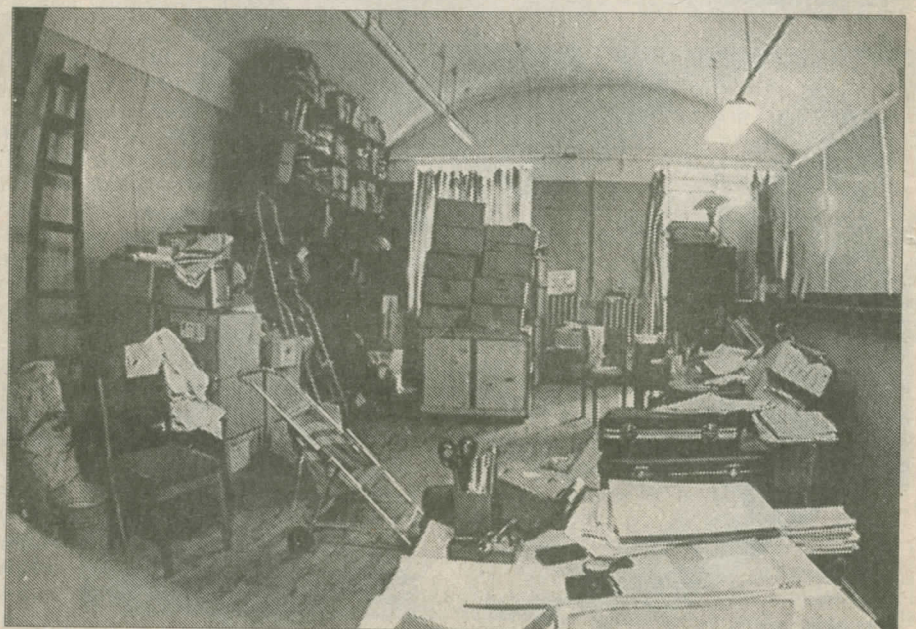

Фото Э. Кудрявицкого

либо — что менее вероятно — стали внимательнее следить за собственными мелкими предметами.

Характерно и другое: чем быстрее поднимается курс доллара, тем меньше граждан обращается сюда с просьбой отыскать утерянный кошелек с рублями. А насчет «зеленых» и вовсе нет смысла беспокоиться: случая, чтобы кто-нибудь «сдал» в камеру валюту, кладовщицы что-то не припомнят. В целом же под родной кров возвращается только двадцать пять—тридцать процентов поступающих в камеру вещей. То ли не знает народ о ее существовании, то ли проезжий это народ, то ли — отчаявшийся.

Срок хранения вещей ограничен, но весьма и весьма по-божески — до трех месяцев. По истечении этого срока вещь оценивается и передается в комиссионку. Иной расклад — с продуктами. Мойву пряного посола или хека свежемороженого списывают вчистую при первых же признаках загнивания.

Один день хранения вещи в камере обойдется получившему ее обратно счастливчику в... два рубля. Так что начальство под земки содержит это заведение исключительно из чувства сострадания к пассажирам. А еще говорят: метро у нас плохое!

Основную часть забытых вещей по-прежнему составляют кейсы «дипломат». Ими забиты сразу несколько полок. На втором месте — чемоданы, полные и кем-то опорожненные («оприходованные», по выражению заведующей складом Светланы Петровны Потаповой). Часто обнаруживаются под сиденьями вагонов шарфы, носовые платки, легкие шапочки с надписью «Спорт», отчего-то много игрушечного оружия. Но даже эти безделки кому попало не отдадут. Тут тоже требуется знать «особые приметы».

Для честных людей сообщают: найденную в метро вещь следует сдавать дежурному по станции. В присутствии милиционера оформляется акт и находка подвергается тщательному осмотру на предмет наличия взрывчатых и огнеопас-

ных веществ. Если таковых не обнаруживается, предмет отправляют на станцию метро «Университет».

Центральный склад забытых вещей на городском транспорте г.Москвы находится в какой-то совершенно дикой подворотне на Никольской улице, позади магазина «Тик-так». И если штатное расписание метрополитеновского хранилища предусматривает целых три единицы, то автобусно-троллейбусно-трамвайное вполне обходится и одной. Елена Владимировна Бобровицкая — и приемщица, и кладовщица, и заведующая в одном лице. Ее кладовая на фоне «университетской» выглядит еще более угрюмо. Если бы не обернутые в простыню стереофонические колонки, забытые где-то незадачливым меломаном, то взгляд бы вообще ничто не радовало.

Но и тут выясняется забавная штука. По праздникам, когда все мы обильно пьем и с каждым годом все хуже и хуже закусьваем, количество брошенных на произвол судьбы вещей вырастает в несколько раз. Никак не научится пассажир «отмечать» культурно!

По словам Елены Владимировны, в наземном транспорте больше оставляют вещей как бы «повседневного спроса», чаще всего дневной «улов» приносит как раз те самые авоськи с мойвой и хеком. На хранение в Центральный склад такие находки не передаются, а доставляются на конечную станцию маршрута. Так что в случае значительной «продуктовой» потери следует обращаться именно туда.

Часто оставляют в транспорте и книги. Литературные вкусы пассажиров видны как на ладони. Вот Пикуль, вот Хейли, вот Чейз, вот Хаггард, а вот и увесистый том «Цех фантастов». Лишь один «яйцеголовый» нашелся — «посел» девятый том из собрания сочинений О. де Бальзака.

Так что не следует забывать где попало ни бриллиантовые кольца, ни записные книжки. Лучше всего — следовать завету Козьмы Прутков: «Бди!».

НТК «АСУ-ИМПУЛЬС»

представляет

серию отраслевых справочников—1993

ЕЖЕГОДНОЕ ПОДПИСНОЕ ИЗДАНИЕ

для руководителей предприятий, отделов снабжения, сбыта, маркетинга, специалистов различных отраслей промышленности.

Содержит название предприятия, адрес, Ф.И.О. руководителя, телефон, телетайп, телекс, телефакс, перечень выпускаемой продукции и др.

№ тома	Наименование отрасли	Дата выхода (1993 год)
1	Электротехническая промышленность и приборостроение	Вышли из печати
2	Электронная промышленность	
3	Радиопромышленность и промышленность средств связи	
4	Черная и цветная металлургия	
5	Химическая и нефтеперерабатывающая промышленность	
6	Лесная, целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая промышленность	Апрель
7	Промышленность строительных материалов	Апрель
8	Станкостроительная и инструментальная промышленность	Май
9	Автомобильное и сельскохозяйственное машиностроение	Июнь
10	Тяжелое, энергетическое и транспортное машиностроение	Июль
11	Легкая промышленность	
12	Пищевая промышленность	Сентябрь
13	Медицинская промышленность	Октябрь

УСЛОВИЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ

Подписка на серию отраслевых справочников 1993 года принимается до 30 сентября 1993 года.

Для оформления подписки необходимо перечислить 2125 рублей за каждый том справочника на счет НТК «АСУ-Импульс»: р/с 2461910 в Тушинском филиале МИБ г. Москвы, МФО 201348, к/с № 09317135 РКЦ ГУ ЦБ РФ, МФО 201791. Затем отправить квитанцию почтового перевода или копию платежного поручения вместе с заполненной заявкой по адресу: 101425, Москва, ГСП, К-51, ул. Петровка, 22/2, «Столица» — «Импульс».

Каждый подписчик сразу получит уже изданные книги, остальные книги будут высылаться подписчикам по мере издания.

Дополнительную информацию об условиях оформления подписки можно получить по телефону 292-47-08.

ЗАЯВКА

линия отреза

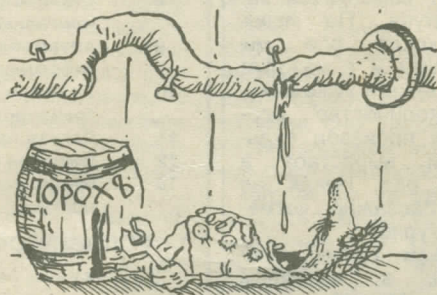
Куда _____							
Кому _____							
№ тома	1	2	3	4	5	6	7
Кол-во экзempl.							
№ тома	8	9	10	11	12	13	
Кол-во экзempl.							

Андрей ПАВЛОВ

ОБОРОННЫЙ ДЕКАМЕРОН

Этот орешек я раскалывал долго. Мой приятель, ранее работавший на ниве оборонной промышленности, а затем угодивший в спичрайтеры (то есть в составители докладов) к первому секретарю одного из среднероссийских партийных обкомов и с той поры страдавший профессиональной болезнью политиков — недержанием речи, прожужжал мне все уши историями о том, как жила и трудилась во время оно наша героическая «оборонка». Однако, когда я сообщил, что весь его треп записан и скоро появится в печати, экс-спичрайтер, слегка изменившись в лице, начал искать, чем бы в меня швырнуть поувесистее. Но все же дело было сделано, о чем свидетельствуют нижеследующие заметки. Чтобы у каких-нибудь органов не появилось искушения отработать на мне и моем словоохотливом собеседнике свой хлеб с маслом, заранее рапортую: все, что можно было изменить, изменено, все, что нельзя было знать, давно всем известно, а что не известно никому, того вы здесь и не найдете.

**БАСЕНКА ПРО ПЯТЬ МИНУТ,
или
БАЛЛАДА О ВЫПАВШЕМ ИЗ
ОЧЕРЕДИ**

Спирт в нашем производстве — дело святое во всех смыслах. Всякая смена начиналась так. Мужики выстраивались в очередь к старшему мастеру: «Александр Сергеич (а он — пацан, только что после института), нам бы на протирочку грамм по тридцать...» Он: «Потом, потом!» Они: «Ну как то есть «потом»? У нас это, трясун... Мы смену начать не можем!» К концу дня кто-нибудь из рабочих обязательно падал, «допротиравшись».

Однажды я поехал в командировку на наш завод-поставщик в город К. Более пьяного населенного пункта я в жизни не видел. Городишко мелкий, три завода, два из них — на спирту. Тот, куда меня направили, выпускал начинку для наших «изделий». Официально это называлось — предприятие по выпуску пластмасс, а так — взрывчатка, порох. Завод строили немцы еще при царе, в 1913 году. И технология до сих пор та же, дореволюционная: мешалку в зубы, и — вперед. Первое, что меня поразило на том заводе, — лошадь. Да-да, самая

обычная лошадь — бежит себе трусцой, тележку везет по рельсам, копыта тряпкой обмотаны, чтобы искры, не приведи Господь, не случилось.

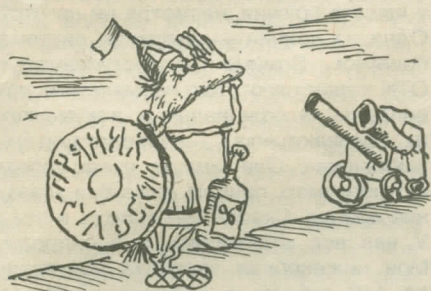
И вот прихожу я как-то вечером в один из цехов, и ребята со смены меня за стол приглашают. В числе прочего приносят трехлитровый чайник. Думал — чай, оказалось — спирт, 96-процентный ректификат. Спрашиваю: откуда? Говорят, пойдём покажем. Так я впервые в жизни увидел спиртопровод. Здоровая такая труба — сантиметров сорок в диаметре — тянется на высоких столбах от железной дороги, куда подвозят цистерны, в один из цехов. На открытой местности на тот спирт никто не покушается, естественно, а вот в цеху... Заходим внутрь, там труба проходит уже на уровне пояса. Но ограждена решетками. Но не везде. Мужики дожидаются, пока мастер уходит чай пить, говорят: «Вперед!» Подбегаем к одному такому месту, где нет ограждения. Гляжу, труба какими-то непонятными яркими пятнышками усеяна. Витек отдает мне флягу, достает из кармана кернер, приставляет его к трубе, а потом изо всех сил лупит по нему молотком. Спирт — фонтаном. Я, естественно, сразу подставляю флягу. Наполнили — Витек лезет в другой карман и достает оттуда пригоршню алюминиевых заклепок. Выбирает одну потолще, пара ударов — и на трубе остается еще одно блестящее пятнышко. А за нами уже очередь. Всем охота трубу подоить.

На этом заводе я в первый раз увидел, как спирт действует на человека. Там до проходной от цехов далеко идти, километра полтора-два. И вот я как-то обратил внимание, что некоторые после смены к выходу бегут, и очень быстро. Спрашиваю мужиков, какой в этом смысл. Погоди, отвечают, сейчас сам все увидишь. Подходим к проходной, выстраиваемся в очередь. Вдруг один впереди зашатался-зашатался... ой! и выпал. «Не рассчитал», — говорят мужики. Охранники к этому эпизоду философски так, без удивления отнеслись: подошли, за руки за ноги бедолагу взяли и отволокли в каморку. Потом, уже за воротами, мне всю эту систему объяснили. Чистый спирт первым делом действует на мозжечок. То есть голова все соображает, а ноги отнимаются напрочь ровно через пять минут после приема дозы. В четыре, после смены, надо быть на проходной — с режимом там строго. Без пяти народ убирает верстак, открывает ящичек, где у каждого стоит «маленьковский» стопарик со спиртом, быстренько выпивает и бегом на выход. Не успел — извини. А если в норматив уложился, праздник

— твой. Там за проходной стоит несколько скамеек, где можно в спокойной обстановке прочувствовать выпитое.

Потом, когда вырезатель местный перевели на самофинансирование, туда постоянно машина за клиентами приезжала. Но забирали только тех, кто со скамейки свалился, а тех, кто был еще способен сидеть, не трогали.

ЕСЛИ БРАК НЕ СДАЕТСЯ, ЕГО ОТСТРЕЛИВАЮТ, ИЛИ КАКАЯ РЫБА КЛЮЕТ НА ТУЛЬСКИЙ ПРЯНИК

На том заводе испытывали только отдельные компоненты наших «изделий», а целиком их отстреливали на всесоюзном полигоне в одной из губерний средней полосы России. В конце каждого месяца отбирали двадцать штук, грузили на спецтранспорт, сажали туда тетку с наганом и гнали к месту назначения. Я как инженер-испытатель ездил отдельно, на поезде...

Тут надо учитывать, что до пятого числа текущего месяца у нас вообще никто не работал — отдыхали после очередного аврала. И нужное количество изделий, из которых отбиралась контрольная партия, наструживали только числу к двадцать второму. А двадцать восьмого я должен — кровь из носа — с того полигона доложить об успешном завершении испытаний. Иначе зарплата всему заводу — под угрозой.

И вот беру я с собой пятилитровую канистру спирта, покупаю пять здоровенных тульских пряников (мне их потом деньгами гасили — система отрабатанная), и — вперед. Приезжаю, устраиваюсь в гостиницу с помощью пряника, чтобы номер дали потеплей, и на полигон. А там уже очередь километровая, народ со всего Союза съехался. Цикл испытательный муторный и длиннющий: сначала эти железки в термокамере выдерживают около суток, потом — трясут на вибростенде, и только после этого можно их

отстреливать. Времени на все про все — с гулькин нос. А камеры уже забыты, передо мной четыре завода.

Я разливаю свою канистру по бутылкам, бегу к начальнику термоцеха и начинаю ныть на тему нехватки времени. Он: «Ну вот, опять эти раздолбаи из города-героя явились...» Я ставлю на стол пузырь. Он смягчается и начинает бормотать, что мест-то вроде и нет. Тогда я как последний козырь выкладываю на стол пряник. Это его окончательно добивает и на следующий день я уже вне всякой очереди волоку свои болванки — все вручную, а вес каждой 45 килограммов — в термоцех. Загружаю и бегу на вибростенд. Начальник, естественно, заламывает руки как умирающий лебедь: «Ни-ни-ни... Ни под каким соусом! Вон, глянь, какая очередь». Тогда я дожидаюсь, пока все шишки из цеха уйдут, и за бутылку спирта обо всем договариваюсь с рабочими. На следующий день они скидывают все хозяйство других военных заводов и загружают партию моих изделий.

Наконец, все пройдено, надо снаряжать для стрельб, потому что морозили и трясли эти болванки с весовыми имитаторами вместо взрывчатки. Иду в соответствующий цех, последнюю дозу спирта скармливаю начальнику, два пряника — женщинам, которые операции производить будут. Все! (Дальше идут стрельбы, но о них у меня голова не болит, потому что там давать никому не надо.) Можно идти пиво пить, в бильярд играть.

Стрельбы вел дядя Саша — местная знаменитость. Он раньше был простым пастухом, а когда пастбище заняли под полигон, пошел туда работать. У дяди Саши были именные часы от самого Родиона Яковлевича Малиновского. Как он их заработал? На том полигоне испытывалась система «Конкурс». Присутствовал Малиновский. По полю ездили радиоуправляемые Т-34, и дядя Саша по ним стрелял. Все цели он поразил с первого выстрела. Его похвалили, и тут у дяди Саши пошел выпендрей. Говорит: «Поставьте в трех километрах малиновский прут, я его собую». Малиновский, конечно: «Ну, это ерунда». Дядя Саша уперся на своем. Ладно: кто-то съездил, поставил железяку; она на таком расстоянии и не видна была, дядя Саша выстрелил, сбил. Ну, не самым снарядам, наверное, а взрывной волной, но на таком расстоянии и это — подвиг. Общий восторг, и Малиновский дарит ему эти самые часы.

Обычно на стрельбах у нас все проходило нормально. Но один раз на пятом выстреле снаряд пошел резко вверх, потом — вниз, упал и взорвался. Испытания прекращаются, бежим

выкапывать его. Надо срочно составить первичное заключение: В этом главное — все свалить на соседа: наши железки не виноваты, товарищ генерал, испытания сорвались по вине либо системы управления (не мы ее производим), либо маршевых двигателей (опять-таки мы ни при чем). Я чувствую, что здесь электроника сплеховала, но сказать ничего не могу — опыта не хватает, недавно из института. А накануне с нашего завода военпред приехал, майор. Я его толкаю — мол, отбrehиваться надо. А он ни бе ни ме: мало того что весь спирт оставшийся высосал, так вдобавок еще где-то себе девку молодую подцепил и всю ночь в атаку на нее ходил. Глядит на меня глазками своими поросячьими и что-то невразумительное хрюкает. Спасибо назавтра подъехал наш замглавного конструктора, элегантно послал всех на три буквы и столь же элегантно доказал, что наш завод ни при чем. Обошлось...

На тот полигон однажды студентов привезли из «бауманки» понаблюдать за запуском ракеты — толстенькой дуры такой, метра три ростом, на парадах их всегда в числе первых провозили. Так вот: теплынь, все из наблюдательного бункера повысыпали на свежий воздух. Ракета за километр, как карандаш, — ничего страшного. Преподаватель безуспешно пытается засунуть всех в укрытие, его упорно игнорируют. Дают команду: «Пуск!» И тут ракета, вместо того чтобы, как ей и положено, сорваться с места и улететь, приподнимается над землей и начинает «танцевать». То есть в любое мгновение она может двинуть куда угодно. Преподаватель поворачивается, чтобы скомандовать: «Спасайся кто может!» — и видит, что все двадцать четыре студента забились в бункер вместимостью восемь человек, только задницы торчат. Так хорошо утробовались, что места не осталось ни сантиметра. И вот «танцует» на старте ракета — танцует вокруг дверей преподаватель, ему тоже жить хочется. В этот момент ракета все же заимела совесть и улетела. После того случая студентов по всему Союзу пускали на испытания не серьезнее, чем минометные, да и то с великими предосторожностями. Поэтому что, к сожалению, без жертв не обходилось.

На том же всесоюзном полигоне был еще случай — ракета упала на шоссе Москва—Горький. Отстреливали новые сверхзвуковые образцы, у одной из них сработал кувырок, ракета стабилизировалась и полетела назад. Приземлилась прямо на трассу. Никого не задела, а только напугала. Сам подумай: крутится на доро-

ге страшенького вида штуковина (опытные образцы очень ярко раскрашивали) и шипит, как Горыныч. Все боятся проезжать, два «хвоста» огромных выстроились. Потом кто-то догадался позвонить на полигон. Примчались ребята, счастливые такие: «О! Наше!» Конечно, скандал был страшный и полигон сразу перенесли на несколько километров дальше от дороги.

МЫ ВЫПУСКАЕМ СЕНОКОСИЛКИ С ВЕРТИКАЛЬНЫМ ВЗЛЕТОМ, или БЕСЕДЫ О ВЫСОКОЙ ЛЮБВИ

Секретность, секретность... Дело не лишнее, но доходило до бреда. В институте тетради по спецпредметам мы не имели права уносить с собой, сдавали по описи на хранение. То же — с учебниками, в которых зачастую были сведения столетней давности, вроде рецептов китайского пороха. В то же самое время я приезжал в Москву и на книжных развалах покупал переводные американские книжки, в которых находил все самые свежие технические данные зарубежной военной техники, аналогичной нашим.

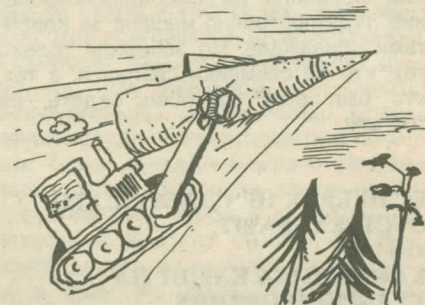
А охрана завода? У нас ее постоянно ужесточали после каждой кражи оружия. Даже река, протекавшая через заводскую территорию, была перегороджена в нескольких местах, чтобы ящики не сплавляли под водой. И все равно бывали такие случаи: не увидишь — не поверишь. Однажды из городской тюрьмы сбежал мужик. Началась классическая погоня: он бежит впереди, а сзади, метров на триста поотстав, его нагоняют двое с наганами. Завод же у нас расположен на острове, река его с двух сторон огибает. Беглец ломанулся через брод, проскочил будку охранника (у того отвисла челюсть) и вбежал на территорию завода. Милиционеры, естественно, за ним. Подбегают к будке. Дедуля к тому времени возвращает челюсть в исходную позицию, встает в проходе с берданкой наперевес и громким дискантом требует

пропуск. Короче, там чуть до перестрелки не дошло, но в конце концов менты деда уломали. А тот резвунчик, пока шел перебрех на проходной, добежал до нашего цеха, самого секретного, кстати, и — внутрь. У нас там проходная мощная, пропуска навороченные, с тремя видами значков. Он с разгону все это дело проскакивает, пока вахтеры клювом щелкают, забегает в грузовой лифт и уезжает незнамо куда. Милиционеры попытались было сунуться и через эту проходную, но здесь вахтеры уже стояли насмерть. Дело сделано — преступник убежал. А здание, где он спрятался, в километр длиной и в двенадцать этажей. Там несколько тысяч работающих, причем пашут круглосуточно, в три смены. Короче, двое суток его ловили. По заводскому радио постоянно передавали: «Товарищи, не ходите поодиночке! Преступник...» и т.д. Тяжелое было время, особенно для тех, кто на крыше любовью занимался...

Какой любовью? Обычной, от которой дети рождаются. Захожу как-то в соседний цех к знакомому мастеру с благой целью — раздобыть спирту. Июль, жара... К тому же начало месяца — делать нечего. Прохожу мимо одного рабочего места, а там в скучающей позе сидит девица в полурастегнутом халатике, и под ним ничего нет. То есть абсолютно. И все это мне, потрясенному молодому специалисту представляется для обозрения сверху, как космонавту — Земля. Я, естественно, делаю глубокий вдох и спотыкаюсь, но до кабинета мастера дойти успеваю. Почти сразу вслед за мной летает парень, сидевший напротив этой подруги, и сразу — к Пашке: «Павел Васильевич, скажите напарнице, пусть она колени свои уберет. Я все же какой-никакой, а мужик. У нее сегодня — период активности, а мне паять надо». Пашка сдуру и пошел. Парламентарий. Вернулся красный, как рак. Она ему сказала: «Хочешь — давай, не хочешь — пошел на...» В чем-то справедливое замечание, надо сказать. Пашка меня потом сводил на экскурсию на крышу. За одну трубу зашли... извиняюсь, сношаются, за другую — то же самое. А что еще делать в хорошую погоду в начале месяца? Народ поинтеллигентней, конечно, красные уголки отwertкой вскрывает и там на диванчиках устраивается, ну а те, кто попроще, на свежий воздух тянутся. Крыша большая, места всем хватает.

...А мужика этого, беглеца, отловили на третий день в одной из раздевалок. Он в шкафчик забился и дрожал.

НА ЧЕСТНОМ СЛОВЕ И АНКЕРНОМ БОЛТЕ, или «СНАРЯД НА ЛЕТУ ОСТАНОВИТ...»

Почему такая высокая надежность у нашего оружия, несмотря ни на что? Одна из причин — зверская система приемки. Помимо многоступенчатых ОТК существуют так называемые военпреды. В официальных документах их называют «п.з.» — «представитель заказчика». Они имеют право абсолютного вето, причем даже без указания причин. Сказал «не приму», и все... У нас все стремились в военпреды. Моя инженерная зарплата составляла 140 рублей, а рядовой военпред получал 200. По большей части были они тупые-тупые и ни хрена не делали. Хотя тупых у нас везде хватает...

Как-то приходит на завод с одной из частей, где опытная партия наших изделий испытывалась, телеграмма: отказали все двадцать штук. А надежность их — 99 процентов с небольшим, поэтому отказ всей партии — это даже не ЧП, а вообще черт знает что такое. Поехали в часть три сведущих специалиста. Приехали, «прозвонили» оставшиеся ракеты — все в порядке. Попробовали запустить — летят. Потребовали привести того, кто руководил неудачными запусками. Пришел старлей. Подвесили ракету. А она сама находится в чехле наподобие тех, в которых чертежи таскают. Спереди — крышка с пироболтом. Цепляешь ракету, нажимаешь на кнопку, хлопок, крышка отстреливается, и ракета вылетает. А этот деятьель подошел, увидел болт: «О! Крышка закрыта!» — и открыл его. Естественно, цепь разомкнулась. Жми не жми — ничего не полетит. Спрашивают, на кой он это сделал. «А я думал, как она полетит, если сама в чехле...» Наши спецы с полчаса валялись в припадке — ржали и бились, точно Боратынский, которому Пушкин читал свои «Повести Белкина», потом поднялись, отряхнулись и сказали: «Слушай, Вася... Кто тебе вообще внушил, что в армии думать надо? В инструкции написано «жми кнопку»? Так какого ж ты...» И хорошо, что

все обошлось, а то ведь этот комик в погонах пироболты обычным гаечным ключом откручивал. Если б хоть один болт сдетонировал, быть ему без пальцев.

Есть анекдот почти на ту же тему: министерство обороны одной из африканских стран присылает телеграмму в Советский Союз: «Ваши гранаты отрывают яйца нашим солдатам». Приехала советская комиссия, идут в часть. Африканский прапорщик зачитывает инструкцию: «Дернуть за кольцо и считать до десяти...» Потом орет: «Рядовой Маугли!» Выходит солдат и начинает показ для господ советских офицеров. Выдергивает кольцо и считает, загибая пальцы: «Один, два, три, четыре, пять...» Зажимает мешающую гранату между ног и заканчивает подсчет на другой руке: «Шесть, семь, восемь, девять, де...» Так что нет предела возможностям человека.

Бывают, конечно, аварии и просто из-за чистого разгильдяйства. Легендарный случай произошел где-то в конце шестидесятых. На одном из полигонов запускали ракету. Подняли ее по направляющей, отцентровали. А она на поворотном столе держалась с помощью толстых анкерных болтов. И вот офицер, ответственный за пуск, не уследил, что один болт остался неоткрученным. Дали команду, эта машина зашумела, приподнялась, да и начала таскать за собой многотонный «трактор», с которого ее пускали, а через десяток секунд упала, расплескав горючее, и загорелась. Боевой части у нее не было, все остались живы. Хотя погон тогда полетело немало. Но ведь что интересно — болт выдержал!

На том и закончу обзор воспоминаний моего приятеля. Сегодня он работает простым журналистом в провинциальной газете и весь свой талант спичрайтера бросил на разоблачение местной мафии. Но про годы, проведенные на оборонном поприще, так и не писал ни разу. Не знаю почему. Рядом с его домом стоит большой сарай, в котором, как подспорье скромному бюджету, держат он свиной — десяток розовых бочонков, лопухих и визгливых. Чистоту их подстилок и наличие комбикорма в кормушках контролирует лазерная система наведения с боевой советской ракеты четвертого поколения. Сам он малопоющий, но для дорогого гостя всегда рад сбегать в подвал, нацедить из когда-то принадлежавшего стратегическому бомбардировщику авиабака самолону тройной очистки. Портативный аппарат для приготовления питья — его гордость — почти целиком изготовлен из кишок советского аналога зенитной ракеты «Стингер». Мой приятель доволен жизнью.

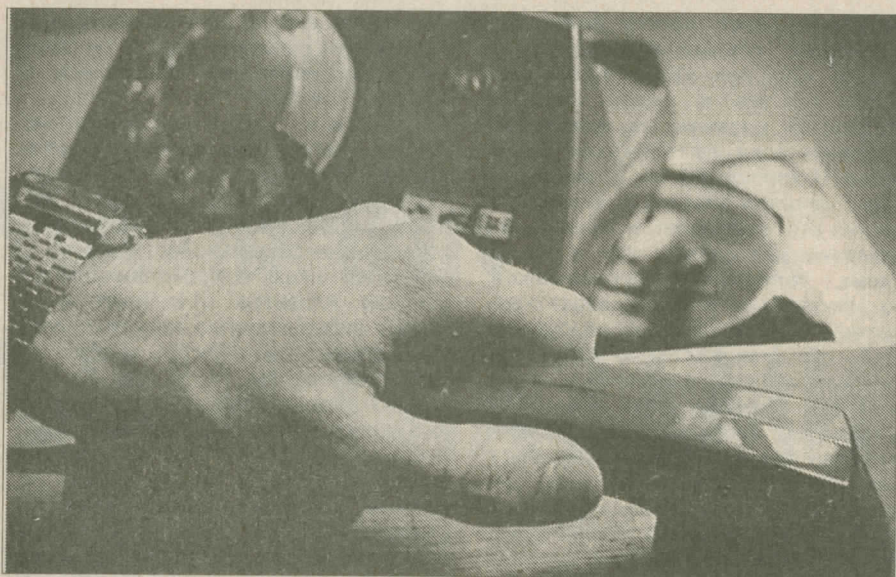

Фото Э. Кудрявицкого

Ксения КЛИМОВА

Не звони мне... не звони!

— Чтоб ты пропал, — с тоской думаю, глядя на черненький свой домашний телефон, — чтоб ты провалился. То есть не аппарат, конечно, который больших денег стоит. А только его номер вкупе с приписанным к нему адресом и маркировкой в виде неброской моей фамилии. Лежало все это тихо себе, лежало, никому, кроме компетентных органов, ненужное, хранилось в электронных глубинах Московской городской телефонной сети и вдруг — на тебе! Может быть продано. Или уже продано? Об этом мне, часть личной жизни которой стала товаром, неведомо. Однако ясно же сказали: преступники в нашу службу не обращаются. И точка. И — ша! А то еще что-нибудь загоним.

Газетчиками подсчитано: президент или там, Верховный Совет нарушают Конституцию в среднем по разу в неделю. У справочно-информационного узла Московской телефонной сети запросы скромнее: нарушить разок и с этого жить долго. И всего-то тронуть статью 40 Основного закона, в которой твердо сказано: «Каждый имеет право на неприкосновенность его частной жизни...» А «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается...». Правда, не уточнила Конституция, является ли номер телефона и адрес частью информации о личной жизни. Этой неточностью и воспользовался радостно телефонный узел.

На справочно-информационный узел — он мечтает называть себя

Центром — грех катить бочку беспочвенных обвинений. Достаточно набрать «09» или «100», чтобы убедиться: не все в нашем царстве-государстве развалилось, некоторые работники пока не покидают своих постов. И хорошо бы им, стойким, хорошую зарплату платить, а также всем другим: кто подбирает и хранит информацию для службы «09» и бездомных телефонных справочников, кто ремонтирует и обслуживает компьютеры и иное сложное оборудование, — всем, числом около 1000 человек. А поскольку года четыре назад узел стал экономически самостоятельным, он, напрягшись, и придумал не совсем этичную телефонную услугу.

За 700 рублей (раньше было дешевле) вам запросто продадут адрес абонента, чей номер телефона у вас имеется, будь этот абонент хоть самим президентом. Но если он, абонент, не хочет неожиданных встреч у себя в подъезде, то может так же запросто откупиться от продажи своего адреса всякому-каждому, но уже за 2 тысячи. И то немного. Покой дорожке стоит.

Вроде бы можно не опасаться лета, даже если ты легкомысленно опубликовал в рекламной газетке свой телефон, сообщив, что продаешь нечто ценное, типа видеоманифонта. Пока по телефону некто крутой и опасный тобой интересуется, им самим интересуются те же сотрудники службы. Они быстренько проверяют, на кого записан номер, с которого звонят, частная ли это квартира. И если вас потом все же ограбят или треснут по голове, хозяин «засвеченного» телефона непременно будет допрошен. Он или его варяжский гость обязательно попадутся. Таким образом, служба помогает милиции.

Не совсем даром, конечно, потому что милицией и органами власти — свои счета. Милиция уже обращалась в службу. Один раз.

Статистика же приблизительно такова: около сотни человек в день жаждают, имея номер чьего-то телефона, получить еще и чужой адрес. Информация поступила от руководителя справочно-информационного узла и познается лишь в сравнении. Большинство клиентов объясняют свой запрос забывчивостью и неряшливостью: телефон вот записал, а адрес — нет (или потерял).

Один такой забывчивый клиент уже может составить конкуренцию самой службе — столько он накопил разных адресов. В другом случае по частоте информационных запросов удалось вычислить притон. И вроде бы нет проблем, тем более что преступнику проще обратиться не в справочно-информационный узел, а в обычное адресное бюро — и дешевле обойдется, и незачем «светиться».

— Да не беспокойтесь вы, — увещевала меня директор узла Людмила Георгиевна Ухловская, — наша услуга рассчитана на цивилизованных, а не на запуганных людей. Ведь в любой нормальной стране в каждой телефонной будке лежит справочник, где и адреса, и телефоны. И не будет никто интересоваться какой-нибудь старушкой, а богатому человеку заплатить две тысячи в год за то, чтобы его телефон вытащили из картотеки, — пустяк.

Лично я бы всем порекомендовала заплатить эти несчастные две тысячи. И сама их быстренько внесу, с первой же полочки. Хотя таких, откупившихся, пока единицы. Легкомысленный мы все же народ, непуганый. Очень любим смотреть зарубежные

фильмы, в которых непременно присутствует телефонный справочник. И я люблю. Особенно мне нравятся в фильмах застекленные двери котеджей с занавесочками. И еще такой момент, когда герой подъезжает к офису или магазину и дверцей своей машины — хлоп, а сам в магазин — прыг, и никаких замков, никакого бряканья ключами. Но я сознаю, что машина, оставленная таким образом возле офиса на Тверской, скорее всего, уже через десять минут неслась бы к кольцевой дороге без участия хозяина. И тошно подумать, что было бы со стеклянными дверями и занавесочками, перенесенными в нашу суровую действительность. Но начали мы общаться к цивилизации почему-то именно с телефона.

Короче, советую: все дружно побежали с двумя тысячами в кулаке на справочно-информационный узел. Прошу этот материал считать рекламным. Алла Пугачева и Алан Чумак уже там были, и давно, и им скоро напомнят: пора снова платить, а то получите обломную толпу поклонников у своих дверей. Поклонники пока только звонят — по 10 тысяч запросов в сутки на телефоны известных артистов, певцов и других знаменитостей. То есть 20 телефонисток нужно, чтобы телефоны эти не давать. А вдруг раздобудут? Тогда сколько телефонисток понадобится, чтобы и адреса еще не давать? И какая у них у всех вкупе должна быть зарплата? Платите, богатые (и не очень), если не хотите плакать.

А мне, за усердие, служба обещала выдать тех, кто моей скромной личностью по телефону интересовался. Но это за отдельную плату.

У «МММ» НЕТ ПРОБЛЕМ!

ДОХОДЫ И ВАМ, И ВАШИМ ВНУКАМ!

Крупнейший чековый инвестиционный фонд «МММ»-ИНВЕСТ, имеющий лицензию Госкомимущества России, предлагает АКЦИИ «МММ»-ИНВЕСТ ЗА РУБЛИ ИЛИ ВАУЧЕРЫ.

ФОРМИРУЕМЫЙ УСТАВНЫЙ КАПИТАЛ ФОНДА — 2 МИЛЛИАРДА РУБЛЕЙ

Один приватизационный чек обменивается на 10 акций номинальной стоимостью 1000 рублей каждая.

«МММ»-ИНВЕСТ вкладывает средства в перспективные высокоприбыльные приватизированные предприятия нефтегазодобывающей, нефтехимической, электронной, пищевой промышленности, в предприятия по добыче драгоценных металлов, производства средств связи и др.

АКЦИИ «МММ»-ИНВЕСТ СДЕЛАЮТ ВАС СОВЛАДЕЛЬЦЕМ ПРИВАТИЗИРОВАННОЙ СОБСТВЕННОСТИ РОССИИ!

Акции «МММ»-ИНВЕСТ приобретаются как частными, так и юридическими лицами по следующим адресам:

Хрущевский пер., д.1/14а. Метро «Кропоткинская» (рядом).

С 9.00 до 18.00, кроме субботы и воскресенья. Варшавское шоссе, д. 26. Метро «Нагатинская» (рядом).

С 9.00 до 19.30 (с понедельника по пятницу); с 9.00 до 18.00 (в субботу).

Выходной день — воскресенье. Пл. Революции, д. 2 (музей В.И. Ленина, 3-й этаж). Метро «Пл. Революции» (рядом).

С 9.30 до 17.00, кроме воскресенья и понедельника. По этим же адресам вы можете ознакомиться с проспектом аннотации акций «МММ»-ИНВЕСТ.

Тел./факс: 111-31-22; 202-49-06

Елена САЛИНА

МАЛЬЧИК С ПУСТЫМИ ГЛАЗАМИ

О возрасте я ее не спросила. На вид лет сорок, может, чуть больше, а может, кажется из-за седины.

И почему она в жизни одна, тоже не спросила. В конце концов у каждого на то свои причины, а умным женщинам, кстати, в этом плане куда труднее.

Выходит, было ей под тридцать, когда приняла она свое самое главное решение — стать матерью. И следовательно, в силу возраста и ума обдумала его тщательно и бесповоротно.

Она пришла в детский дом.

Здесь ее память отбрасывает лишние подробности. То ли подсказал кто, то ли «счастливый» случай сыграл свою роковую роль — ведь с усыновлением да еще в неполную семью в те годы была проблема, — но факт остается фактом. Она пришла в детский дом, и ей предложили на выбор несколько малышек. Лишь несколько, потому что остальные дети по медицинским канонам «под усыновление не попадали» вообще.

Первое, что ее поразило: пушистый ковер в игровой комнате, цветной телевизор, роскошные игрушки — и все это под замком. Дети сидели рядом, на голом полу, и играли принесенными с прогулки веточками.

У Алеши березовые веточки изображали еду. Он подносил их ко рту и делал вид, что жует. В свои три с половиной Алеша весил 13 килограммов и ничего не говорил. Только ругался матом. Но единственным диагнозом, значившимся в Алешиной карточке, был астigmatизм, и это внушало надежды.

Все лето она ходила в детский дом. Так нужно, сказали ей, чтобы привыкнуть к детям, и дети пусть привыкнут. Но уже тогда, в мае, она из просто Людмилы Александровны, толкового специалиста, геолога по профессии, сотрудника престижной организации,

Когда я писала статью «Отстойник» («Столица» № 11, 1993 г.) о детях-асоциалах, «пограничниках» («пограничное состояние» — психиатрический термин, обозначающий состояние как бы между здоровьем и болезнью), которые скапливаются в 6-й психбольнице из-за отсутствия других приемлемых вариантов их жизнеустройства, я не учла одну очень важную вещь.

То есть из написанного почти однозначно вытекало, что все беды от нечутких, бездарных родителей, ну и еще наша вечная минздравовская нищета. Наверно, так и есть. Как правило.

Исключение явилось мне в облике миловидной женщины с абсолютно седыми волосами и каким-то фантастическим чувством собственного достоинства. Есть люди — знаете? — из которых это чувство торчит, как стальной стержень, заставляя их все время распрямлять безмерно уставшую спину.

— Чем я могу помочь? — спросила я (не смогла не спросить!), выслушав трудную исповедь матери «пограничника», как она представилась. — Вам что-нибудь нужно вот сейчас, срочно, немедленно?

— Яду, — усмехнулась она. — Совсем немножко, на один прием. Исключения, оказывается, бывают страшнее правил.

превратилась еще и в «маму Люду». Всех женщин детдомовские малышки звали «мамами», и обратной дороги не было. Выпросила у знакомых фотографию их младенца, чтоб потом Алешке показывать, как будто — он.

Престижная организация вскоре накрылась, как говорят, медным тазом. Преданным делу людям надлежало находиться на работе с девяти до шести. А дети, как известно, болеют, ну там сопли, кашель и прочая, знакомая любой женщине, бодяга. Капельки в нос, горчичник на грудку — и на больничной, чего уж особенного.

Для женщины нерожавшей, без элементарного начального опыта, первый же детский насморк стал трагедией, а больничной — катастрофой. Как же так? А еще уважаемый специалист... Все понятно.

А детские сады? Вы помните, какие очереди туда были десять лет назад? Флакон духов заведующей, шоколадку нянечке — о, эту науку ей еще только предстояло освоить. Как странно: сильный по натуре человек стоит и хлопает глазами, столкнувшись с простенькой житейской проблемой.

Добилась. Не попросту, как все, а через верх, с помощью какого-то журналиста правду искала. Нервы истрепала себе изрядно, ну и получила, конечно.

Кто же обрадуется ребенку, которого приводят в семь утра и забирают последним? Крик, ор: то соседке какой-нибудь отдадут, иди, ищи его, то вообще на улице забудут, то в шубке в раздевалке парят, — измывались как хотели.

— У меня даже список отдельный был, кого отстреливать в связи с этим детским садом, — улыбается она через силу. Теперь.

А Алешка, тот все больше плакал. Дети — чистый лист, и, если взрослым

...А у него,
будем
надеяться,
жизнь
сложится
по-другому

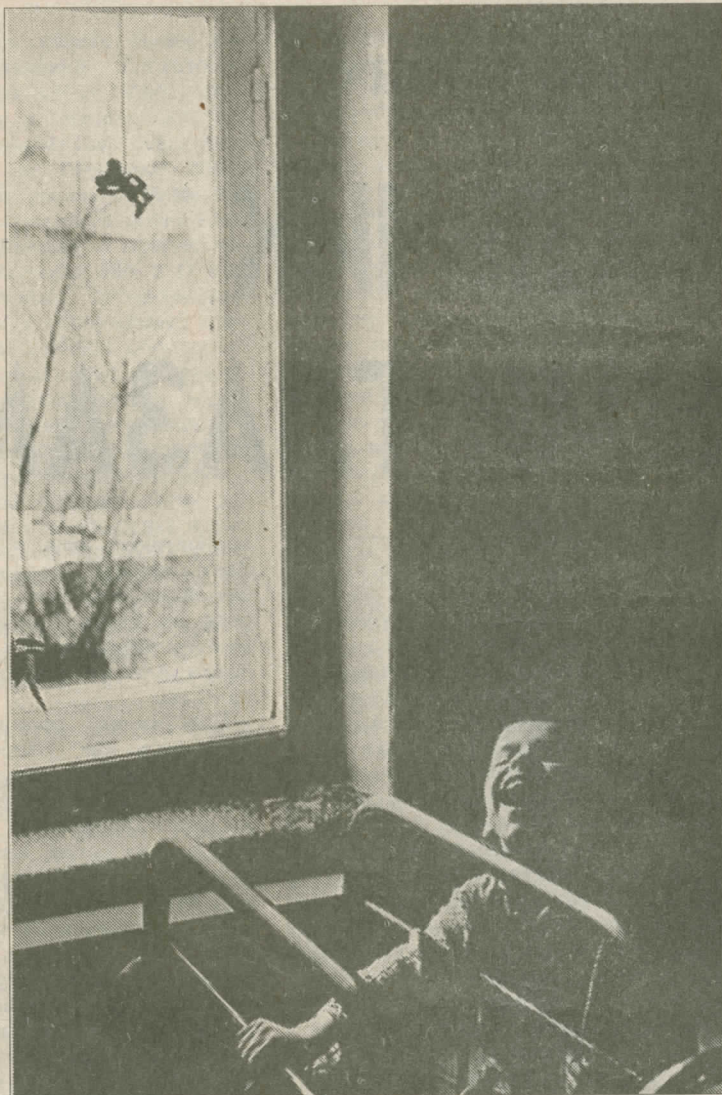

фото Э. Кудрявицкого

надо, чтоб они были злыми, дети с радостью подхватят игру в злодеев. «Дефективный!» — кричали дети Алешке и пытались ущипнуть побольней.

Он старался как мог заслужить их любовь. Но что он мог, такой маленький? Он крал гостинцы у одних, чтобы раздать другим.

Вот тогда мама Люда забеспокоилась всерьез. Тогда и началась круговерть врачей, консультаций, НИИ...

Он не смог ответить им на вопрос: сколько у кошки лапок?

— Чем вы вообще думали, когда брали такого ребенка! — сказали в НИИ дефектологии.

— Он, что, видел когда-нибудь кошку, если с полугода скитался по больницам и приютам? — парировала Людмила Александровна.

— Слабоумие, — огрызнулась высокая комиссия. — И дай Бог, чтобы он хоть чему-то научился.

А он вдруг взял и научился — читать перед школой.

— Слабоумия нет, — посветила радостным лучиком другая комиссия, из другого НИИ, — а есть задержка в развитии года на три — три с половиной. Но это пройдет, если очень постараться.

Она очень старалась. Лучшие книжки, сказочные картинки, театры, музыка — у Алеши вдруг проявились музыкальные способности, — новейшие методики обучения и развития. Она тыкалась всюду как слепой котенок, нахватываясь материнского опыта так яростно, что год у нее шел за два.

Потом начались школы. Одна, другая, третья. Плохо, плохо, очень плохо.

Психиатры писали заключения: «Способен обучаться в массовой школе». Школы же выпихивали ребенка обратно пропорционально тому упорству, с которым мать пыталась нащупать для сына тропинку в будущее. «На уроках хулиганил», «мешал другим детям», «испортил учеб-

ник» — слали весточки учителя. А в доказательство — дневник, где чтение — 2, русский — 2, математика — 1, а уж поведение и прилежание само собой — 2.

Не спасли положения ни неврологический санаторий, ни специнтернат для слаборазвитых детей. «Тюрьма по тебе плачет», — твердили воспитатели, которым по должности и по специфике работы и слов-то таких знать не положено.

— Ну почему, почему уже с девяти лет все пророчили моему ребенку тюрьму? — бьется над разгадкой Людмила Александровна, а я и не знаю, что ей ответить. Потому что совдеповский воспитатель — самый прощательный в мире.

Увидев однажды почти чужого мальчика с пустыми глазами, в цвет пустой комнаты, где он ходил по кругу — 20 кругов в качестве наказания, — она не выдержала. Процесс отторжения логично завершился. Спасти могло только индивидуальное обучение.

А как? Как, скажите, осуществить это самое индивидуальное обучение одинокой женщине, содержащей семью? На какие, извините, шиши жить, если не работать? Работа же — это девять часов ежедневно плюс дорога туда и обратно. Что может натворить беспокойный мальчик с «подмоченной» психикой за девять часов плюс дорога?

Дальше начался сплошной кошмар.

Алеша уходил из дома, не удосужившись сообщить, когда вернется. Она извела милицию своими терзаниями: мальчика извлекли из подвалов, с крыш, из дурных компаний. Как-то поймали во Внуково — он собирался лететь в теплые страны. В другой раз пришлось ехать за ним в Таганрог — там сын хранился до востребования в приемнике-распределителе.

Естественно, кражи. Здесь удавалось пока обходиться без милиции. Когда крал у других, мама Люда уговаривала тех, умоляла, отдавала деньги. Когда дома — просто проглатывала тоску, как комоч невыплаканных слез. Запирала комнату, а ночью ставила себе раскладушку у входной двери, чтоб не сбежал.

Редкое и раньше тепло в их отношениях давно сменилось капитальным отчуждением. Сначала она еще пыталась деликатно обсуждать с мальчиком его поступки, дескать, посмотри, что ты наделал. Потом замолчала, поняла, что бесполезно. Он выглядел невменяемым, его не трогали материнские слезы, он не хотел ничего объяснять. Она возненавидела его гены и хромосомы. Наследственность — страшное дело. Он меч-

тал, чтобы она попала под машину — так сказали врачи.

Врачей было много, потому что большую часть своего «школьного» возраста Алеша провел как раз в 6-й психиатрической. После каждого побега — туда, а куда еще? Это было вынужденным спасением для матери, отдушиной, возможностью чуть-чуть заработать, это вселяло хотя бы уверенность, что он под присмотром. Их там уже хорошо знали и принимали безропотно.

Тогда она еще верила, что ей удастся свернуть с ограниченного в пространстве отрезка, в одной точке которого психушка, в другой — тюрьма.

Вот, например, спецшкола. Она нашла одну такую, очень прогрессивную, в Вологде. Там взяли перенять шотландский опыт и внедрить у себя систему «Рэдэри» — примитивно говоря, круглосуточное наблюдение, выявление наклонностей, психотерапевтическая коррективная, минимум лекарств. Это очень устраивало Людмилу Александровну, поскольку о «Рэдэри» знала она не понаслышке.

Ну и что? Съездила, посмотрела. На том месте, наверно, раньше колония была — проволока колючая осталась, стены жуткого цвета и неистребимый запах мочи. Поговорила с психологом, кстати, единственным на 200 детей.

— А он сможет себя защитить? — спросил психолог. — Ночью, знаете ли, всякое бывает.

— Вряд ли, он никогда не дрался.

— Тогда я вам не советую, — честно сказал психолог.

И как только совсем уж решилась — попробовать, потому что выбирать, собственно, было не из чего, — выяснила, что ребенка, не состоящего на учете в милиции, в спецшколу отправить невозможно.

Когда она явилась в комиссию по делам несовершеннолетних, причесанная и без синяков на лице, ее долго и откровенно разглядывали пятнадцать человек. Как нелепую диковину: трезвая вроде, а сына добровольно в тюрьму хочет сдать!

Как ни объясняла, как ни билась — ничего не поняли. Прокурор почесал затылок: «Он слишком мало сделал, чтоб его туда отправлять». А сердобольная дама посоветовала: «Вы чуть что — заявление в милицию, пусть копятся».

Значит, опять в 6-ю.

Но наступил февраль этого года, Алеше исполнилось пятнадцать, а в детских больницах дольше не держат. Его и выписали, сразу же, не дав даже доучиться до конца четверти. Без диагноза, зато с устным напутствием: «Он у нас хорошую динамику дал» — и с письменной рекомендацией, как всегда: «Обучение по программе массовой школы, раннее трудоустройство». Куда? «А это ваши трудности, мама».

— И вот скажите, — в который раз уже повторяет Людмила Александровна, — где должен находиться мой ребенок? Как и на что ему жить, когда вырастет? И кого вообще волнуют «пограничники», которых в Москве,

между прочим, три года назад было 13 тысяч, а сейчас наверняка еще больше?

И я решаюсь наконец задать ей неудобный вопрос, который давно вертится у меня на языке.

— А вам не приходила в голову мысль...

— Приходила, — поняв с полуслова, спокойно отвечает она. — Я даже консультировалась по этому поводу с юристом. Отказаться от усыновленного ребенка очень сложно. Нужно изложить в суде разные веские причины, например, что диагноз скрыли при усыновлении. А кто его скрыл? Его и сейчас нет. Или добиться, чтобы тебя лишили материнских прав, стать наркоманкой, что ли.

Она просто не умеет врать, и ей не приходит в голову казаться лучше самой себя.

Чтобы другие не мучились, истапывая те дикие круги — от собеса через Минздрав к наробразу, — которые прошла она, Людмила Александровна образовала благотворительное общество. Для таких же, как сама, отверженных детей и родителей. Пытается помочь, хотя бы консультацией — вместе немного легче. Если появятся деньги, они откроют экспериментальные мастерские, будут приучать детей к труду, адаптировать к взрослой жизни.

ЦЕНТР ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ФИРМА «КРОН»

- ремонт копировальных аппаратов «CANON», «MITA», «RICON», «SANYO», «SHARP»
- заправка картриджей
- поставка комплектующих и расходных материалов
- продажа копировальных аппаратов

Тел.: 432-90-00, 431-05-98

Факс: 431-19-98

Москва, ул. Новаторов, д.14, корп.2.

ТОО «БРАНТ»

предлагает

следующие услуги:

- ремонт офисов, жилых и производственных помещений;
- косметический ремонт фасадов зданий;
- герметизация м-п швов.

Работы выполняются из своего материала и материала заказчика.

Продает плитку гипсовую облицовочную с рельефным рисунком 8 видов.

Форма оплаты любая!

Тел.: 238-85-34

(с 11.00 до 17.00),

342-82-67

**Алексей
МИТРОФАНОВ**

ТЕЛЕШОВ ПРОТИВ «ОХРАНКИ»

Потомки знаменитостей почти обречены на некую вторичность. Их затмевает слава предков. Про них не скажут: «это тот, который книгу написал» или — «станок изобрел». Скажут: «который сын», «который внук». Редко кому, подобно Константину Райкину, удастся прорваться сквозь «наследственность». И мудры делающие это — «сын», «внук» — своим основным занятием.

Владимир Андреевич Телешов — внук Николая Дмитриевича Телешова, писателя. Больше того, он живет в знаменитом телешовском доме (Покровский бульвар, 18/15). Удержался как-то. Правда, дедушке принадлежал весь дом, а внуку — лишь квартира 42. По причине вполне характерной — читайте Булгакова, «Собачье сердце»: уплотнение.

Владимир Андреевич — не только внук Николая Дмитриевича. Он — хранитель мемориального кабинета писателя и председатель правления

Телешовского фонда. Интеллигент, обаятельнейший собеседник, «человек из прошлого».

Звонящие ему «по делам» нередко оговариваются и просят позвать Николая Дмитриевича.

— Вам нужно на Новодевичье кладбище, — обычно отвечает он траурным голосом.

— Как?! Когда это случилось? — пугаются звонящие.

Дом на Покровском начинал свою историю в XVII веке. И постепенно обрстал объемами. В прошлом столетии жил здесь Карзинкин — купец, из просвещенных. У него давали любительские спектакли, и во время одного из них — «Женитьбы» по Гоголю — Станиславский (будущая знаменитость) рояль продавал. И был наказан — танцы пел вместо рояля.

В 1913 году тут поселился Николай Телешов — не столько писатель, сколько литературный магнит, известный своими мемуарами и писательскими «средами» — немислимыми в наше время вечерами. Здесь читал свои рассказы Иван Бунин, и слушатели не стеснялись их критиковать. Леонид Андреев даже из-за границы присылал сюда свои произведения — так дорожил он мнением тех «сред». Тут давали забавные клички писателям, а Шалапин звонил отсюда Рахманинову по телефону:

— Приезжай аккомпанировать, петь страсть как хочется!

Квартира № 42 — квартира из прошлого, как и ее хозяин. Нет, я не про

возраст, и даже не про старинный трамвайный колокол-звонок, переделанный под электричество и извещающий о приходе гостей. Он-то, скорее, явление нашего времени, до революции такое бы не стали вешать. Я про атмосферу той квартиры.

Семейство Телешовых редко наслаждается покоем. За одним столом кто-то настраивает компьютер, выделенный на несколько лет знаменитым благотворителем Соросом, за другим — какая-то студентка готовит курсовую по кому-то из завсегдатаев «сред» — хотя музей официально не работает, его фонды давно уж доступны желающим. Сам же хозяин беседует с кем-нибудь, сидя на лавке. В какое-то время всех созывают к столу, к чаю и к общему разговору.

И все бы хорошо, когда бы дому ничего не угрожало. Если бы не приходилось Владимиру Андреевичу охранять памятник от организации-соседа, с которой он делит дом дедушки.

Въехавшие с согласия соседей «многочисленные организации и кооперативы, — как писал он в одном из писем властям, — по своему усмотрению перепланируют помещения применительно к свои нуждам. Несвоевременное удаление снега с крыши привело к многократным протечкам вплоть до первого этажа. В течение полутора лет в подвале стояла вода глубиной до 60 см.

Территория прилегающего сада и двора используется для хранения строительных материалов, сваливается стекловата, прямо на землю, в непосредственной близости от стен выливаются строительные растворы.

Постоянно проходившие в саду и в помещениях... попойки и неоднократно имевшие место возгорания, которые мне приходилось тушить, заставляют опасаться серьезного пожара и гибели архивных и музейных материалов.

Все это катастрофически сказывается на состоянии строения — «памятника архитектуры и истории, охраняемого государством», и ведет к его разрушению».

«Прилегающая территория захламлена и занята грузовыми автомобилями без номерных знаков», — добавляет акт обследования, проведенного совместно территориальным управлением «Басманное», советом самоуправления «Покровка» и Фондом Н.Д.Телешова.

А теперь самое страшное: организация эта злодейская — МГО ВООПИиК — расшифровывается как Московское городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, или, как его называют в архитектурных кругах, — «охранка».

Фото Э. Кудрявицкого

День рождения общества 17 февраля 1966 года. Оно «содействует гос. органам в выявлении, учете и изучении памятников и памятных мест, готовит материалы для постановки памятников под гос. охрану» — так уверяет энциклопедия «Москва».

Зачем же общество понадобилось именно в то время? Попробуем разобраться.

Как известно, 1960-е годы отличались подъемом патриотизма и интереса к русской истории. «На гребне» оказался Пётр Барановский, в Крутицах появился клуб «Родина», интеллигенция тянулась к православию. Есть легенда о том, как явились к Никите Сергеевичу ходоки-активисты — авиаконструктор Туполев, писатель Леонов, академик Рыбаков — и предложили создать общество охраны памятников. Хрущев был человек бесхитростный, бульдозерный, порвал все их предложения, чем аудиенцию и завершил.

Брежнев оказался поумнее. Вероятно, он увидел в этом обществе возможность «направлять и координировать» самостийных патриотов. И не ошибся.

Сначала в названии общества присутствовало слово «добровольное». Потом куда-то исчезло. Получилась типичная «общественная организация» — разветвленная, структурированная, с большим управленческим аппаратом. И «на местах» председательствовали зампреды исполкомов.

МГО ВООПИиК что-то делало, худо-бедно охраняло старинные здания, приносило какую-то пользу. Но событий последних лет, увы, не вынесло.

Общество предало свои бывшие идеалы сравнительно недавно, но резко и беззащитно. Еще в 1989 году «Вестник МГО» начинался словами: «Пленум совета Московской городской организации ВООПИиК с удовлетворением отмечает, что согласно постановлению ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему совершенствованию...». И так далее.

Следующий, 1990 год был переходным. Тогдашний «Вестник» открывается письмом, в котором Патриарх благословляет зампреда МГО, а КПСС упоминается значительно реже, хотя и по-доброму.

Зато в издании 1991 года (уже величающем себя «Московское общество») нет места коммунистам и на обложке — купола с крестами. А заканчивается оно «возрожденным» текстом известнейшей песни:

*Вот показались
Красные цепи;
С ними мы будем
Драться до смерти.*

*Мы смело в бой пойдем
за Русь святую
И, как один, прольем
Кровь молодую.*

Постепенно умирали или отделялись старые секции МГО. Зато появилась новая — певческая.

Почва ушла из-под ног МГО. И изменился дом. Там больше не проводят лекций по истории Москвы, как было раньше. Там сейчас запах щей и портянок, раскладушки на стенах висят, спят неопрятные люди на стульях, приколото объявление о собрании в журнале «Молодая гвардия», церковный календарь, нацарапанный

большими буквами на больших белых листах. И призывы поддержать «наш дом» — да-да, знакомый стиль невзоровских «секунд».

Тут уже в девяностые работала школа плотников-реставраторов с регулярными практическими занятиями, сварочная мастерская по изготовлению каркасов огородных парников (это в памятнике-то). А по ночам ревели во дворе огромные автомобили.

Была тут и «гостиница для беженцев». Или «странноприимный дом». Или бомжатник — дело не в названии. С трапезной, с кухней и всеми обязательными для подобных поселений функциями. Однажды у бомжей протекла бочка кислой капусты. Прямо над мемориальным кабинетом писателя Телешова.

Были театр-студия, кооперативная мастерская, издавались газеты с черносотенной репутацией и работал видеосалон.

Какое уж там москвофильство!

А еще МГО ВООПИиК реставрирует дом Телешова. Уже очень давно. В 1988 году, например, оно затратило на это 31 485 рублей народных взносов (что больше нынешних тридцати тысяч раз этак в двести).

Результатами можно гордиться. По словам государственного инспектора Г. Науменко, общество, скорее, навредило своей «реставрацией». Пропал уникальный паркет, лепнина, чугунный зонт каслинского литья, бронзовые ручки. Изменен наклон кровли, а из карзинкинского сада исчезла старинная решетка, некогда окаймлявшая бульварное кольцо и перенесенная туда на время реконструкции Покровского бульвара. Зато ворота укрепили, правда, криво.

Сейчас реставрационные работы временно приостановлены — «индивидуальные и коллективные члены» общества перестали платить свои «добровольные» (как же, как же, помню-помню, самому дважды вступать приходилось) взносы. Поэтому МГО ВООПИиК просит деньги у госструктур.

Словом, все выдержано в стиле. Учителя словесности говорят «Соничка Мерьмиладова», милиционеры подрабатывают рэкетом, а общество охраны памятников активно разрушает памятник, в котором само и «сидит».

Сапожники без сапог...
Да сапожники ли?

«ЧТО ВЫГОДНО «МЕНАТЕПУ», ТО ВЫГОДНО РОССИИ»

Сегодня это звучит слишком дерзко. А завтра?

Банк «Менатеп» основан в 1988 году. За прошедший период уставной капитал увеличился более чем в 200 раз. «Менатеп» входит в десятку крупнейших банков России. Является совладельцем ряда промышленных предприятий, коммерческих и торговых фирм, владельцем недвижимости. Проводит все виды банковских операций в рублях и иностранной валюте как на территории бывшего Союза, так и во многих странах мира, установив прямые корреспондентские отношения с тремя десятками зарубежных банков. На вопросы корреспондента отвечает директор по связям с общественностью банка «Менатеп» Владислав Юрьевич СУРКОВ.

— Какие же скрытые пружины приводят в движение такую мощную финансовую машину, как «Менатеп»? Существует множество версий.

— По темпам роста и стилю развития наш банк достаточно напорист и даже агрессивен. Что всегда порождает массу слухов о корнях успехов. Как только мы получили определенную известность, так сразу же превратились в некий социальный фактор. Пошла волна вопросов: откуда все это взялось? Мы ведь, в глазах обывателя, оперировали огромными суммами. Ничего удивительного, что возникли версии о происхождении капитала.

— На какой версии остановились?

— Надеюсь, что общественность наконец-то остановилась на самой объективной из них. Поскольку все слухи о деньгах КПСС, о западных инвесторах, о помощи КГБ и т.д. оказались абсолютно беспочвенны. Люди, разбирающиеся в банковском деле, понимают, что все эти деньги могут быть заработаны нормальным путем. Общественное сознание просто не воспринимало такую возможность развития бизнеса. Бытовало советское сознание: если у соседа много денег или большие успехи — значит, он «блатной». Значит, за ним кто-то стоит: или «высокий» родственник, или мощная группировка. Это нормальный, «наш» подход. Но, к счастью, сознание меняется, люди понимают, что деньги можно делать честно.

— Именно этим заповедям вы следуете?

— Деятельность «Менатепа» позволяет нам уверенно смотреть в завтрашний день. Наш банк никогда не стоял у так называемой «красной черты», никогда не ставил под угрозу

вложения акционеров и клиентов. Несмотря на политические перипетии, непредсказуемое законодательство, угрозу перемены экономического курса, жизнь в состоянии жесткого дриблинга со стороны каких-то хаотичных сил, было желание у группы людей, которые и составляют «Менатеп», жить по-человечески в своей стране, работать в ее интересах.

Ведь в наших школах и университетах не учили нынешним экономическим отношениям. Большинство специалистов оказались не готовы к восприятию новых схем жизни. Прежняя безответственность к итогам своего труда теперь неприемлема, сегодня на карту ставится все! Неверная операция или поступок, не тот человек, принятый на работу, могут погубить отлаженный механизм. Поэтому ежедневно идет интенсивная работа за самих себя и, значит, за людей, доверивших нам свои деньги. Тем более что банк, как явление, обладает некоторой особенностью, которая приносит драматизм в его работу: он оперирует деньгами других людей. Номинально, все мы получаем зарплату в «Менатепе», но, по сути, нам платят наши клиенты.

— Самое время поговорить о мере ответственности...

— Естественно. Если мы подведем клиентов, не дай Бог прогорим, это будет крах не только для нас, но и для огромного количества людей. Понимание этого повышает уровень профессиональной ответственности. С другой стороны, иметь репутацию плохого банка — значит поставить такое пятно, от которого не отмыться. Вы уже не банкир, и вновь достаточно тесный мир бизнеса вас не признает.

— Можно ли сейчас определить какие-то приоритеты в сложившейся банковской структуре России?

— В банковском сообществе всегда идут подобные разговоры. Есть желание построить всех в некий хит-парад. Однако критерии оценки не всегда оказываются рациональными и объективными. К примеру, ведомственные банки изначально получили стартовый капитал. При этом не использовался интеллект работников банка, и потому трудно говорить о их профессионализме, а значит, перспективах самого банка. Выпустите на волю из клетки птичку — она погибнет. Этот закон универсален. Большие обороты и активы еще не показатель качества банка.

— Выходит, нет каких-то объективных критериев, позволяющих расставить всех по своим местам?

— В нашем деле слишком много субъективного. Порой немало зависит от таланта первых лиц. Поменяйте их — и банк тут же преобразится. Однако все стремятся попасть в «ТОП» и заявить о себе. В частности, вот, проводят конкурсы. Или приглашают зарубежные фирмы для проведения анализа. Могут отметить, что «Менатеп» независимо от того, кто проводит эти исследования, конкурсы, «хит-парады», остается в первой десятке.

— Видимо, у банкиров, как у теннисистов, есть сильнейшая десятка — двадцатка, и среди них идет соперничество за лидерство?

— Совершенно верно, именно так. Но только среди крупных банков. Большая часть наших банков имеет мизерный уставной капитал, минимальные инвестиционные возможности. Это другое качество. Думаю, их не стоило спешить называть коммерческими банками. Скорее, это товарищества взаимного кредита, как уже было в старой России.

— Можете ли вы помочь нашему обывателю глазами банкира узреть среди множества именно тот банк, который не прогорит?

— Здесь есть проблемы. Понятия, которые сегодня в ходу при заключении банковских операций, вчера не применялись и просто были неизвестны людям. Банки воспринимались как место, где лежат деньги, причем без всякой выгоды для клиента. Люди даже не интересовались судьбой вклада

13.525

8825

дов. Как ни странно, данный стереотип действует в нынешних условиях. Люди почему-то доверяют всем банкам и несут деньги в ближайший. По опыту работы в «Менатепе» могу сказать, что лишь незначительная часть клиентов интересуется состоянием дел в банке.

— **Получается, что советское прошлое — плюс для коммерческих банков.**

— Получается так. Но только если рассуждать с точки зрения чистогана. Если же для вас писаны законы чести — это совсем не интересно. Вы должны рассчитывать на адекватное партнерство. Иначе создается простор для махинаций. Как показывает практика, чаще подобное случается в малых банках. Что наводит на разные размышления: или банк специально создавался для жульнических операций, или ему не достало средств обеспечить нужную защиту и его подставили «доброжелатели». В один прекрасный день клиент такого банка получает известие, что он банкрот.

— **Какой же выход?**

— Надо учиться, и прежде всего хотя бы читать банковский баланс. Этого достаточно, чтобы получить первое представление о банке. Ну а если вы человек рискованный, то есть люди, которые собирают деньги под 300 процентов годовых, правда, потом их милиция ищет с собаками, но народ по-прежнему доверчиво несет деньги в подобные структуры. И когда нас спрашивают: почему у вас такой низкий процент по депозиту? — приходится объяснять, что это нормально, что при честном бизнесе большего не может быть. Отечественный классик верно подметил: мы ленивы и нелюбопытны. Иначе, чем объяснить безответственное отношение к своей собственности, к деньгам, отдавая их в неизвестные руки.

— **Ведущие банки, вероятно, просто обязаны взять на себя просветительскую миссию. Ведь речь о репутации российского банковского дела?**

— Верно, такая работа уже начинается. Но пока ведется вразнобой. Думаю, следует проводить ее через Ассоциацию российских банков или через иные коллективные действия. Например, совместно финансировать программы, направленные на формирование рынка, скажем, организовать экономический ликбез для населения. Со своей стороны мы финансировали создание детских игр с объяснением рыночных азов, вели в газете «Семья» рубрику финансиста...

— **Каких основных принципов придерживается «Менатеп» в своей деятельности, в чем его философия?**

— «Менатеп» мог остановиться на уровне частной лавочки, где люди бы

обогащались, выкачивали деньги, не думая о завтрашнем дне. У нас же изначально был иной посыл, когда нас было восемнадцать, остался таким он сегодня, когда коллектив вырос до пяти тысяч, — жить и работать в своей стране, и делать это хорошо.

Банк иногда упрекают в скупости. Видя, как отдельные коммерческие структуры делают красивые многомиллионные жесты, я радуюсь за них. Однако банку должна быть присуща сдержанность. Наши интерьеры не блещут шиком, хотя могли бы выглядеть как дворцы. Но по одежке надо протягивать ножки. Это наша жесткая политика, которой мы следуем ежедневно. Образ банкира, чрезмерно занятого благотворительностью, должен настораживать его акционеров.

Вопреки вошедшему в моду цинизму люди по-прежнему тянутся к порядочности и честности. Раз запачкав, уже не отмоешь сорочку. Банкир не может дважды войти в одну воду. Он обречен быть и честным, и порядочным, я говорю это о настоящих банкирах.

— **Это желаемое или действительное?**

— Основная когорта банкиров работает стабильно и честно. И несмотря на то, что они наши соперники, мы рады такому обстоятельству. Ведь крах одного банка в какой-то мере подрывает доверие ко всем нам. Порождает апатию вкладчиков, репрессивные меры со стороны государства.

— **Хорошо, в России вы среди лидеров, а за рубежом?**

— Мы вступили в полосу, когда нас стали воспринимать всерьез. Нас — это банки и крупные коммерческие структуры. Было понятие — директорский корпус госпредприятий, теперь добавилось банковское сообщество. Это две силы, которые сегодня определяют деловое лицо России. Обозначилось и международное признание. Правда, в долларовом исчислении по обороту мы пока очень средний банк...

— **Тут, видимо, виноват курс рубля к доллару.**

— Да. Но Запад понимает специфику нашего рынка. И расширение наших корсетов в самых престижных западных банках говорит о доверии. Особенно нам приятно отметить такой факт, возможно несколько лирический, но очень яркий с точки зрения общественного признания, когда в число двухсот людей планеты, которым предстоит, как полагают, в будущем столетии влиять на мировое развитие, был выдвинут и утвержден председатель правления «Менатеп» Михаил Ходорковский.

— **Это — дороже денег!**

— Это тот капитал, который позволяет нам смотреть в завтра уверенно. И способствует скорейшей интеграции в мировое сообщество. На Западе приходят к пониманию, что в России есть люди, которым можно доверять.

— **Приглашение в Давос на Всемирный экономический форум представителей деловых кругов России, в том числе вас, — как раз признак такого понимания.**

— Форум — авторитетнейшая в мире организация, средоточие интеллектуального и политического ресурса всего человечества: премьер-министры, руководители исследовательских центров экономики, здравоохранения, экологии... Встречи и прием были на очень высоком уровне. Надеемся, что это надолго и всерьез, что за этим стоит научный анализ. А все это является началом пути к признанию.

— **Не так давно образ России олицетворялся березками, сейчас в торговых рядах Арбата их заменили разномастные матрешки и военная униформа. Вы же говорили, что пришло время определять лицо России деловым людям.**

— Это наше твердое убеждение. Большую страну делают крупные корпорации. Известен знаменитый девиз, что выгодно «Дженерал Моторс», то выгодно Америке! У нас это пока не прививается. Тенденция к всеобщей демонаполизации, на мой взгляд, губительна для нас. Доходит до экстремизма, когда Россию стремятся превратить в страну мелких лавочников. И все же, если возобладает разум, визитной карточкой России будут корпорации: финансовые, автомобильные, нефтедобывающие, производящие вооружение...

— **Мировая практика это уже доказала. Если говорят «Сони» — подразумевают Японию, если «Мерседес» — Германию.**

— А что такое Россия? Водка и матрешки? Уверен, западные партнеры того же Газпрома, других крупных структур знают: Россия нечто большее, чем эти два символа. Но понимаем ли это мы сами? Если я выйду на улицу и скажу: что выгодно «Менатепу», то выгодно России, — надо мною посмеются, а зря!

— **Означает ли сказанное вами, что «Менатеп» намерен серьезно соперничать за право быть своеобразной банковской визитной карточкой России?**

— Деловой человек обязан иметь амбиции, разумеется, подкрепленные реальными возможностями. У нас их достаточно. И мы будем упорно работать, отдавать все силы, чтобы такое право получить.

ПЬЕСА ДЛЯ БЕНЕФИСА

«Пропавший сюжет»
Московский театр имени М.Н.Ермоловой,
 реж. В.Андреев

Фото М. Гургериана

Сцена из спектакля «Пропавший сюжет»

Владимир Андреев сделал спектакль, как некогда, в еще не режиссерском театре, актеры готовили свои бенефисы. Сам поставил, сам сыграл в дуэте с Ольгой Матушкиной занятную трагикомедию Леонида Зорина, дающую простор для характерности, с философскими монологами и стремительно накаляющейся любовной интригой. Действие происходит в Одессе 1906 года, и атмосфера этого времени, между двумя русскими революциями, вполне соответствует нашему сегодняшнему мироощущению. Сыплющий байками, подвыпивший персонаж, по профессии — автор юмористических рассказов, с завистью поминает тех, кто успел умереть до начала проклятого века. Теперь уже можно изобразить юную террористку, зашедшую переночевать к куплетисту, не отважной патриоткой, а взволнованной перед предстоящим убийством девчонкой. Затеяв флирт просто по привычке, юморист

постепенно осознает, сколь искренне ему жаль эту девочку, чья жизнь завтра пропадет, как вечно исчезают листки с начатыми сюжетами в бедламе его письменного стола. Откровенный бабник, никогда не предлагавший вечной любви, этой женщине

он обещает подарить даже свою заветную мечту — перенестись на сказочный Мадагаскар, лишь бы не делала роковых для себя и окружающих глупостей. Однако представившаяся Верой остается запрограммированной на убийство, хотя и прощается с новым любовником как Надежда, покидая его в недоумении — какая надежда? Театр подчеркнул в пьесе трагедийные краски в ущерб комическим. Похоже, опасались упустить за возможным смаком свидания в богемной квартирке необходимую по сюжету интеллигентность: девушка — дворянка, кавалер — все-таки писатель. Как бы не начать с современной развязностью с полуслова лезть под блузку и хватать за задницу. На мой взгляд, заодно потеряли половину эмоциональной энергии. Впрочем, блестящим пьесам для бенефисов суждено вновь появляться на подмостках в различных прочтениях.

Нина ТИХОНОВА

НАРИСУЕМ — БУДЕМ ЖИТЬ

«Пространство из проволоки»
Выставка С.Хофтер в «Галерее Гельмана»

На три недели галерея превратилась в офис. Очень культурный и западный. С белым покрытием на полу, факсами, компьютерами и другой аппетитной электронной начинкой, которая, говорят, здорово облегчает работу и улаживает жизнь. Они даже цветы предусматривают в конторе, чтобы глаз отдыхал и дышать было чем. Эх... Я так думаю, что за перспективу поработать в такой комнатке галерея готова пожертвовать даже приятностями богемных привычек. Ну если не поработать, так хоть поиграть. Потому что все в офисе — мебель, аппаратура, цветы и т.д. — не настоящее, а из проволоки. Как пелось в мультфильме: «Что нам стоит дом построить? Нарисуем — будем жить». Правда, проволоку, станок, сварочный аппарат и даже белый пол Сибилла Хофтер — автор выставки, устроенной при содействии Гете-института, — привезла из Германии. А здесь, в Москве, только собирала и монтировала: каждый день с девяти утра до позднего вечера, наглядно демонстрируя, что работать положено много и основательно, тогда у тебя будет все — включая такой офис.

Сибилла Хофтер в своем проволочном пространстве

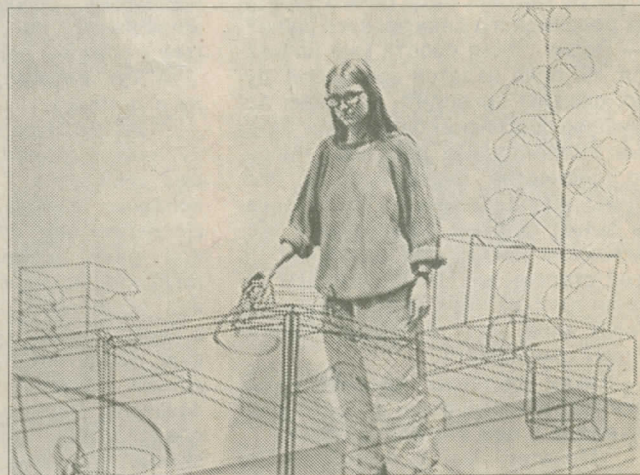

Фото Б. Кремера

Не думаю, что это последнее слово «contemporary art» — напротив, проволочные работы Сибиллы Хофтер — нечто для западного искусства уже вполне традиционное, но тем по-своему и замечательное, занимательное, поучительное и вполне реалистическое рисование в воздухе. Доступное по форме и мысли, но пробуждающее воображение. О культуре. И культуре делопроизводства.

Марина ГЕОРГИЕВА

НИКТО И НЕ ВЕРИТ

«Никто не поверит»,
Театр-студия «Без вывески» и Городское управление юстиции

То, что давний спектакль любительского театра, вот уже 15 лет работающего под руководством М.Дроздовой на северной окраине Москвы, в Железнодорожном районе, в первую очередь рецензировать в качестве премьеры, есть результат неожиданного соавторства: в последнее время поименованные в подзаголовке организации кочуют по страницам газет, неразлучные, как Станиславский и Немирович-Данченко. При этом неразлучность обеспечивается, как это велось и у основоположников, не столько солидарностью, сколько антагонизмом. Так, например, театр-студия,

имеющий свою преданную публику, полагает, что следует продолжать принимать ее в просторном фойе бывшего исполкомовского здания, где расположен конференц-зал, год назад предоставленный театру руководством района. Управление юстиции, напротив, считает, что, если помещение исполкома досталось ему, Управлению, с целью размещения в нем суда и КПЗ, то отдельный «стакан» конференц-зала тоже следует использовать для нужд сыскных и расправных, хотя он и находится на собственном балансе. Управление, исходя из своих творческих позиций, предписывает театру освободить помещение, наваривает на двери «стакана» толстые решетки и навеки запирает фойе. Театр, придерживаясь своей точки зрения, помещения не освобождает, привлекает к своему положению внимание общественности, которая отправляет мэру Лужкову письмо с различными солидными подписями — от Екатерины Максимовой и Владимира Васильева до Елены Камбуровой и Константина Райкина — и, наконец, выдерживает в лице двух студийцев трехдневное пребывание за решетками, должностующее, очевидно, быть репетицией будущего спектакля под названием «Предварительное заключение». Положение осложняется тем, что борьба за помещение ведется, увы, юридическими, а не театральными средствами, а театр, переезжая, не удосужился выправить на помещение ордер — просто потому, что никто не предупредил о необходимости такой меры. В этой связи возникает предложение как-то уравнивать шансы соавторов-недрузгов: ведь если студийцы не сильны в юриспруденции, то юристы вряд ли много смыслят в театре. Можно, например, предложить начальнику Управления Юрию Костанову исполнить в спектакле «Никто не поверит» роль лисенка Людвига XIV, который стремится нарушить родовую лисью традицию и жить по совести. Не думаю, чтобы у уважаемого юриста все вышло столь же убедительно, как у Андрея

Федорова — одного из «отсидевших», кстати. Скорее всего, из зала раздастся сакраментальное «не верю!».

Евгений ВОРОБЕЙ

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА В ЗАКОНЕ

«Насмотритесь, очные ясные...»
Киноvideостудия «Современник», реж. О.Агаджанян, Г.Кудряшова

Это задача: берутся две женщины... Нет, строго говоря, берутся три женщины... Нет, две женщины берутся сделать фильм, документальный, о третьей. А третья — очень старый человек. Но женщина. И даже очень. Итак, две женщины делают документальный фильм о третьей, и им не особенно важно, что вообще-то фильм о ней уже сделали, что она известна и большого документалистского открытия (которое чаще всего состоит в герое) здесь не будет. Для них и не очень важно, что она за человек, эта женщина, какая о ней слава — и вчерашняя, и сегодняшняя. В конце концов, о человека с биографией и прошлым, Татьяны Ивановны Лещенко-Сухомлиной, всегда бывает много толкователей и прошлого, и биографии. Кудряшова и Агаджанян это не интересует. Они сняли свой фильм о том, как она живет, как существует в пространстве времени и географии, и о том, какая она есть. Пока еще есть, слава Богу. Еще живет сегодня вчерашняя женщина-вамп, дама либерти, совбурка и зэчка. Они сняли кино о старушечьей грации и старческом достоинстве, которыми она обладает. Бог весть как это удастся женщине в нашей стране и нашем историческом процессе. Насмотритесь же, очные молодые и ясные, на эту старость и ту культуру, которой скоро не станет. Насмотритесь на то, как она двигается, как говорит и вспоминает, на эти мантильи и пелеринки, на боа

парижские — ведь «перья, знаете, такая жаркая штука», по мнению героини. Насмотритесь на эту Татьяну Ивановну, которая за пение была признана уголовницами в лагере «в законе». Насмотритесь на эту Атлантиду образа жизни и стили: она уходит в пучину эпохи и смены цивилизаций. Меня лично этот вопрос все больше занимает: как стареть с достоинством? Как это делается? Вот это и есть задача: берется женщина и непреложный закон природы. А она его преодолевает. И еще задача: берется техническое изобретение, всего-навсего движущееся изображение. А откуда-то берется настоящее кино.

Виктория БЕЛОПОЛЬСКАЯ

АВАНГАРД НА ФОНЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

Концерт-акция Ассоциации экспериментального искусства «Лава»
Центр современного искусства

Действо называлось «Вечер авангардной и экспериментальной музыки». Судя по раскладу, большая часть современных музыкантов-экспериментаторов понимает под

Всегда молодая Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина

экспериментом более или менее крутую панкуху: впечатляющий ансамбль мандолины, засурдиненной трубы и бессвязных воплей (проект Ю.Иванова и В.Саркисяна «Музыка из Сокольников, доносящаяся в Коломенском»), четыре чудовищные двухметровые деревянные дудки с огромным раструбом и безо всяких там клапанов (проект С.Пахомова «Африканская народная музыка глазами горожанина»), и, наконец, венчала дело «Траектория полета» — группа подростков, сосредоточенно уничтожавших пионерский барабан под аккомпанемент электронного ударника и по-курехински расхлябанного рояля. На этом фоне проект В.Рацкевича и О.Литвишко «Живопись» резко выделялся эффектностью, культурным использованием такой простой вещи, как видеопроекция, и собственно музыкой: электрогитара и синтезатор, отлично взаимодействующие и вызывающие широкий круг приятных ассоциаций, от ELP лучших времен до знаменитого начала 4-й симфонии Шнитке. Задним числом, однако, возникало некоторое недоумение: в чем заключался эксперимент, да и авангардность этого искусства? Разве что в его «выдвинутости» по отношению к широко распространенной и в андерграунде халтурке...

Итар ТАССОВ

Галина ВОЛЧЕК:

Я — ЖЕНЩИНА!

Фото В. Плотникова

С журналистской точки зрения Галина Волчек — собеседник необыкновенно удобный. Ее не надо «раскручивать». Она внимательно и подробно отвечает на вопросы, рассказывая о вещах личного свойства со спокойной откровенностью. Под нее не надо подделываться. Она столь доброжелательна, что любой вопрос, любая реплика, любое замечание звучат уместно и ко времени. Природный ли дар общения тому причиной, или многолетний опыт работы с большим коллективом, но в своей неженской профессии Галина Борисовна умудряется сохранять качества истинно женские: терпимость, умение слушать и создавать вокруг себя ауру симпатии и расположенности.

— Галина Борисовна, существует масса мужских профессий, в которых работают женщины. В том числе — режиссерская. Но если, призадумавшись, можно еще назвать с десяток женщин-кинорежиссеров, то в театре их вообще единицы. В чем дело?

— Вы правы — в мире их очень мало. Тем более у нас.

Я много ставила за границей и видела своих западных коллег, которые, сидя за режиссерским столиком или в зале, положив ноги на спинку кресла, почти не сдвигаясь с места, спокойным ровным голосом в течение трех-четырех часов ведут репетицию, иногда попивая из термоса чай. У нас сидеть вот так, нога на ногу... Это просто невозможно себе представить. Иной раз орешь как безумная: «Почему не дали свет в этот момент? Почему звук не работает? Сколько раз вас надо предупреждать, что это

должно опускаться, а это подниматься?!»

У меня был однажды такой случай. Я работала в Дублине, ставила «На дне» в знаменитом «Эбби-театре», где играют одни звезды. Меня предупредили, что среди этих звезд есть один актер — суперзвезда; когда ирландцы слышат его имя, то чуть ли не встают. Чтобы я приняла это к сведению. Принять-то я приняла, но ведь и себя переделать не могу, поэтому работала как обычно. И вот где-то на пятой или шестой репетиции он вдруг очень недовольно и язвительно пробаритонил: «Может быть, режиссер будет нам объяснять, когда сморкаться?» Я сразу отреагировала: «Нет, сморкаться вы будете сами, а все остальное мы будем делать вместе». Обстановка разрядилась, мы продолжили репетицию, а через несколько дней он пришел ко мне с цве-

точками, поцеловал руку, извинился, и тогда я его спросила: «А что же, по-вашему, должен делать режиссер?» «Подсказывать движения: куда пойти, откуда выйти», — был ответ.

Это совершенно другие принципы, условия, отдача, рабочая мораль, другой театр, наконец! Ибо русский театр в силу своих традиций требует невероятной отдачи. Помимо того, что надо придумать спектакль и заразить актеров, помимо всех бытовых сложностей, когда декорации опоздали, а костюмы не сшиты, в твои руки сходится все. Каждый персонаж, каждый человек с его нервами, психикой, амбициями. А таких в спектакле не один, не два — почти все. Сегодня он в настроении, а завтра планеты не так встанут, и он конфликтует с партнерами, с самим собой, с режиссером. Тут надо быть не просто психологом, а психиатром, чтобы удерживать климат, при котором хоть как-то возможно работать. И все это — на твоём здоровье, на твоей нервной системе.

— Помимо громадной силы эта работа требует еще и жесткости. Вы ею обладаете?

— Наверное, обладаю, раз столько лет работаю. Но эта жесткость запрятана так глубоко внутри, что добраться до нее можно, лишь протопав по моему терпению сапогами. До какого-то момента я терплю все. Ради дела, ради спектакля, ради театра. Иногда это бывает почти невыносимо. Я все вытерпела на своем пути. В меня артисты предметами кидали со сцены.

— Потом вы мирились?

— Конечно. Отношения актер—режиссер, если они длительны, всегда отношения любви—ненависти. Вот когда режиссер приезжает в другой театр, там его априори любят. Потому что он не распределитель благ. Он не раздает роли, не повышает зарплаты. Он пришел делать только свое дело — ставить спектакль. Недавно я как раз вернулась из Германии такая обласканная, такая любимая. Мне вслед шлют факсы, которые хочется носить на груди, как барышни носили любовные письма. Я там гость. Меня никто не оскорбит, не укусит, не делает больно, не кинет камня ни в лицо; ни в спину, никого не надо мирить и убажывать. Здесь же я все чаще ловлю себя на мысли, что режиссер для актера — обслуживающий персонал.

— Один театральный актер как-то в интервью назвал главного режиссера хозяином театра.

— В театре все ниточки сходятся в один кабинет. Здесь все проблемы сплетены друг с другом и завязаны на экономике. Они влияют на климат в труппе, на то, как живут люди, с какой отдачей работает актер.

Хотя сегодня все относительно. Я не знаю, какие средства нужны театру, чтобы актеры могли нормально жить. Единственное, чему радуюсь, что у нас сильная труппа и почти все снимаются в кино или концертируют. Что я могу сказать артисту, который в самое активное время сезона — а раньше об этом и заикнуться-то было невозможно! — должен ехать в Америку на гастроли по «обслуживанию эмигрантов»? Вот недавно актер, активнейшим образом занятый в репертуаре, уезжал на месяц в Японию с другим театром, где он играет. У нас не шли ни «Анфиса», ни «Трудные люди», ни «Стена», ни «Колембина», потому что в этих спектаклях он участвует без замены. А что делать? Я же понимаю, что он хотел заработать там деньги для того, чтобы как-то жить здесь. И ничего не могла предложить взамен.

Сегодня государство еще дает нам средства из бюджета, на которые мы можем продержаться. Но продержаться, а не жить. Помню, лет двадцать назад, когда одной моей американской коллеге, руководителю театра «Арена-стейдж» из Вашингтона, принесли какие-то бумажки с цифрами, я спросила: «Как, тебе и этим приходится заниматься? Неужели ты что-то в этом понимаешь?» Она посмотрела на меня и сказала: «Если бы я в этом не понимала, у меня бы не было театра». Теперь я вспоминаю ее каждый день. У меня страшно много времени уходит на то, чтобы из десяти рублей сделать сто, доплатить артистам, исхитриться выпустить не один спектакль, а два.

— Профессия не меняет ваш характер, он не становится с годами более мужским?

— Я сознательно пытаюсь заставить себя не забывать о том, что я женщина. Иногда это выглядит даже наивно. Как-то одна приятельница подарила мне сумку типа портфеля. Я сказала: «Ой, спасибо, спасибо» — и тут же подумала, что никогда ее в руки не возьму, потому что если я еще и с портфелем буду ходить, то вообще перестану ощущать себя женщиной. Тяжело переживаю то, что мне приходится носить очки, и уж, во всяком случае, никогда не надену очки в какой-нибудь металлической «профессорской» оправе. Не ношу больших часов, хотя мне это было бы удобно. Но нет — это мужские часы, не надену.

— Может быть, это инстинкт самосохранения?

— Скорее, наивный протест против самой себя.

— А какие слабости, капризы, пристрастия вы можете себе позволить?

— Пожалуй, единственное мое пристрастие — хотеть и на него времени не остается — моделировать одежду. Мне неинтересно просто купить или сшить костюм. Мне интересно его сочинить. Когда за границей я захожу в магазин тканей или пуговиц, все уже знают — можно не ждать, я застряну. Слава Зайцев всегда говорил мне: «Ты у меня не заказчик, ты — сотворец».

— Кроме Зайцева, у кого еще из модельеров вы одеваетесь?

— У меня нет возможности одеваться у кого-либо из западных модельеров. А даже если бы и была, я бы не стала этого делать. Со Славой же мы сблизились, когда были не просто бедными, а нищими. Он звонил мне и говорил: «Беги в Пассаж, там платки по 4.50 в точку, из них можно потрясающие рубашки сшить!» И мы сочиняли. Слава — человек с явно выраженным врожденным стремлением к красоте. Может, поэтому меня к нему так тянуло. Но и в Славе я никогда не видела человека, который нарисует мне фасончик. Мы сдружились на том, что оба любили красивое, страдали, глядя на нашу уродливую толпу. Я и подругам своим иногда что-нибудь придумываю. Это то, на чем я расслабляюсь в свободные минуты. Так что ни у кого я не одеваюсь. Я одеваюсь у самой себя.

— Если бы вы не были режиссером, то могли бы стать модельером?

— Меня спросил как-то один американский продюсер: что бы я делала, не будь режиссером или родись на Западе. И я подумала, что смогла бы, наверное, открыть бюро по «деланию» женщин, где бы не просто создавала их имидж, но вместе с женщиной, основываясь на ее природных данных, выработывала бы все — от пластики, манеры говорить, стиля в одежде и макияже до умения себя вести и образа мышления. Такая личная режиссура доставляла бы мне удовольствие, потому что очень мало женщин знает, как вытщипать свою индивидуальность и пользоваться ею.

— А со своими актерами вы это делаете?

— Естественно. Что же я еще делаю, когда работаю с ними на сцене?

— Нет, в жизни. Они чувствуют ваше влияние в жизни?

— Безусловно. Я влияю не только на их внешний, но и на внутренний облик. И они это знают.

— А они на вас?

— Думаю, да. Жизнь — вообще взаимовлияние всего и всех.

— Галина Борисовна, а вы человек ревнивый? Вы ревнуете к чужим успехам, к дружбе, к любви?

— Я невероятно ревнива по отношению к делу, к театру. Когда вижу,

что человек предает идею театра, уходит на сторону, отдает больше, предположим, фильму, а не спектаклю — а я чувствую это, как чувствует женщина, когда мужчина больше отдает другой, — тогда я ревнива. И, напротив, если человек, обладающий пусть скромным дарованием, верен театру и прошел с ним через все трудности в той дикой борьбе, которую нам приходилось вести на протяжении двадцати лет, я сумею это оценить и быть ему благодарной. А к чужим успехам... Нет. Я всегда пыталась внедрить в «Современнике» молодых режиссеров и даже конфликтовала из-за этого с труппой.

Мои первые шаги на посту главрежа были, с точки зрения коллег, idiotичны. Я знаю, что за моей спиной говорили: «Дура — не успела сама стать главрежем, как пригласила на постановку Вайду и Товстоногова — двух лучших театральных режиссеров». Но это не было ни попой, ни притворством, ни кокетством — нет у меня никакой ревности. Когда я прихожу на премьеру, предположим, Виктюка, или Игоря Квашы, или кого-то еще, вижу их успех, слышу, как кричат «браво!», мне это не менее приятно, нежели когда кричат мне.

— **Но то, что вы не прощаете людям «ухода на сторону», ведь это диктат.**

— Конечно, я и не спорю.

— **азве человек не волен выбирать, где и с кем ему быть?**

— А я вольна ревновать его.

— **Значит, в театре, для коллектива, вы диктатор?**

— Думаю, совсем нет. Только на этом мы и продержались столько лет.

— **А режиссеру Волчек никогда не было жаль актрисы Волчек?**

— Нет. Здесь опять же все исходит из главной идеи. А идея состояла в том, чтобы сохранить театр, который похоронили точно в тот день, когда ушел Ефремов. Нам как бы назначили смерть. Стало признаком хорошего тона говорить, что «Современник» умер, что его не существует. Двадцать с лишним лет мы жили в ненормальной, экстремальной ситуации. У меня просто не было времени жалеть о своей судьбе. Я занималась только тем, что сжимала кулаки, что-то доказывала, уничтожала собственное самолюбие.

— **А самолюбие было?**

— Конечно, как же не быть! Когда плюют в спину, пытаются плевать в лицо, объявить банкротом, заколачивают гвозди в несуществующий гроб... Я должна была победить свое актерское сознание. Помню, я еще Ефремову говорила, что для режиссера, выпешедшего из артистов, главное — победить актерский эгоизм. За шестнадцать лет с момента начала своего

режиссерского пути я не сыграла в этом театре ни одной роли. Только через шестнадцать лет Фокин занял меня в «Ревизоре».

— **Сейчас вы доказали, победили, добились. Сейчас — не жаль?**

— Ну, как вам сказать. Если представить то напряжение, в котором я живу, то отпадут всякие сожаления. Недавно я выпустила премьеру «Смерть и дева», а в сознании уже — нужно готовить следующую. Но ведь я не могу давить из себя, как из тюбика, один спектакль за другим. Я и так последние годы работала практически без остановок. Мне нужно оглядеться, вобрать что-то новое, просто внутренне отдохнуть. Надо заняться делами театра, а это тоже требует каждодневного внедрения во все проблемы.

Вот тут, видите, лежит наш будущий договор с партнерами, репертуар на следующий месяц, который я должна не просто завизировать, а учесть, у кого сколько спектаклей, как они распределяются в течение месяца. Потом меня ждет замдиректора, потом надо спуститься посмотреть, как идет репетиция у молодого режиссера. А там начнут ставить Балаян и Виктюк, и я должна подумать, как все это развести во времени, как распределить роли, чтобы была задействована основная часть труппы. И так далее, и так далее. У меня нет возможности сосредоточиться на себе, даже о здоровье подумать, не то что о быте.

— **У вас никогда не возникало желания все бросить?**

— Очень много раз, очень. Но возникало не от моей усталости, а от невозможности бороться, от интриг, несправедливости. Один-единственный раз — это было много лет назад — даже написала заявление об уходе. Я могла снести все оскорбления извне, когда знала, что в театре все в порядке, что тыл крепкий. Но вот когда мне доставалось тут... Но на следующий день после этого заявления ко мне домой в полном составе приехал худсовет и начал убеждать, что я не имею права этого делать.

— **Галина Борисовна, а кто ведет ваш дом?**

— Нет такого понятия — дом. Наверное, это тоже будет ответом на ваш первый вопрос — театр перемолол меня как в мясорубке. У меня нет никакой жизни, кроме театра. Есть иллюзия дома: я живу почти вместе с сыном и его семьей — наши квартиры рядом. Но повторяю — иллюзия. Я абсолютно не занимаюсь хозяйством. Чаще всего ем здесь, в буфете, по дороге домой покупаю что попадет. Что-то на уровне яичницы могу себе приготовить, а на остальное нет ни сил, ни времени.

Но, слава Богу, существуют люди, которые мне помогают. Женщина, которая много лет несколько раз в месяц приходит убирать, хотя в другом месте ей за это платили бы гораздо больше. А если она еще купит что-нибудь из продуктов и сделает винегрет или сварит гречневую кашу, я вообще невероятно ей благодарна. Портниха, которая из своего Переделкина, от маленького ребенка, едет ко мне к 9 часам утра, чтобы я успела на репетицию. Массажистка, к которой я вечно опаздываю. Прибегаю взмыленная, а она ждет, так как знает, что я не на презентации какой-нибудь была, а работала. Врачи, которые, зная мою ненормальную жизнь, всегда найдут удобное время, чтобы посмотреть меня и снять кардиограмму. Благодаря этим людям я и живу.

— **И вы счастливы в этой «ненормальной жизни»?**

— Одна из моих героинь, Марта в «Кто боится Вирджинии Вульф?», говорит: «Я хочу счастья и не хочу быть счастливой». Потому что счастье — понятие динамичное. Иногда очень счастлива, иногда чувствую себя глубоко раненной, обиженной. Но, тем не менее, я человек, благодарный судьбе. Наверное, это и есть счастье — благодарить судьбу за то, что она такая.

Ольга ШУМЯЦКАЯ

Акционерное общество «Финикия»

организует туристические поездки в Сирию, Пакистан, Таиланд, Болгария—Турция, Болгария—Греция (5 дней).
Оформление заграндокументов.

Тел. 923-82-35.

Алла БОССАРТ

ДИАГНОЗ ДОКТОРА ЧЕХОВА

В материале использованы фрагменты
фильма Б.Бланка и В.Мережко «Если бы знать»

Борис Бланк позвонил мне через пару недель после премьеры, голос убитый: «Поговорите со мной, вы, язва. Что же я сделал такого, что со мной даже жена не разговаривает? Никто не понял, никто. И которые хвалят, тоже чувшь городят. Но в основном — плевки и проклятья. Никто не увидел ничего, кроме мерзости и кощунства! Никто не понял, что у меня Чехова больше, чем в самом добросовестном, каноническом воплощении!»

Еще год назад, во время нашей вполне веселой и дружелюбной перепалки по поводу «Кремлевских тайн шестнадцатого века», о которых я, что могла, сказала в «Доме кино» — единственной газете, допустившей адекватную фильму стилистику оценок, — еще тогда Бланк грозился, что снимает нечто гениальное, фантазию на тему «Трех сестер», где действие происходит почему-то в 1918 году, в гражданскую войну.

«Ну-ну», — отметила я про себя. И, разумеется, как миленькая примчалась на премьеру.

Кино называется «Если бы знать». В заключительных титрах, в рамочке в стиле «модерн» осторожная ремарка: «В фильме использованы фрагменты пьесы А.П.Чехова «Три сестры». Ах, коварный Боря со своим неутомимым Дюма-пэрмом Виктором Мережко! Соломки подстелили. Для кого? А то мы не знаем, что такое «использование» классических «фрагментов», да еще Чехова, да еще такими крутыми ребятами — и зачем.

Бланк категорически возражает против «экранизации» и даже «по мотивам». Фантазия. На тему. Но только вот — на какую? В этом и была для меня загвоздка, это и мешало сест

наутро после просмотра и отлить лихую пулю в «дневничок» о том, что Соленьный, дескать, еще и голубой, а между разнополюми героями идет такая листовая пилюжка, что вывод о научном консультанте фильма — Фрейде — напрашивается сам собой.

Что-то мешало. И мешало очень долго. Хотя соблазн был велик, авторы подставлялись в каждом эпизоде. И если бы кино было сделано параллельщиками, постмодернистами, братьями Алейниковыми с Юханановым в роли Маши — вопроса бы не было. Сценический Чехов дает такую роскошную пищу для стеба и литературного хулиганства, для иронического переосмысления, для суперэстетской пародии, — что у самой руки чешутся. Но собрались люди немолодые и как бы не склонные к мистификации. То, что называется — серьезные художники. Традиционалисты. Без этих вот приколов и примочек. И зачем-то взяли и задвинули дворянскую усадьбу конца прошлого века в вокзал гражданской войны, где в ожидании эшелона на Москву («В Москву!») странным, стационарным образом бытуют — сидят у самовара, гуляют по каким-то аллеям, преподают в гимназиях, принимают гостей, женятся, рожают и пестуют детей и, как было уже упомянуто, энергично занимаются любовью — чеховские персонажи.

Впрочем, чеховские ли?

Всякое обращение к классике есть утоление художественного любопытства и гордыни. Что же там, дявол его дери, кроется — и дай-ка я запущу этот механизм по-своему. Использование именно этой пьесы — странной, тяжелой, авангардной, противоречивой, болезненно безысходной и вместе с

тем полной безумных, горячечных припадков оптимизма — тоже, конечно, способ утолить свои любопытство и гордыню. Но также и довольно дерзкая — особенно для традиционалистов — попытка с помощью цитат, фобульных ассоциаций, не связывая себя драматургическим маршрутом, трактовкой характеров, да и вообще сколько-нибудь заметным их построением; не вдаваясь в чеховский психологизм, в мотивы действия; то есть обеспечив себе как бы полную свободу собственно от драматургии — изобразить одну лишь чеховскую атмосферу. Его «мерлехлюндию». Выразить безумие, болезнь, ритм (а вернее — аритмию), ожидание, эстетизм, изломанный профиль начала века — танцем плоских теней в декадентском интерьере.

После первой премьеры «Трех сестер» в Художественном театре критика признала: «Ее (пьесе. — А.Б.) не возьмешь ни талантливой игрой отдельных исполнителей, ни новенькими декорациями. Ее можно взять только общим тоном исполнения, только общим ансамблем».

Вот что мешало писать и вообще судить о версии Бланка-Мережко — вот этот логический дискомфорт: общий тон исполнения, безусловно, звучит, и звучит очень чисто и верно; общим ансамблем и не пахнет.

Ав один прекрасный день, перечитывая по которому уже раз театральные головоломки Чехова, я вдруг заподозрила его в трагической мистификации. Чехов осознанно как бы отравляет свои пьесы неким гениальным дефектом, чтобы театр, поддавшись соблазну материала, не мог сыграть его — не сложившись. Чем же досадил Антону Павловичу театр, что он так злорадно и искусно, обольщая его — и обманывая, обманывал всякий раз, всегда, всех, даже Станиславского, даже МХТ, с которым слился душой, распластавшись на занавесе? «Я — чайка, я — чайка, как слышите, прием...»

Слышали плохо. Принимали grandioso. Но вряд ли понимали, какой вивисекции подвергает их доктор, заставляя произносить такие монологи:

— Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О, Боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!

Хотя впоследствии крупнейший выдумщик Станиславский вздернул, и очень успешно, «Трех сестер» на дыбу своей знаменитой системы, — реакция актеров после читки была са-

В перерыве
между
съёмками

мой верной и нормальной: они остались в полном недоумении, совершенно не понимая, как им это играть.

Неразрешимость Чехова для современников, лишенных оптической коррективы, состояла в фиктивности, русалочьей, фантомной природе ряда его персонажей. А именно — интеллигентов. Среди полнокровных людей в его театре там и сям зависали говорящие голограммы, выныривали со своими обольстительными песнями сквозные сирены. И текст их песен сконструирован был (великим мастером живой речи), если вдуматься, нарочито ходульным, безжизненным и нелепым. Таковы Треплев, Иванов, Петя Трофимов, Вершинин, Тузенбах...

Театр начала века, театр с классическими идеалами добра и света не мог не спотыкаться, не ломать себе шею и голос на этой ноте. Театру казалось: надо брать высоко, еще выше! А нота была не высокой. Она была ФАЛЬШИВОЙ. Была задумана как фальшивая. Написана как лажа, выражаясь на музыкальном жаргоне.

Разумеется, этого не мог не ощутить театр последней трети века, театр, пронизанный скепсисом, иронией, глумливым мышлением обманутого шестидесятников. Уже в начале 80-х у Любимова Полицеймако произносит заключительный дикий монолог Ольги как школьную диктовку, без единой интонации: «Милые сестры. Музыка играет так весело. Еще немного запятая и мы узнаем. Зачем страдаем. Если бы знать. Ес-ли-бы-знать. Точка».

До этой логической точки довел дело в кино Борис Бланк в 1992 году, в году, не оставившем иллюзий на

Фото М.Баланюка

счет русской интеллигенции.

Потому что, догадалась я, у него тоже явилось одно подозрение. Чехов, самый интеллигентный русский автор, не с театром сводил счеты, не театр наказывал своей желчной нелюбовью, хотя и взламывал его, и терзал, выкручивал ему руки и выворачивал наизнанку. Но при всем том театр был его жизнью, оплаченный легочной кровью. Чехов и умер за него, попросив напоследок бокал шампанского. Мстил доктор Чехов не театру. Он разбирался с русским интеллигентом. Ему, пресловутому, мстил за никчемность, за угасание желаний и пустой холод демагогии. Может быть,

первым он увидел начало вырождения. Проник в механизм деградации, и горькие формулы своих наблюдений перенес из записных книжек в самую мучительную пьесу — «Три сестры»:

«Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но почему же в жизни хватает он так невысоко?»

«Русский человек, если послушать его, с женой замучился, с домом замучился, с имением замучился, с лошадыми замучился».

«Ах, если бы к трудолюбию прибавить образование, а к образованию трудолюбие!»

Ну да, был Гончаров, был уже гениальный Обломов — предтеча чеховских персонажей. Но Гончаров как бы надеялся на альтернативу, с оговорками, осторожно, но все же предлагал путь Штольца. К тому же Обломов бесконечно обаятелен, и автор преисполнен жалости к нему, как к любимому больному ребенку.

Чехов преисполнен желчи. Желчи

и отчаянного пессимизма, который потому и выглядит порой вспышкой оптимизма, что слишком воспален, слишком болит. Доктор не питает уже никаких надежд. В старом персонаже русского водевиля — спившемся учителе, впавшем в ничтожество актере, отупевшем враче — он разглядел новый класс русского общества — люмпен-интеллигента. Увидел, как безысходно, словно в песок, уходят ум, благородство, самосознание, совесть и воля — в слова, слова, слова. В ужас и мрак безделья, бессмысленности, бесплодия, безнадежности. Эти вялые резонеры, непрерывно восклицающие о светлом

будущем и счастье труда, рассеяны по драматургии и прозе Чехова. И собраны вместе в «Трех сестрах» — драме об интеллигенции. В драме интеллигенции. Которую сам он называл водевилем.

Задолго до кинематографа Чехов, будучи все же врачом, распознал главную болезнь России — астенический синдром, в числе первых жертв поразивший наиболее хрупкий и тонкий слой.

В принципе чуждый пафосу, он, разумеется, заложил ироническую, пародийную взрывчатку в монологи Вершинина, Тузенбаха, Ольги, Ирины. Бомбу, начиненную горечью и болью. Что и обмануло и долго обманывало театр. Даже Станиславский не понял, почему Чехов «был уверен, что он написал веселую комедию, а на чтении все... плакали, слушая ее. Это заставило Чехова думать, что пьеса непонятна и провалилась».

А как же еще должен был думать автор, если, по словам рецензента, «в изображении г. Станиславского полковник Вершинин является единственным свежим, бодрым, полным нравственной мощи, а потому сильным и обольстительным человеком среди остальных «нудных» персонажей... Только бодрая вера неунывающего полковника заставляет примиряться с чеховским изображением провинциальной жизни. Живая струя его радостных мечтаний имеет значение картинного солнечного пятна на пасмурном фоне. ...Со сцены «Три сестры» не производят того гнетущего впечатления, как в чтении, когда на предпоследней странице является еле преодолимое желание удавиться от тоски».

Вершинин? Самый безнадежный из фантомов, самый потерянный и безвольный высокопарный нытик среди сонма «нудных» (а можно и без кавычек) персонажей? «Неунывающий полковник»... Ай да Станиславский.

«Мы так и не поняли, — недоумевает также и Немирович-Данченко, — почему он (Чехов. — А.Б.) называет пьесу водевилем, когда «Три сестры» и в рукописи называлась драмой».

Сдается, они были простоватые ребята, эти гении одноименной системы. Но нам, конечно, дана фора времени. Мы можем, имея за плечами опыт почти вековой истории каскадерского падения отечественной интеллигенции, оценить диагноз доктора Чехова: драма «совести нации», знаменитого русского интеллигента — в его водевильности. Вырождение драмы в водевиль есть жанровый упадок. Утрата стиля, образующая новый стиль. Кич.

Э то точно почувствовал и понял Борис Бланк. И поставил не кино. Профессиональный (и превосходный) художник, мастер стиля, — он поставил танго в стиле кич.

И потому в его картине нет актерского ансамбля — партнерам по танго не нужна система Станиславского, они обходятся пластикой и типаж-

ностью. И потому в его картине есть атмосфера, ритм и общий тон: завораживающая страстная танцевальность, сладкий запах тления, декоративные чувства, оскорбительное парфюмерное превосходство жиголо над мыслью, страданием, душой и подвигом. Упадок жанра. Кич интеллигенции.

Если бы знать, заключает Ольга, если бы знать, зачем живем и страдаем... Кажется, еще немного, и мы узнаем. Нет. Чехов нигде и никогда не разрешил эту загадку. И авторы фильма, заставив не героев — в картине нет героев, — а персонажей погрузиться в трясину кича, объявили о решении интеллигентов конца века: мечтательный вопрос ответа не имеет. Да и будь он, этот ответ, — на него уже не было бы вопроса. Абсурд жизни, и не провинциальной, а жизни вообще, тотальный абсурд, в котором барахтается мыслящий, осознающий его человек, — иссушает, изнуряет, приводит в скотское состояние. Уже не до вопросов, не до прогнозов, не жить и не работать хочется, а лишь как-то соответствовать тупому абсурду, вписаться в него, чтоб он не раздавил тебя. Влиться в этот ритм и вовремя подставить колено под поясницу партнерши.

Это не пародия. Кич лишен юмора, ему не присуща ирония. И фильм, чрезвычайно стильный, сделан также без тени юмора. Чеховские персонажи тщетно отретушированы в полном соответствии с жанром. Персонаж кича совпадает с идеалами и представлениями жлоба. Поэтому в киче можно все — и на полном серьезе. Чеховский интеллигент при возгонке кичем окончательно меняет свою природу и завершает эволюцию, полностью перейдя в газообразное состояние.

В какой-то момент нагнетания этого вокзального, чемоданного бреда, когда уже всем ясно, что никакой Москвы, как Замка Кафки, не существует в природе, — оказывается все можно. Все можно русскому интеллигенту, который из разнообразных жизненных попрizzi избрал себе два: диван и баррикады. Все ему можно, болезнью и мятежноту, потому что: «тара...ра...бумбия... сижу на тумбе я... Не все ли равно!» Все равно. Он перетек в жлоба. До капли. Свобода!

Можно Солену — «цып-цып-цып!» — корчиться от страсти к Тузенбаху и всадить тому пулю в лоб от неутоленного бароном голубого либида.

Можно Маше, как последней шалашовке, трахаться по кустам с Вершининым (куда там Станиславскому), и плевать в морду мужу, и плясать пьяный канкан перед пьяными офицерами.

Можно классной даме, возвышенной блондинке Ольге, бегать на свидания с гимназистом, где, опять же в кустах, другие, обиженные несправедливостью юниоры ставят ее, извините, на хор, восстанавливая справедливость долго, поганно и подробно.

А уж Наташе-мещанке просто сам бог велел не отставать от дворянских золовок и предаваться разнуданным утехам с купцом Протопоповым непосредственно на глазах мужа, Андрея Прозорова, ресторанного скрипача...

И все нетрезвы, и карты до утра, и то ли это усадьба в декорациях вокзала, то ли ресторан промеж комнат усадьбы, где поет потрясающая Надежда Бабкина и еще какой-то порочный, крашенный. И безликие лица наркотически бледны, а силуэты плоски и удлинены, выкроенные по лекалам модерна. И бесцельность, бесплодность, дичь такая, что задолго до предпоследнего эпизода, когда поезд в мифическую Москву все же отправляется, уходя, конечно же, без сестер, — «является еле преодолимое желание удавиться от тоски».

А на все про все — один актер: Александр Пашутин. Один живой, пресловутый чеховский маленький человек — Кулыгин, муж Маши, которому одному — не все равно, которому стыдно, что пьет, и играет, и любит жену-шлюшку, просто стыдно, без монологов и всякой туфты. Еще пока стыдно и пока еще не все равно. Поэтому что не дорос до интеллигента, хотя и гимназический учитель.

Когда в танце масок и типажей нелепо топчется и бухтит один герой с лицом, глазами и стыдом в душе, — еще мертвенней и абсурдней вся мельтешня, все насекомые страсти. Вопрос: зачем живем и страдаем? — заданный в объятиях танго, следует и ритмизировать соответственно: зачем т а к живем и т а к страдаем? В такой формулировке к нему ответ есть: т а к вам доктор прописал. Главный, лечащий. А дежурные, как могут, выполняют его волю.

Но почему 18-й год? Почему белые офицеры? Почему гражданская война?

Да, есть тут некий намек. И, поскольку мы дали втянуть себя в воронку кича, — приходится принять его, хотя намек и вульгарен, груб, оскорбителен, если которые со вкусом. Ну, таковы уж требования жанра и стиля.

Кончайте с горестным клетотом, что соль земли и совесть нации перебили в революцию и гражданскую! Вот вам цвет, белая гвардия, генеральские дочки. Вот вам революция и вот вам гражданская. И чего же вы ждали еще, жалкие вы кухонные социологи, демократы косноязычные — с таким цветом, с такой-то совестью?

Ах, доктор, доктор, Антон Палыч, хоть бы лазеечку какую оставили, хоть бы буквойкой одной намекнули: кто виноват-то? Все полегче — если бы знать-то.

Занавес?

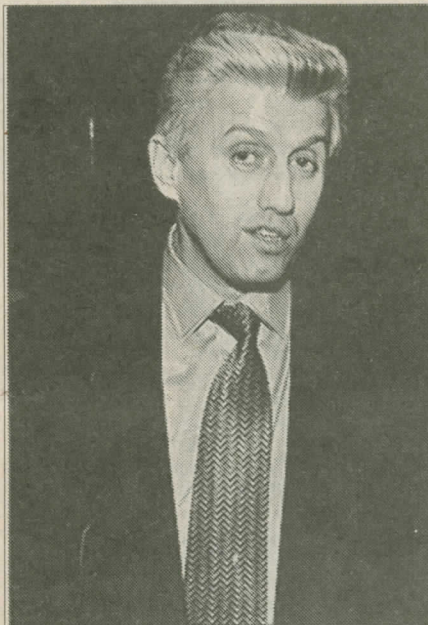
Юрий АЙЗЕНШПИС:

«Я ВИДЕЛ МНОГО КРОВИ...»

...Дверь мне открыл сам хозяин. При этом он продолжал говорить с кем-то по радиотелефону. Вся наша последующая беседа пройдет под аккомпанемент телефонных трелей.

Юрию Шмилевичу Айзеншпису сорок семь лет. Родился в семье служащих, имеет высшее образование, женат. К моменту выхода этого номера у него должен родиться ребенок. Айзеншпис увлекся шоу-бизнесом в те годы, когда само это слово было бранным. В середине шестидесятых он взял на себя обязанности менеджера в рок-группе «Сокол». (Между прочим, с детства Ю.Ш. живет в районе метро «Сокол».)

Без конфликтов с УК обойтись было трудно, ибо нашему герою, чтобы покупать аппаратуру и инструменты у аезжих музыкантов, требовалась валюта. В конце концов Айзеншпис был осужден на длительный срок. На свободу он вышел с той же чистой совестью и твердым намерением продолжать прерванный полет. Бывший зэк организовывал концерты Градского, Муромова и прочих знаменитостей. В 1988 году Айзеншпису пришла в голову идея провести в Москве концерты ленинградского рока...

— С этой целью я нашел Виктора Цоя.

Группа «Кино» была тогда уже известна, но не получила официального признания. Наше знакомство с Виктором постепенно превратилось в дружбу и творческий союз, в результате которого для миллионов поклонников Цой стал чем-то большим, чем просто рок-звезда. Я не хочу очень много на себя брать, но считаю, что в успехе Виктора Цоя есть частица моего труда.

С музыкантами группы «Технология» я был знаком еще со времен «Кино». Тогда «Технология», еще являясь группой «Био», была «разогревающей» командой в концертных турах «Кино». Потом «Био» развалилась на две группы — это известная история, — одна называлась «Био», другая «Технология». Ребята из «Технологии» долго вынашивали свою концепцию и потом, наконец, сумели показать мне свой материал. Они записали три песни, в двух

из которых я углядел будущие хиты: «Нажми на кнопку» и «Странные танцы». Сделав из рядовой группы звезду молодежной поп-музыки, я с группой «Технология» расстался. Этот наш конфликт усиленно обсуждался, хотя я не думаю, чтобы он вызывал особый интерес. Сейчас популярность «Технологии» падает. Не знаю, чем это объяснить — мне, по крайней мере, это неинтересно.

— Ваш новый проект — группа «Янг Ганз». Это единственная группа, которой вы занимаетесь?

— У меня есть еще ряд побочных проектов, но они пока находятся в такой стадии, что о них рано говорить. Я просто пытаюсь сделать звезду буквально из ничего. Это требует много времени, потому что приходится учить человека петь, учить двигаться на сцене. Для этих целей привлекаются самые высококлассные специалисты, которые работают в сфере шоу-бизнеса.

— А «Янг Ганз» пришли к вам уже с каким-то опытом?

— Нет. Вот вы свидетель того, что мне постоянно звонят. В том числе и различные исполнители. Это люди, которые желают стать звездами. Дело в том, что перестройка дала такую возможность всем. Если раньше на сцену попадали люди несчастнейшие: с каким-то музыкальным образованием, с опытом работы при филармониях, то сейчас же абсолютно любой человек, мало-мальски талантливый, может выйти на сцену. Записав хорошую фонограмму и имея хорошие внешние данные. Некоторые доходят до меня, просят прослушать фонограмму...

С «Янг Ганз» я познакомился случайно. Они принесли мне свою кассету. Оказалось, что не только их название англоязычное, но и весь репертуар. Но я увидел в них нечто интересное. До встречи со мной они работали * полгода, написали несколько песен... Но это еще ни о чем не говорит: таких «подвальных» групп в одной Москве может быть больше пяти тысяч. «Янг Ганз» абсолютно не были известны. После того как ребята выполнили одно из моих неперемных условий — начали петь на русском языке, я захотел посмотреть, как они себя ведут на сцене. И сделал возможным их участие в телепрограмме «50x50». После этого я пришел к выводу, что буду работать с ними. Самое приятное для меня в этом проекте, что я опять делаю то, что люблю. В принципе, я воспитан в лучших традициях мирового рок-н-ролла; мои кумиры — Элвис Пресли, Чак Берри, Рей Чарльз. Я любил и «Rolling Stones», и «AC/DC» — словом, мне было приятно увидеть в этих ребятах — «Янг Ганз» — своих единомышленников. Они записали пять песен, сейчас уже готово пол-альбома. Прослушал запись — и совершенно определенно могу сказать, что все эти пять песен — суперхиты. Дальше — дело техники. На сегодняшний день моду определяет то,

что мы видим на экране, то, что мы слышим по радио. Музыка «Янг Ганз» — достаточно профессиональна, а их имидж и их шоу говорят о том, что эта группа будет иметь успех.

— Но все-таки хотелось бы подробнее узнать о методах, что ли, вашей работы. Что в вашем понимании значит «продюсировать»? Имя Айзеншписа — это, бесспорно, марка, но...

— Понятно. В своей деятельности я опираюсь исключительно на интуицию и на знание материала, конъюнктуры.

Продюсер у нас в России работает не так, как на Западе. Я, например, не только финансирую определенные проекты — мне приходится также принимать участие и в творческом процессе. То есть создавать имидж, ставить шоу... В случае с «Янг Ганз», поскольку они ребята еще неопытные, я сейчас больше занимаюсь вопросами записи. Потому что от качества звучания во многом зависит успех группы. Общаюсь со звукорежиссерами, операторами, добиваюсь, чтобы получилось именно то, что я хочу. Музыканты же полностью полагаются на мой опыт.

— Кстати, когда я видел «Янг Ганз» по телевизору, мне сразу бросилось в глаза, что эти мальчики уже ведут себя на сцене как звезды. Это ваша заслуга?

— Да. Еще когда я начал заниматься «Технологией» — а это был самостоятельный коллектив, — я сказал им, что одно только знакомство со мной должно их поднять над всеми другими исполнителями. Потому что я поверил в них как в будущих звезд. То же самое я говорю сейчас и «Янг Ганз». И они очень уверены в себе. Через два-три месяца, думаю, вы их просто не узнаете. Вот недавно мы снимали программу «Я и мои друзья», и известный режиссер Александр Файфман в прямом смысле слова обалдел, когда на сцену вышли «Янг Ганз». И я окончательно понял, что не ошибся в этих ребятах.

— А случалось ли вам ошибаться?

— В серьезных делах — нет. Как-то было, что мне навязали один проект: я просто помогал молодому человеку, без включения своего имени. Но молодой человек оказался очень своеобразным, и я ему просто предложил идти на все четыре стороны.

— Он так и не добился успеха?

— Нет, конечно. Но подчеркиваю: это не был мой собственный проект. Я помогаю очень многим музыкантам, той же Лике Стар, Наталье Ветлицкой, группе «Мальчишник». С «Мальчишником», скажем, меня связывает то, что это подопечные моего воспитанника — Алексея Адамова.

— Президент «BIZ-Enterprises» Борис Зосимов говорил мне в интервью, что, на его взгляд, музыкант, прежде чем оказаться в руках опытного продюсера, должен несколько лет «пахать», прозябая в безвестности. И только потом с ним можно иметь дело: «раскручивать» и так далее. А вы сказали, что ка-

ких-то исполнителей делаете сейчас «с нуля»...

— Ну, при всем моем уважении к Борису Зосимову, я не могу его назвать продюсером. Он занимается большими делами в сфере шоу-бизнеса, но с конкретными исполнителями не работает. У него есть несколько групп, и его тактика вот такая, как вы сказали. Я не могу это обсуждать: у каждого свои методы, но, в принципе, каких-то суперисполнителей у Зосимова нет. При этом он очень деловой человек, мы с ним в хороших отношениях. Я иногда получаю от него поддержку и благодарен ему за это.

— Скажите, вот тот же Зосимов — это компания «BIZ-Enterprises». Лисовский — «ЛИС'С», а Айзеншпис — просто имя? Стоит ли за вами какая-нибудь фирма?

— Думаю, да. Потому что у меня есть штат, и в зависимости от объема работ я приглашаю тех или иных людей. На сезонные, так сказать, работы. А в принципе, у меня много друзей, на которых я полагаюсь, которые оказывают мне помощь.

Я сотрудничаю с известной фирмой «Ангажемент», которую возглавляет Борис Наумович Гительман. Они занимаются «прокатом» наших звезд. Ну, например, Аллы Борисовны Пугачевой. А мне помогают в организации гастролей и концертов. Причем «Ангажемент» — одна из первых частных фирм, которые взялись за такое дело. Ведь раньше гастрольями и концер-

тами занимались государственные структуры — всякие филармонии областные. И пока у «Ангажемента» это получается лучше, чем у других.

— А свой офис у вас есть?

— Есть офис. С телефонами, факсами, все как положено...

— Меня удивило то, что я звонил вам домой несколько раз и все время заставлял вас на месте...

— Да. Дело в том, что мне так удобнее. У меня дома три телефона, факс. А в офисе работают люди, секретарь.

— Могли бы назвать ведущую пятерку наших шоу-бизнесменов?

— Может быть, это будет нескромно, но первым я бы назвал себя. Дело в том, что уже для «Кино» я был не обычным администратором группы, а именно продюсером. У меня разработана определенная технология. Я вообще считаю, что шоу-бизнес — такая же индустрия, как производство автомобилей или литье чугуна. Такая же индустрия народного хозяйства, только в области культуры. И вот я один из первых разработал технологию в своей индустрии. Затем, наверное, Бари Алибасов. У него, правда, всего одна группа — «На-На», но уровень ее «раскрутки» весьма высок. Потом, конечно, Сергей Лисовский. Хотя он занимается немного другим — в основном постановочными работами. У него есть артисты, которым он организует гастрольи, концерты, как-то их

Ю.Айзеншпис (в центре) и его новые «дети» — «Янг Ганз»

«раскрывает», но, как правило, Лисовский имеет дело уже со звездами. Например, с Малиновым он начал работать, когда тот стал знаменитостью. Кто еще? Ну, Иратов — продюсер Алены Апиной...

— А Стас Намин?

— Намин — он сродни Лисовскому. Правда, последнее время его что-то не слышно. Но он все равно магнат шоу-бизнеса. Самый крупный его успех — это тот концерт в Лужниках с участием мировых рок-звезд: «Bon Jovi», «Motley Crue»... И то в том фестивале большую помощь ему оказал я. Ну и еще, пожалуй, надо назвать Аллу Борисовну Пугачеву...

— Да?

— Она — уникальный человек на нашей эстраде... Мой кумир. Вокруг нее очень много молодых исполнителей, и благодаря своему авторитету и хорошему вкусу она продвигает на музыкальный Олимп множество новичков.

— Как может сейчас пробиться на большую сцену молодой исполнитель, если он не имеет за собой поддержки человека вроде вас? Или Пугачевой?

— На сегодняшний день наш шоу-бизнес сформировал определенную практику. И каким бы талантом ни обладал исполнитель, он не сможет двинуться дальше выступлений в кругу своих друзей. Для того чтобы сейчас просто выйти на сцену, нужно заплатить деньги. Не говоря уж о какой-то рекламе. То есть трижды талантливый человек сегодня ничего не сделает в шоу-бизнесе без продюсера. Производство звезд — это очень дорогое дело.

— Как вы относитесь к тому, что на телевидении сейчас надо платить деньги за показ своих музыкантов, то есть, по сути давать взятки?

— Нет, ни о каких взятках здесь речи не идет. Дело в том, что сейчас многие редакции работают на хозрасчете — то есть сами зарабатывают себе деньги. Эфирное время, как вы знаете, очень дорогое. Поэтому с ними заключаются договоры и деньги платятся вполне официально.

— Но про тот же «Музобоз» я постоянно слышу, что они берут взятки.

— Я хорошо знаком с Ваней Демидовым, и я никогда не давал ему никаких взяток. Более того, я знаю, что «Музобоз» финансирует какие-то безнадежные проекты или просто платит рок-музыкантам, чтобы они могли как-то жить. «Музобоз» — это программа, которая, несомненно, идет вне всякой конкуренции. Конечно, у меня бывают какие-то чисто вкусовые споры с Демидовым, но совершенно однозначно, что его передача — самая профессиональная на нашем ТВ.

— Можно ли быть честным в шоу-бизнесе?

— Честным?.. Ну, я думаю, что вообще в бизнесе надо быть честным, порядочным человеком. А потом, что вы подразумеваете под словом «честность»? Быть требовательным по отношению к себе и своим

партнерам? Строго выполнять какие-то договоренности? Это, на мой взгляд, обязательные условия для любого бизнеса. Что касается меня, то я очень ответственно отношусь к каждому сказанному мною слову и, по-моему, всегда был честен. Этим объясняется то, что многие оказывают мне большое доверие в делах.

Но одно дело — честность, а совсем другое — авантюризм. Под словом «авантюризм» я понимаю стремление к риску.

— Вы считаете себя «рисковым» человеком?

— Да, я способен рисковать.

— Вы случайно не посещаете иногда казино, не играете в преферанс?

— Нет, я этого не люблю. У меня слишком мало времени, чтобы вот так развлекаться. Бывает, сыграю несколько партий в карточки в кругу друзей.

— А во что?

— Ну, в тот же преферанс или еще во что-нибудь... Но я не азартный игрок. Для меня весь азарт — в сфере бизнеса.

— Юрий Шмильевич, про вас ходят слухи, что шоу-бизнес для вас дело третье. Что на самом деле вы чуть ли не крупный промышленник, землевладелец...

— Вы знаете, относительно людей известных — а я себя таковым считаю: меня постоянно узнают на улице, останавливают, спрашивают... Так вот, относительно известных людей всегда ходят разные слухи.

Шоу-бизнес — это действительно не единственное дело, которым я занимаюсь. Но вызвано это только тем, что на сегодняшний день наш шоу-бизнес болен так же, как больно и все общество. Поэтому сейчас не приносят каких-то сверхдоходов, какие приносил, по крайней мере мне, два-три года назад. Но поскольку это мое любимое занятие, я не могу его вот так взять и бросить. И чтобы как-то выжить, занимаюсь с другим бизнесом. Самым разнообразным.

— Есть ли у вас связи с западными шоу-бизнесменами?

— Есть. Вот недавно я вернулся, например, с международной ярмарки грамзаписи в Каннах. У меня большие связи во Франции, в Америке, но все мои проекты пока не выходят за наши границы. Не потому, что они недостойны быть представленными на Западе. Это, кстати, касается всей нашей эстрады. Мы просто настолько бедны, что у нас не хватает средств делать рекламу своим исполнителям на Западе. Будь у нас эти средства, мы бы покупали эфирное время в престижных программах MTV и наши исполнители пользовались бы успехом... Но я думаю, что это вопрос времени...

— Нет ли у вас опасений, что ситуация в стране резко изменится и далеко не в лучшую сторону?

— Я понимаю, о чем вы говорите. Но могу сказать, что я легко адаптируюсь к любым условиям, и поэтому у меня нет того страха, который должен испытывать рядовой обыватель. В своей жизни я видел очень

много жестокости, очень много крови, очень много смертей. Если мой опыт сравнивать с тем, который описал в своих романах известный русский писатель Солженицын... Он-то сидел среди людей себе подобных — инакомыслящих. А я отбывал наказание среди уголовников. И я видел весь этот беспредел как со стороны заключенных, так и со стороны администрации. Сейчас такой беспредел мы видим повсюду — в политике, на улице... Но я-то человек оптимистичный и верю, что все это пройдет.

— Меня очень удивило, что вы сами открыли мне — незнакомому человеку — дверь. Разве вас не настораживают последние события: убийство Шишигина, например?

— Убийство Шишигина — оно, если говорить откровенно, не случайно. Это какой-то закономерный акт. Убийство было явно заказное. Ну, не принято говорить плохо о мертвых... Я его знал, он был человеком добрым, доверчивым. Может быть, ему не хватало гибкости или... ну бог его знает. В общем, это дело правоохранительных органов.

— А на вас никогда не было покушений или чего-нибудь в этом роде?

— На меня? Нет. По-моему, ни у кого нет причин меня убивать.

— Но есть же просто не совсем вменяемые люди.

— Ну, бывают ненормальные... Я как-то вызвал врача, и когда он уходил от меня, то уже внизу, в подъезде, на него напал какой-то маньяк с оружием. Но врач не растерялся, применил боевой прием — нападавший чуть концы не отдал. Понимаете, я считаю, что если хотят кого-то убить — то сделают это, какая бы охрана ни была. Поэтому думаю, что охранять себя — дело бесполезное.

Да и бояться мне нечего.

Алексей БЕЛЯКОВ

В следующем номере «Столицы» читайте в рубрике «Акулы шоу-бизнеса» интервью с Бари АЛИБАСОВЫМ

Наклейки

отличного качества

по низким ценам

2-цветные — 1 кв.см — 30 коп.

3-цветные — 1 кв.см — 35 коп.

Визитные карточки
1- и 2-сторонние.

Тел. 921-44-91

ШИЗОФРЕНИКИ НЕ ВЯЖУТ ВЕНИКИ. К СОЖАЛЕНИЮ

«Воспитание Кейна», США,
реж. Брайан ди Пальма
«Смерть и
невиновность», США,
реж. Джон Патерсон
«Страх темноты», США,
реж. Марк Пеплос

Как известно, шизофрения или раздвоение личности — любимая болезнь зарубежных литературных и киноманьяков, ведущих свою родословную от бессмертных мистера Хайда и доктора Джекила. Доказательством сему служат три ленты, в которых маньяки-шизофреники представлены во всех вариантах — мужском, женском и даже детском. В «Воспитании Кейна» и «Смерти и невиновности» рождение маньяков довольно стандартно: тяжелое детство, во время которого папа-садист либо всячески измывался над сыном, либо «пошалил» с дочкой, вследствие чего те и возненавидели весь род людской. Раздвоение у них также происходит по довольно банальной схеме — просто герои вдруг начинают говорить двумя разными голосами: мягким — «Ах, не убивай его, не убивай» и грубым — «Убей его, убей». Грубость, увы, побеждает со всеми вытекающими отсюда последствиями для жертв. Про финалы и не говорю, они как две капли — возмездие настигает убийц, но не до смерти, и авторы намекают последним кадром: трепещи, зритель, продолжение следует. Вот мы и трепещем в ожидании. Гораздо удачнее получился «Страх темноты», создатели которого сумели привнести в эту избитую тему какое-то чисто хичкоковское очарование ужасным без демонстрации крови, хлещущей из перерезанного горла. В провинциальном городке живет маленький мальчик, у которого слепая мать, слепая сестра и вообще создается впечатление, что добрая половина жителей — незрячие. И за ними охотится некто с острой бритвой, которого мальчик, защищая

слепых, в конце концов и убивает. Но оказывается, что это только первая половина ленты, а во второй становится ясно, что на самом деле все наоборот. Все жители и все родственники героя — зрячие, а сам он катастрофически слепнет. И при этом его детские фантазии и страх темноты делают мальчишку опасным для окружающих. Очень хороший триллер, поднимающийся выше среднего уровня.

ЦАРСКАЯ ЛЮБОВЬ

«Молодая Екатерина»,
США,
реж. Майкл Андерсон

Историческая мелодрама. Про любовь молодой Екатерины и красавца графа

Фильмы представляет Петр Смирнов

по фамилии Орлов. Уточню: про любовь чистую и, я бы сказал, жертвенную, так как на «грех» будущую императрицу российскую толкает не половая распущенность, а исключительно служебная необходимость (муж — пьяница и злодей, не обращает на нее никакого внимания, а России позарез необходим наследник престола). Интерьеры и пейзажи в картине — наши, актеры — зарубежные. И те и другие играют хорошо и добротно. Екатерина — Джулия Ормонд, Орлов — Марк Френкель, Фридрих — Максимилиан Шелл, Елизавета — Ванесса Редгрейв, Воронцов — Франко Неро. Снимая такое кино, мы обязательно залезли бы в политико-исторические дебри, американцы же сняли еще один вариант костюмно-любовного «Майерлинга», с точностью до наоборот процитировав известные строки: «Она его за муки полюбила, а он ее за состраданье к ним». И зрители остались довольны.

ГАЗОНОКОСИЛЬЩИК МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ

«Рисовальщик», США,
реж. Педан Папаймайл

Детектив с Джефом Фейи, который сыграл в «Газонокосильщике» слабоумного, но добродушного героя, становящегося в результате экспериментов с

компьютером всемогущим и агрессивным монстром. В своей новой работе актер развивает, очевидно, понравившийся ему образ слабого, маленького человека, которого обстоятельства превращают в супермена. В данном случае — штатный полицейский рисовальщик (по описаниям свидетелей он создает портреты предполагаемых преступников) преобразуется в суперсыщика, в одиночку раскручивающего очень сложное дело, в котором оказывается замешана его жена. Вполне «смотрибельное» кино.

ОТЕЦ — ГЕРОЙ

«Микки + Мод», США
реж. Блейк Эдвардс

Комедия. Забавная и трогательная. Герой очень хочет ребенка, а его жене все некогда, ибо она — деловая женщина. И когда он совсем уж готов развестись с ней, чтобы жениться на другой, готовый сделать его отцом, выясняется, что и жена беременна. Далее, на протяжении всего фильма, он лихорадочно разрывается между двумя женами, дабы в финале все же умудриться стать не только счастливым двоеженцем, но и не менее счастливым многодетным отцом, решившим посвятить себя воспитанию подрастающего поколения. А жены? Жены тоже счастливы: теперь они могут заниматься своими любимыми делами — одна политикой, другая искусством. Сказка ложь, да в ней намек... А Дадли Мур (помните его в «Артуре»?) воистину один из лучших комиков Америки, работающий в чаплиновской манере.

Священник Михаил АРДОВ

НА ОРЛАХ СТОЯЩИЕ

Из книги «Мелочи архи... прото...
и просто иерейской жизни»*

Правильно и основательно говоря, надо сознаться, что русские своих архиереев совсем не знают.

Н.Лесков. Мелочи архиерейской жизни

...стоять на парящих орлах и дух воздымать в превыспренные...

Н.Лесков. Заметки неизвестного

...Не без «страха и трепета» я приступаю к изображению тех, «кто дух воздымает в превыспренные». И тут единственное мое преимущество перед великим предшественником (наличие священного сана) решительно превращается в свою противоположность.

Как сказал мой любимый поэт, современник Лескова, —
Ходить бывает склизко

По камешкам иным...

И все же, преодолевая «страх и трепет», начну эту главу со старинного народного анекдота.

Как на некое косвенное оправдание своей фривольности, сошлюсь на то, что один из самых видных наших иерархов, Митрополит Ленинградский Никодим (Ротов), анекдот этот весьма ценил и частенько рассказывал.

Итак, преддверие Рая. Тут толпятся души многочисленных праведников, которых не весьма спешно туда пропускают. И вдруг слышится благолепное пение, к вратам приближается торжественная процессия — на пышном одре в Рай несут почившего архиерея.

Некий престолюдин, которому вместе со всею толпою приходится посторониться, в сердцах говорит Апостолу Петру:

— И у вас тут справедливости нет... Как архиереям на земле почет, так и тут их вносят без всякой очереди...

— Знал бы, что говоришь, — отвечает ему Апостол. — Из вашего брата каждый второй в Рай попадает, а из них — один на тысячу...

Митрополит Ярославский Иоанн (Вендланд) рассказывал мне, что в свое время был в дружеских отношениях

Фото В.Шишова

с протоиереем П.Гнедичем, одним из преподавателей Московской Духовной Академии. Они часто сживали в келии о.Петра и вели беседы. Как-то взялись они рассуждать о «черном духовенстве». Разговор шел примерно так:

- Кем хочет стать иеромонах?
- Иеромонах хочет стать архимандритом.
- Кем хочет стать архимандрит?
- Архимандрит хочет стать епископом.
- Кем хочет стать епископ?
- Епископ хочет стать митрополитом.
- Кем хочет стать митрополит?
- Митрополит хочет стать патриархом.
- А кем хочет стать патриарх?
- А патриарх хочет стать святым.

Я когда-то пересказал это архиепископу Киприану (Зернову). Он улыбнулся, а потом заметил:

— Я знал четырех патриархов — Тихона, Сергия, Алексия и Пимена, и ни один из них не был ханжой. А святым хочет стать только ханжа.

Теперь почти никто не помнит и не знает, что архиепископ Киприан был инициатором важной реформы в жизни Церкви. Я имею в виду переход священнослужителей на ежемесячную зарплату. До этого им отдавалась «кружка» — определенная часть приходского дохода. Однако же с введением в хрущевские времена грабительского налога повсюду возникли конфликты между клириками и финансовыми органами, которые принялись драть с нас безбожно.

И вот тогдашний председатель Совета по делам религий В.А.Куроедов заговорил на эту тему с архиепископом Киприаном, который управлял делами Патриархии.

* Полностью книга публикуется в журнале «Октябрь».

— Что же нам делать? — спросил Куроедов. — Всюду скандалы, судебные разбирательства, к нам идут бесконечные жалобы...

— Выход только один, — отвечал Владыка Киприан, — надо установить для всех священнослужителей твердую зарплату. И уже с нее начислять налоги.

— Хорошо, — сказал Куроедов, немного подумав, — мы можем на это пойти... Но только тогда уже так: у каждого зарплата, и не брать ни копейки больше...

Владыка Киприан улыбнулся и спросил: — Владимир Алексеевич, вы знаете, кто такой был Патриарх Тихон?

— Знаю, — отвечал тот. — Слышал.

— Так вот Патриарх Тихон говорил о себе так: «Я знаю, меня московское духовенство очень любит. Я думаю, многие из них готовы за меня пострадать. Но я так же твердо знаю, что, если попробую вмешаться в их доходы, они завтра же меня скинут... «Имея уши слышати, да слышит».

Мне рассказывали, что в пятидесятых годах в городе Запорожье был весьма строгий Владыка по имени Андрей. Тогда на Украине все священнослужители ходили только в рясах. И вот в Запорожье произошел такой забавный случай. Некий священник, идучи по улице в рясе и с крестом, нос к носу столкнулся со своим Владыкой, который как назло шел в гражданском костюме. Батюшка на мгновение растерялся — подходить ли в таком случае под благословение?.. Чтобы замять неловкость, архиерей сам поспешно схватил его за руку и сказал:

— Здравствуйте, отец Василий.

Наблюдавший эту сцену горожанин сделал ему замечание:

— Как не стыдно? Старый человек, а батюшку, как положено, поприветствовать не можешь — взял бы благословение!..

Некий архиерей погожим летним утром ехал по пределам своей епархии. Издали он увидел сельский храм и приказал шоферу свернуть. Церковь оказалась открытой, там стоял гроб, а священник совершал заупокойную литургию. Владыка вошел в Алтарь, благословил настоятеля и стал дожидаться окончания службы. При этом он с удивлением заметил, что по случаю жаркой погоды батюшка служит в резиновых пляжных тапочках, т.н. «вьетнамках». Когда литургия отошла, архиерей сделал по этому поводу замечание. Находчивый клирик отвечал так:

— Владыка, а я сколько икон и картин помню, всегда и у Спасителя и у апостолов пальчики на ногах видно...

Секретарь епископа одной отдаленной епархии рассказывал, как он со своим Владыкой посещал некий сельский приход. Телеграмма об их приезде, как видно, не дошла. Выйдя из машины, архиерей со своей свитой обнаружил запертый храм. После чего все направились к церковному дому, который тоже был заперт, но изнутри. Стучались довольно долго... Наконец, послышались шаги босых ног по дощатому полу. Дверь распахнулась, и в проеме появилась фигура батюшки в одних трусах. Спросив о некотором времени с удивлением глядел на прибывших... Когда же он сообразил, кто перед ним стоит, глаза его округлились и он истощным голосом завопил:

— Машка!.. Тревога!.. Архиерей приехал!..

Маститый протоиерей В.Б. рассказывал мне об одной замечательной сцене, которой когда-то был свидетелем. Произошло это в начале шестидесятых годов. По какому-то делу он пришел к епископу Можайскому Леониду (Полякову), викарию Московской епархии — впоследствии Митрополит Рижский и Латвийский. И тут вдруг к Владыке явилась целая делегация женщин из какого-то

подмосковного прихода.

— Владыка, — говорят, — пришлите нам другого батюшку.

— А ваш-то чем плох? — спрашивает епископ. — Пьет он, что ли?

— Нет, он у нас спиртного в рот не берет.

— Плохо служит?

— Служит хорошо, проповеди нам читает...

— Так в чем же дело? Почему вы его не хотите?

— Уж очень мал ростом...

Тут архиерей рассвирепел:

— Вон отсюда, нахалки!.. Я вам по росту еще подбирать буду!

Владыка Леонид занимал кафедру Рижскую и Латвийскую много лет. Церкви там такие бедные, что священник служит в трех, а то и в четырех приходах. Самым посещаемым, а потому и доходным местом во всей Латвийской епархии является Преображенский монастырь, т.н. «пустынька». В особенности процветала она, когда настоятелем там был покойный архимандрит Таврион — священник, известный всей православной России.

Близкий о.Тавриону человек рассказал мне такую историю. Во время очередного визита в «пустыньку» Владыка Леонид говорит настоятелю:

— Ко мне в гости приезжает Грузинский Патриарх Илия. Я его помню с тех времен, когда он еще учился в Духовной Академии. Мы с ним у тебя послужим.

Отец Таврион представил себе все хлопоты, связанные с приездом столь высоких лиц, а потому откровенно сказал своему архиерею:

— Нет, нет, нет! Не надо, не привози его сюда. Вот тебе четыре тысячи, и гуляйте с ним в Риге как хотите!

Покойный Митрополит Ленинградский Антоний (Мельников) говаривал:

— Ленинградская епархия — неплохая. Только нужно было бы хотя бы маленький монастырек, чтобы можно было кормиться...

И вот забавная история, которую рассказывал Владыка Антоний. Он был в составе делегации Русской Православной Церкви на экуменической конференции, которая происходила в Эфиопии. В какой-то день участников этого мероприятия повезли в глухую деревушку, где они посетили местный храм. Собравшиеся там эфиопы, вообще имеющие предубеждение по отношению к белокожим, смотрели на этих гостей с недоверием и даже страхом. Местный священник, чтобы разрядить обстановку, обратился к своей настороженной пастве с такими словами:

— Вы не пугайтесь, вы не бойтесь... Наши гости только снаружи такие белые... Душа у них такая же черная, как и у всех нас.

Владыка Иоанн (Вендланд) рассказывал о таком забавном происшествии, которое случилось с ним в бытность его Митрополитом Нью-Йоркским и Алеутским. Он шел по какой-то улице в Нью-Йорке. К нему подошел негр и сказал:

— Равви, я тоже верю в еврейского Бога. Мне очень хочется выпить. Дай мне, пожалуйста, четверть доллара.

(Тут надо напомнить, что по происхождению своему Владыка был из немцев и семитского в его внешности не было решительно ничего.)

Просьба чернокожего рассмешила Митрополита, и он дал попрошайке пятьдесят центов.

Негр взглянул на монету и произнес:

— Равви, я у тебя просил четверть доллара, а ты мне дал пятьдесят центов... Может быть, ты тоже хочешь со мною выпить?

Однажды Владыка Иоанн мне сказал:

— Ну что мы теперь за архиереи?.. Вот раньше были архиереи, до революции... Вот, например, служат вместе правящий Владыка и его викарный епископ. Правящий стоит посреди храма, а викарий несколько отступя назад. И вдруг он делает полшажка вперед. Тогда правящий говорит ему вполголоса: «Куда ты лезешь, г... собачье?» Вот это были архиереи!..

1989 год принес нечто совершенно новое, небывалое в жизни православных приходов. В городе Суздале состоялся митинг в защиту настоятеля тамошнего храма архимандрита Валентина, и там участники (вернее, конечно, участницы) сожгли чучело правящего архиерея — архиепископа Валентина.

Я был свидетелем такого разговора. Е. говорит:

— Если этот новый для нас обычай получит распространение, может быть, стоит договориться с каким-нибудь кооперативом, чтобы там наладили производство чучел архиереев с возможным портретным сходством, и притом из экологически чистых горючих материалов...

Б. говорит:

— А может быть, поручить это хозяйственному управлению самой Патриархии?

И они тут же разработали прейскурант.

Чучело епископа — тысяча рублей.

Архиепископа — полторы тысячи.

Митрополита — две.

Постоянного члена Синода — три тысячи.

И, наконец, фигура самого Святейшего Патриарха — пять тысяч рублей.

Сегодня все это звучит еще более актуально — несмотря на безудержный рост инфляции...

После архиерейского служения на приходе обыкновенно бывает для гостей обед. Если епископ по характеру живой и нечванливый, обед может проходить и весьма оживленно. Рассказывали мне об одном курьезном случае за подобной трапезой. Когда уже выпили за здоровье Владыки, один из батюшек, отличавшийся непосредственностью, вдруг сказал:

— Давайте выпьем за мою матушку. Очень я ее люблю.

Непосредственность клириков может простираться и много далее. Мне рассказывали, как архиерей обедал у одного священнослужителя, человека довольно молодого, отца двоих детей. Владыка в шутовском тоне заговорил с хозяином на ту тему, что у них с матушкой могут быть и еще дети. Хозяин встал из-за стола, приблизился к архиерею, сложил руки лодочкой и совершенно серьезно сказал:

— Благословите зачать...

И тут уж Владыка не знал куда деваться.

Некий правящий архиерей во время обеда в назидание своим клирикам прочел подлинное письмо, полученное им с одного из приходов:

«Дорогой Владыка! Сейчас идет Петровский пост, а у нашего батюшки по бороде течет мороженое. Что нам делать?»

(Я на свой вкус ответил бы так: «Прежде всего вытереть батюшке бороду»).

Вот дословная цитата еще из одного письма, которое получил в недавнее время правящий архиерей:

«Дорогой Владыка! Наш батюшка все время удит рыбу. Мы знаем, что апостолы тоже ловили рыбу, но они ловили ее сетями, а на уду ловит диавол. Нас это вводит в смущение».

Один священник, некоторое время служивший в Архангельской епархии, сам рассказывал о себе такую историю. Как-то он пришел к своему епископу. Владыка принял его по-домашнему, сам угощал и, в частности, вынул из холодильника семгу и отрезал для гостя несколько кусочков. Батюшка съел это с аппетитом и сказал:

— Очень вкусно. Владыка, а нельзя мне еще немножко?

Владыка отрезал ему еще.

Священник съел это и уже вовсе насытился. После этого он сказал:

— Владыка, ведь вам еще семги принесут... Отдайте мне то, что у вас осталось.

Архиерей безропотно завернул в бумагу последнюю часть рыбины и подал батюшке с такими словами:

— Скромности в тебе мало...

Некий только что поставленный епископ был отправлен на послушание в Дамаск, как представитель Патриарха Московского при Антиохийском Первосвятителе. Не успел он там пробыть и нескольких месяцев, как на Ближнем Востоке разразилась очередная война. Владыка немедленно сел в самолет и прибыл в Москву. Когда же Патриарх выразил ему свое неудовольствие по случаю самовольного возвращения, епископ отвечал ему буквально следующими словами:

— Ваше Святейшество, ведь пуля — дура. Она не разбирает, кто араб, кто еврей, а кто — русский архиерей.

Я когда-то заметил некую сообразность, некое соответствие между возглавителями советского государства и современными им первоиерархами Русской Православной Церкви. Патриарх Тихон был достойным партнером Ленина, Митрополит (Патриарх) Сергей — соответствовал Сталину, Патриарх брежневских времен — Пимен —

Фото Ю. Шуккина

вполне может быть наименован «застойным»... Эта закономерность не распространяется лишь на Патриарха Алексия I, первосвятительство которого началось при Сталине, продолжалось при Хрущеве и окончилось уже при Брежневе. Дворянин хорошего рода, лицеист, он никогда не стремился к высшим должностям, но обстоятельства складывались таким образом, что он, сам не домогаясь этого, возвышался и возвышался... Когда он был избран на Первосвятительский престол, ему было уже 68 лет, и более молодые претенденты полагали, что Святейший не протянет особенно долго. Однако же Бог распорядился таким образом, что Патриарх Алексей дожил до 93 лет, а все его завистники умерли гораздо раньше.

Вот дословный рассказ Владыки Киприана (Зернова).

— Меня только что посвятили в епископы, и мне пришлось сослужить Патриарху Алексию. С нами служил еще и Владыка Леонид (Поляков), его тоже только что поставили... Служим троим... В какой-то момент Святейший сел. Мы тоже уселись. Тогда Патриарх посмотрел на нас и кротко так говорит: «Я сел потому, что очень ноги болят. А вы почему сели?»

Мы с Леонидом вскочили как ошпаренные!

Некоторые из диаконов носят бороды, но есть и такие, которые бреются. Архиепископ Киприан полагал, что это допустимо, ибо, по его мнению, если священник в определенные моменты богослужения уподобляется Спасителю, то диакон — ангелу, а посему вполне может быть безбородым. Однако же Патриарх Алексей был противоположного мнения.

В Егорьевске долгое время служил протодиакон о. Павел Васильев. Как-то раз в Москве, в храме Пимена Великого его подвели к Патриарху Алексию и представили.

Святейший сказал:

— Скажите, отец Павел, а у вас в Егорьевске все диаконы бород не носят?

— Ваше Святейшество, — отвечал тот, — я уже три раза бороду отпускал, но очень становлюсь похож на Израиля.

Патриарх посмеялся и сказал:

— Ну, на Израиля, так на Израиля... А бороду все-таки носить надо.

Однажды к Патриарху Алексию обратились с просьбой удалить за штат какого-то московского священника.

— А почему его надо увольнять? — спросил Святейший.

— Он очень старей...

— А я? — спросил Патриарх.

На этом разговор был окончен.

Архиепископ Киприан в бытность свою управляющим делами Патриархии всякий раз сопровождал Святейшего Алексия, когда тот бывал зван на официальные кремлевские приемы. Там всегда происходило одно и то же: к Святейшему приближался Ворошилов и пел тропарь перенесению мощей Святителя Николая: «Приспе день светлого торжества, град Барский радуется...» (Тропарь он помнил с детства, ибо тогда пел в хоре Никольского храма.) Эта повторяющаяся сцена была тем забавнее, что оба они — и Патриарх и Ворошилов — были уже дряхлые и почти глухие...

Про покойного Патриарха Пимена Владыка Киприан говорил:

— Он — церковник до мозга костей.

По этой причине Святейший в высокой степени обладал своеобразным сословным юмором.

В бытность его Митрополитом Крутицким служил он в одной московской церкви. Там был диакон, как видно, только что принявший сан и по этой причине чрезвычайно затягивавший службу. Когда же он вместе с народом запел Символ веры, Владыка Пимен без всякой улыбки спросил настоятеля храма:

— А у вас в Алтаре есть раскладушка?

— Нет, Владыка, — растерянно отвечал батюшка.

— Жаль... Я бы сейчас поспал, пока он поет «Верую».

Как-то такое Митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен прибыл в московскую гостиницу «Украина». Швейцар помог иерарху снять зимнюю рясу и принял из его руки епископский посох. Но при этом то ли от почтительности, то ли по небрежности посох уронил, да так, что при падении от трости отлетел набалдашник. Швейцар в смущении поднял то и другое и сказал Митрополиту:

— Прости, батюшка... Клюшку твою сломал...

— Какую клюшку?! — взъярился архиерей. — Что я тебе — хоккеист?!

А вот самый последний анекдот, связанный с именем Патриарха Пимена. Это произошло недели за две до его кончины, в апреле 1990 года. В Чистый переулок, в здание Патриархии пришел деловитый мужчина и обратился к секретарше:

— Могу я видеть Всевышнего?

Он, конечно, имел в виду Святейшего, т.е. Патриарха.

Секретарша, разумеется, это поняла и отвечала ему по существу дела, а потому диалог их с богословской точки зрения получился совершенно удивительный. Всевышним, надо тут сказать, мы именуем Самого Бога.

— Могу я видеть Всевышнего? — спросил посетитель.

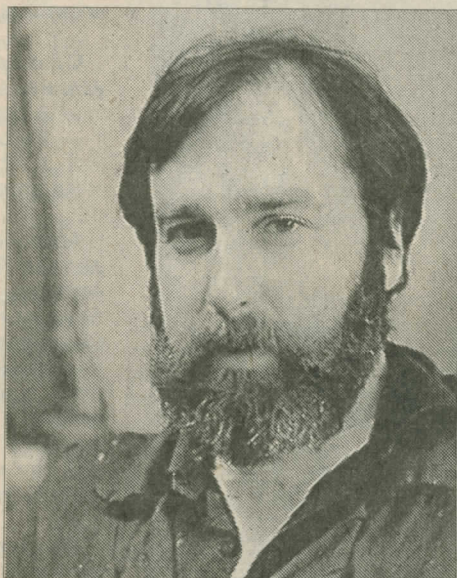
— Он себя плохо чувствует, — отвечала секретарша.

— А есть у него какой-нибудь заместитель по хозяйственной части?

— Есть, — отвечала секретарша и указала посетителю путь в Хозяйственное управление Патриархии.

ВАСИЛИЙ ШУЛЬЖЕНКО

И НОВАЯ РУССКАЯ МИФОЛОГИЯ

Поглядев на картины Василия Шульженко, лишь ленивый не напишет о растоптанной и поруганной России, о том, что у нее особенная статья и что в нее можно только верить. Или не верить. Или не доверять, добавим мы тут же.

Василий Шульженко, похоже, ей не доверяет. Но я не спешил бы подозревать его в некотором особенном пессимизме. Он не доверяет России ровно в той степени, в какой это свойственно человеку, знающему историю и любящему литературу. И ровно в те минуты, когда не боится себе признаться в этом недоверии. Сейчас он явно не боится — не потому ли так страшны сюжеты и персонажи его последних работ.

Образ самого Шульженко в московском художественном мире стабилен, отмечен уважением и даже некоторой завистью. Его появление на арт-рынке — отнюдь не приход колдуна на крестьянскую свадьбу, поскольку Василий Шульженко, к счастью, не похож на профессиональных пророков и обличителей. Для этого он слишком хорошо умеет рисовать — благо, в отличие от многих прошел школу художественного мастерства с нижних чинов. Из семьи художника, окончил МСХШ, затем учился в полиграфическом институте, где всегда ценилась аккуратная, осмысленная и чистая работа. И хотя после-

довавшие за этим три года в издательстве «Прогресс» он склонен сравнивать с трехлетним тюремным заключением, наука работать с книгой никому не проходит даром.

По существу своему он до сих пор «книжный», ученый художник. Живописная и литературная сторона его работ выверена практически безошибочно. Он komponует своих уродцев с такой же спокойной точностью, с какой художники поп-арта расставляли банки Кемпбел-супа.

Со временем он научился избегать чисто политических соблазнов. В соцартисты его не запишешь. Те — играли с идеологией, с выдуманной «правильной» жизнью, он же выдумывает другую, «неправильную», свою. Вместо лозунгов показывает среду, эти лозунги равнодушно впитывавшую.

Соцартистские опыты у него достаточно редки и едва ли не исчерпываются ремейком классического произведения 1930-х «Сталин, Молотов и Ворошилов у постели больного Горького». Но даже называя так же картину 1991 года, Шульженко не соперничает с великими мастерами советского реализма и помещает сцену в условный сюрреалистический интерьер.

Идея соц-арта, идея абсурдности кумачового соцреалистического счастья, — для него слишком книжная идея, раз-

влечение городских жителей, которым «Правда», телевизор и сам столичный ландшафт предлагали пропагандистские образы в возбуждающем избытке. Но на тех горизонтах и уровнях, где находит своих героев Василий Шульженко, ни одна надпись не важна, хоть «СЛАВА...», хоть «ЦОЙ» на стенке «Городского сортира» (1991). Сортир, кстати, изображен с натуральностью, превосходящей чинный муляж Кабакова на последней выставке «Documenta» (в Касселе не доставало главного: отечественных посетителей). Никакой лозунг в сортире не абсурден и никакой не заметен. Не в них дело.

Мы могли бы себе позволить крамольное утверждение, что его работы вроде «Видения Кольки Рыбина» или «Сусанна и старцы» (1992), несмотря на все российские реалии, относятся к России достаточно косвенно. Они напоминают, скорее, о голландской и фламандской манере, к которой Василий Шульженко так пристрастен. Монстры монументальные, позы классичны, композиции сложны, а солнце играет на обнаженных и некрасивых телах.

При всей жесткости и откровенности, при кажущейся минимальной дистанции с реальностью мы ограждены от этой реальности прозрачным экраном истории искусств. Персонажи выглядят злоб-

ными и опасными троллями, но нам нечего бояться — за нашей спиной — стоит сам художник, крупный, спокойный, благообразный, бородатый, быть может, даже в бархатном берете, взятом напрокат у Вермера или ван Остаде.

В сущности, щадя время и эрудицию поклонников, он никогда не скрывал своих классических пристрастий: «Я буквально влюбился в мастеров Северного Возрождения, таких, как ван Эйк, Мемлинг, Рогир ван дер Вейден... Любимый художник — Брейгель...» А также Рубенс, и ван Рейсдал, и многие другие великолепные живописцы, влияние которых нетрудно заметить, если вспомнить, например, что мохноногий леший, играющий пастухам на гармошке («Леший и пастухи», 1990), был когда-то сатиром за крестьянским столом во Фландрии. Правда, принимали его во времена Якоба Йорданса со значительно большим радушием.

Вероятно, именно эта легко узнаваемая европейская традиция в сочетании с русской «немыслимостью» сюжетов и экзотичностью персонажей принесла Василию Шульженко такой стабильный и заслуженный успех у западных коллекционеров. Он говорит о России внятно, артикулированно и достаточно отстраненно. Его образы аллегоричны и обращены к интернациональному зрителю: понятны постороннему и не элементарны для нас.

Он пишет много, он чрезвычайно профессионален, он умеет и не стесняется работать. Это тип нового русского живописца, спокойно, уверенно и без авансов входящего в международные классификации. Об этом говорят успешные западные опыты, выставки в Америке и работа с Maya Polsky Gallery, поддержавшей его бесконечные поиски русского мифа, завершившиеся в 1992 первой премией на Art Expo, Международной выставке изобразительного искусства в Чикаго.

Пространство нового мифа о России, который он отважился сконструировать по своему вкусу и усмотрению, принадлежит теперь ему одному. Мастерство искупает литературность, а искренность и достоинство извиняют успех. Самим существованием своих пугающих серий он утверждает: мир, в котором существует художественное мастерство, — еще не потерян.

**Василий Шульженко
На кресте. Х., м. 1993**

**Василий Шульженко
Продавцы картофеля
Х., м. 1990**

**Василий Шульженко
Упавший. Х., м. 1990**

OMNIA MEA MECUM PORTO...

индекс 73746

... ВСЁ МОЁ НОШУ С СОБОЙ

*Банковская
карточка*

STB
CARD